

Игуарг
де Лабур

ВОУШЕБНЫЕ

КАЗКА

SOBD

1061712

Эдуард
де Лабурд

ВОИШЕБНЫЕ СКАЗКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЬБАТРОС»,
РИГА
ИПП «ЯНТАРНЫЙ СКАЗ»,
КАЛИНИНГРАД

Художник Ю. Смолова

С Издание подготовлено издательством
«Альбатрос», 1992 г.
С Художник Ю. Смолова

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ ЭДУАРДА ЛАБУЛЭ

«В доброе старое время, то есть во дни нашей молодости волшебные сказки занимали важное место в воспитании. Оттуда черпало наше поколение те твердые убеждения, которые не могли поколебать ни жизнь, ни перевероты.»

Эдуард-Рене Асфевр де Лабулэ

Литературные сказки Эдуарда Лабулэ /1811—1883/, французского ученого, публициста, политического деятеля, автора известного памфлета против Наполеона III — «Принц-собачка», пользуются широкой и заслуженной мировой известностью. Впервые они были изданы в трех сборниках («Голубые сказки» 1864 г., «Новые голубые сказки» 1867 г., и «Последние голубые сказки» 1883 г.) и с тех пор неоднократно переиздавались на французском и других языках.

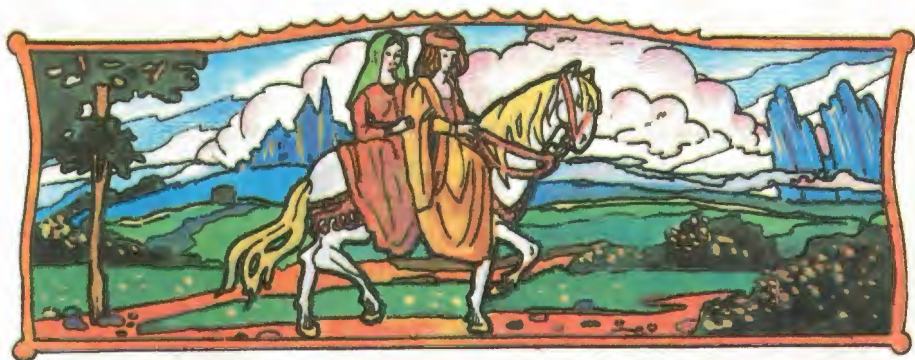
В творчестве Эдуарда Лабулэ французская литературная сказка достигла своей классической формы. Обла-

дая несомненным талантом сказочника, сам Лабулэ говорил о приверженности к этому жанру следующее: «Между другими своими слабостями я доныне сохранил любовь к волшебным сказкам. И вечером, когда дневная работа уже закончена, когда, утомленный изучением этого сборища всяких ужасов и безумств, называемого всеобщей историей, я считаю себя вправе отдаться самому себе, я снова возвращаюсь к своим друзьям детства, спрятанным в уголке, известном мне одному.» И еще: «... волшебные сказки — не ложь, это идеал, нечто более истинное, чем сама истина, — торжество доброго, прекрасного, справедливого.»

Сказки Эдуарда Лабулэ, впервые для жанра французской литературной сказки обратившегося к фольклору других народов (сербскому, финскому, испанскому, итальянскому и др.), славили честных, благородных и трудолюбивых людей и высмеивали глупость, чванство, предательство, коварство. Они остроумны и глубокомысленны. Заимствуя сюжет у разных народов, Лабулэ облачал его в яркую художественную форму, не нарушая национального колорита. Его сказки так выразительны по форме и глубоки по внутреннему содержанию, что не только дети, но и взрослые читатели с интересом их прочитают, мы в этом уверены.

В предлагаемую читателям книгу включены сказки из сборника «Голубые сказки», изданные в Латвии (Книгоиздательство «МИР», г. Рига), и две сказки — «Зербино-нелюдим», «Как петушок попал на крышу», издававшиеся на русском языке в составе других сборников.

О. СЛЕПКОВ

ИВОН И ФИНЕТТА

Бретонская сказка

I

ил некогда в Бретани благородный сеньор, барон де-Кервер. Его замок был самым красивым во всей округе. Это было большое готическое здание со сводами, украшенными ажурными кружевами. Издали его можно было принять за большую беседку, обвитую плющом. На первом этаже расписные и разукрашенные окна выдавались вперед в виде балконов, шесть из них выходило на восток, шесть — на запад. Утром, когда барон верхом на своем любимом коне выезжал в лес, сопровождаемый

борзыми, он в каждом окне приветствовал одну из своих шести дочерей, которые с молитвенниками в руках молили Бога о благоденствии рода Керверов. Глядя на их белокурые головки, голубые глаза и сложенные руки, можно было принять их за шесть мадонн в лазоревых нишах. Вечером, когда солнце садилось, и барон после объезда своих владений возвращался домой, он издали видел в окнах, выходящих на запад, шестерых своих сыновей с темными кудрями, со смелыми взорами — надежду и славу семьи. Их можно было принять за изваяния рыцарей у входа в храм. Когда на добрых десять миль в округе нужно было найти счастливого отца и могущественного барона, друзья и недруги называли имя господина де-Кервера.

В замке было всего двенадцать окон, а детей у барона было тринадцать. Младший, которому не доставало места, был красавец-мальчик шестнадцати лет и звали его Ивон. Как водится, он был любимцем. Утром, при отъезде, и вечером, при возвращении, барон всегда находил на пороге замка Ивона, который ожидал отца, чтобы его обнять. Со своими русыми кудрями, ниспадавшими почти до пояса, стройным станом, бойким отважным видом, смелыми движениями Ивон был любимцем всех бретонцев. Когда ему исполнилось двенадцать лет, он храбро напал на волка и убил его топором, за это его прозвали Отважным.

Однажды, когда барон оставался дома и, развлекаясь, сражался на шпагах со своим конюшим, Ивон, в дорожном платье, вошел в оружейную палату и, преклонив колено, сказал:

— Мой государь и отец, я прошу Вашего благословения, так как покидаю Вас. Род Керверов богат рыцарями, поэтому настала моя пора искать счастья. Я отправляюсь в далекие края испытать свою силу и приобрести себе доброе имя.

— Ты прав, Отважный,— отвечал барон, взволнованный более, чем ему хотелось бы показать,— я не стану тебя удерживать, но ты еще молод, мое дитя, тебе было бы лучше остаться еще год с нами.

— Мне шестнадцать лет, отец. Ты в этом возрасте уже сразился с одним из Роганов. Я не забыл, что наш герб — единорог, пронизывающий льва, а наш девиз «Вперед!» Я не хочу, чтобы у Керверов был повод краснеть за своего младшего члена семьи.

Ивон принял благословение отца, пожал руку братьям, обнял сестер, простился с рыдавшими вассалами и с легким сердцем отправился в дорогу.

Ничто не задерживало его на пути: река — он переправлялся вплавь, гора — он переходил ее, лес — он пробирался через него по солнцу. «Вперед, Керверы!» — восклицал он, когда встречал препятствие и смело преодолевал его.

Три года он странствовал по свету в поисках приключений то в роли победителя, то в роли побежденного, всегда веселый и смелый, как вдруг ему предложили идти походом на норвежских язычников. Побить неверных и покорить королевство было двойным удовольствием. Ивон выбрал себе двенадцать смелых товарищей, нанял небольшое судно и водрузил на главной мачте голубой флаг с единорогом и девизом Керверов.

Море было спокойным, ветер — благоприятным, ночи — ясными. Ивон, лежа на палубе, смотрел на звезды и искал ту, которая бросает свой мерцающий свет на отцовский замок. Вдруг судно наскочило на скалу, раздался страшный треск, мачты упали, как срубленные деревья, огромная волна обрушилась на палубу и снесла все, что было на ней.

— Вперед, Керверы! — воскликнул Ивон, как только показался на поверхности моря, и поплыл так спокойно, как будто купался во рву древнего замка.

К счастью, взошла луна. Ивон заметил на некотором расстоянии темное пятно среди серебристых волн — это была земля. Он достиг ее не без усилий и вышел, наконец, на берег. Промокнув до костей, выбившись из сил, он успокоился, помолился и заснул.

II

Проснувшись утром, Ивон попытался осмотреться, куда забросил его случай. Он заметил в отдалении здание величиной с собор, с окнами вышиною в пятьдесят футов. Он шел до него целый день и очутился, наконец, перед огромной дверью с таким тяжелым молотком, что рука человека не могла бы его поднять.

Ивон схватил большой камень и начал стучать.

— Войди,— сказал голос, звучащий, как рев быка. В то же мгновение дверь открылась, и маленький бретонец очутился лицом к лицу с великаном, ростом не менее сорока футов.

— Как звать тебя и что тебе здесь надо?— спросил великан, схватив нашего путешественника за ворот и подняв его с земли, чтобы лучше разглядеть.

— Меня зовут Отважным, и я ищу счастья,— отвечал Ивон, с вызывающим видом разглядывая великана.

— В таком случае, славный Отважный, твоё счастье обеспечено,— насмешливо сказал великан.— Мне очень нужен слуга и я беру тебя в услужение. Ты вступишь тотчас же в свою должность. Теперь час, когда я выгоняю пасти свое стадо, ты же вычистишь хлев. Я не даю тебе другой работы,— прибавил он с усмешкой.— Ты видишь, я — добрый хозяин. Делай свое дело и не шатайся по дому, если дорожишь головой!

«Поистине, хозяин, работа не тяжелая»,— подумал Ивон.— «У меня, слава богу, есть время вымести хлев. Чем бы заняться пока, чтобы разогнать скуку? Не

осмотреть ли дом? Если мне запрещают заглянуть туда, значит, там есть на что посмотреть».

Он вошел в первую комнату. В ней стояла огромная печь с котлом, висевшим на крюке. Котел кипел, хотя в очаге не было видно огня.

— Это что такое? — сказал бретонец. — Тут какая-то тайна.

Он отрезал прядь своих волос, погрузил ее в котел и вынул. Прядь оказалась покрыта медью.

— О! — воскликнул он. — Вот так бульон, совершенно необыкновенный! Глотнешь его, так живо получишь медный желудок!

Он прошел в другую комнату, в ней тоже находился котел, подвешенный на крюке и кипевший без огня. Ивон погрузил в него другую прядь волос и вынул ее посеребренной.

«В доме Керверов,» — подумал он, — «бульон не так дорог, но, вероятно, вкуснее».

Затем он вошел в третью комнату. И здесь был котел, кипевший без огня. Ивон снова погрузил в него прядь волос и вынул ее позолоченной, сияющей, как солнечный луч.

— Славно! — воскликнул Ивон. — У нас в Бретани у стариков есть поговорка: чем дальше, тем хуже. Здесь же все наоборот: чем дальше, тем лучше. Что же я найду в четвертой комнате, уж не суп ли из бриллиантов?

Он открыл дверь и увидел нечто, прекраснее всех драгоценных камней. Это была девушка такой удивительной красоты, что при виде ее ослепленный Ивон опустился на колени.

— Несчастный! — воскликнула она дрожащим голосом. — Что ты тут делаешь?

— Я здесь живу, — отвечал бретонец. — Сегодня утром великан принял меня к себе на службу.

— На службу! — повторила девушка. — Упаси тебя небо от этого!

— Почему же? — сказал Ивон. — У меня добрый хозяин, работа не тяжелая. Вымету хлев, и дело с концом.

— Да, но как ты возьмешься за работу? — спросила незнакомка. — Если ты будешь работать, как все, то после каждой кучи навоза, которую ты выбросишь за дверь, целых десять вернется обратно в окно. Но я скажу тебе, что надо делать. Поверни вилы, мети палкой, — и навоз исчезнет в мгновение ока.

— Хорошо, — сказал Ивон, затем сел возле девушки и начал с нею разговаривать.

Она была дочерью феи, но гнусный великан сделал ее своей рабыней. Между товарищами по несчастью дружба возникает быстро. К концу дня Финетта (так звали незнакомку) и Ивон дали обет не разлучаться друг с другом, если им удастся бежать от своего ужасного хозяина. Вся сложность состояла в выборе средства для побега.

Быстро бегут часы, когда их проводишь в подобном разговоре. Приближался вечер, и Финетта отослала своего нового друга, советуя ему вымести хлев до прихода великана.

Ивон снял вилы со стены и решил сначала употребить их так, как видел у отца в замке. Но ему не посчастливилось, и он прекратил работу, так как через минуту в хлев вернулось так много навозу, что бедный Ивон не знал, куда деваться. Тогда он сделал так, как сказала ему Финетта: перевернул вилы и начал мести палкой. В одно мгновение хлев был так чист, как будто в него никогда не входило ни одно животное.

По окончании работы Ивон уселся на скамью у входа в дом. Как только он заметил великана, он стал смотреть в небо и болтать ногами, напевая.

— Вычистил хлев? — спросил великан, хмуря брови.

— Все готово, хозяин, — отвечал Ивон, нимало не смущаясь.

— Это мы сейчас увидим! — взревел великан.

Ворча, он вошел в хлев, нашел, что все в порядке, и вернулся, разъяренный.

— Ты видел мою Финетту!— крикнул он.— Не своими же мозгами ты додумался до этого!

— Кто такая эта твоя Финетта?— спросил Ивон, разевая рот и закрывая глаза.— Это, вероятно, местный зверек? Хозяин, покажи мне его!

— Молчи, дурак!— отвечал великан.— Ты и без того скоро познакомишься с нею.

На другой день великан собрал своих овец, чтобы гнать их в поле, и перед уходом приказал Ивону привести его коня, который пасся на горе.

— А затем,— сказал великан, злорадно усмехаясь,— отдыхай хоть целый день. Ты видишь, я — добрый хозяин. Исполни свою работу и, главное, не рыскай по дому, не то я отрублю тебе голову.

Ивон проводил великана прищуренными глазами.

«Поистине,— произнес он про себя,— ты — добрый хозяин, но, несмотря на твои угрозы, я все-таки войду в дом и поболтаю с твоей Финеттой. Посмотрим, не станет ли твоя Финетта скорее моей, чем твоей!»

И он побежал в комнату девушки.

— Победа!— воскликнул он при входе.— Мне нечего делать целый день, нужно только сходить на гору и привести оттуда коня.

— Очень хорошо,— сказала Финетта,— но как ты поймашь его?

— Вот славный вопрос,— ответил Ивон,— разве это так трудно — поймать коня? Думается мне, что я видел и более норовистых коней, чем этот.

— Это не так легко, как ты думаешь,— отвечала Финетта,— но я скажу тебе, что нужно сделать. Как только ты подойдешь в животному, пламя и искры вылетят из его ноздрей, как из горнила. Возьми удила, которые спрятаны за дверью конюшни и кинь их коню

прямо в пасть. Он тотчас станет смирным, как барашек, и ты сможешь делать с ним, что угодно.

— Хорошо, — сказал Ивон.

Затем он сел рядом с Финеттой и начал с нею беседовать. О чем они говорили? Обо всем понемногу. Но как бы далеко ни заходили они в своей фантазии, все равно возвращались к обещанию не разлучаться и к необходимости бежать от великана. Часы бегут быстро, когда их проводишь таким образом. Наступал вечер. Ивон позабыл и про гору, и про лошадь, и Финетта вновь была вынуждена отослать его, советуя привести животное до прихода хозяина.

Ивон взял удила, спрятанные за дверью конюшни, и побежал на гору. Конь, величиной со слона, приближался вскачь, искры и пламя вылетали из его ноздрей.

Ивон бесстрашно поджидал огромное животное и, как только оно раскрыло огненную пасть, он бросил в нее удила. Тотчас же конь стал смирным, как ягненок. Ивон заставил его опуститься на колени, сел ему на спину и спокойно вернулся домой.

По окончании работы наш бретонец снова уселся на скамью у входа в дом. Как только он заметил великана, он стал смотреть в небо и заболтал ногами, напевая свою песенку.

— Привел ты коня? — спросил великан, хмурия брови.

— Да, хозяин, — отвечал Ивон, нимало не смущаясь. — Прелестное животное. оно делает вам честь: послушно, красиво и хорошо выезжено. Оно там, в конюшне, ест овес.

— Это мы сейчас увидим! — взревел великан. Ворча, он вошел в конюшню, нашел все в полном порядке и вернулся, в ярости, назад.

— Ты видел мою Финетту! — закричал он. — Не своими же мозгами ты додумался до этого!

— Хозяин, — сказал Ивон, зевая и закрывая глаза, —

опять та же история! Кто она — эта твоя Финетта? Раз и навсегда прошу, покажи мне это чудовище.

— Молчи, дурак, — отвечал великан, — ты и без этого очень скоро познакомишься с нею.

На третий день, на рассвете, великан собрал своих овец, чтобы гнать их в поле, но перед уходом сказал Ивону:

— Сегодня ты отправишься в преисподнюю за процентами с моего капитала. А затем, — продолжал он, злорадно усмехаясь, — ты можешь отдыхать всю остальную часть дня. Ты видишь, я — добрый хозяин.

«Добрый хозяин, положим», — подумал про себя Ивон, — «но от этого моя задача не легче. Пойти повидаться с Финеттой просто необходимо, чтобы она помогла мне выпутаться из этой истории.»

Спросив своего друга о заданной на сегодня работе, Финетта сказала:

— Ну и как ты примешься за это дело?

— Решительно не знаю, — печально отвечал Ивон. — Я никогда не бывал в преисподней. И если бы даже нашел туда дорогу, то не знал бы, как там нужно разговаривать. Говори, я тебя слушаю.

— Видишь ту высокую скалу? — сказала Финетта. — В ней один из входов в преисподнюю. Возьми эту палку, ударь три раза о скалу, выйдет огненный демон. Ты скажи ему, зачем ты пришел. Он спросит тебя, сколько тебе надо? Смотри, не забудь ему ответить: «Не более того, что я смогу унести с собой!»

— Хорошо, — сказал Ивон. Затем он сел рядом с Финеттой и начал с нею беседовать. Он так и остался бы сидеть около нее, если бы при наступлении сумерек девушка не послала его к высокой скале исполнять поручение великана.

Придя к указанному месту, Ивон увидел высокую гранитную скалу, о которую он три раза ударил палкой.

Скала раскрылась, из нее вышел демон, объятый пламенем.

— Что тебе надо?— вскричал он громовым голосом.

— Я пришел за процентами с капитала великана,— отвечал Ивон, нимало не смущаясь.

— Сколько тебе надо?

— Не более того, что я смогу унести с собой,— отвечал бретонец.

— Счастлив же ты, что не просишь больше,— отвечал ему демон.— Ступай в эту пещеру, ты в ней найдешь то, что тебе нужно.

Ивон вошел и широко раскрыл глаза. Повсюду лежало золото, серебро, бриллианты, изумруды. Их было так много, как песка на дне морском. Юный Кервер наполнил мешок, взвалил его себе на плечи и спокойно пошел обратно к дому великана.

По окончании работы наш бретонец уселся на скамью у входа в дом. Как только он заметил великана, он стал смотреть в небо и заболтал ногами, напевая родную песенку.

— Ходил ты в преисподнюю за моими процентами?— спросил великан, хмуря брови.

— Да, хозяин,— отвечал Ивон, нимало не смущаясь,— мешок перед вами, вот расчет.

— Это мы сейчас увидим!— взревел великан и развязал мешок, который был полон золота и серебра.

— Ты видел мою Финетту!— крикнул он.— Не своими же мозгами ты додумался до этого!

— Хозяин,— отвечал Ивон, зевая и закрывая глаза,— у тебя одна песня и один припев: моя Финетта, да моя Финетта! Раз и навсегда, покажи мне эту штучку!

— Ладно, ладно,— отвечал великан, краснея от бешенства,— подожди до завтра, я тебя с ней познакомлю.

— Спасибо, хозяин — отвечал Ивон,— это мило с вашей стороны, но по вашему веселому лицу видно, что вы шутите со мною.

III

На другой день великан ушел из дому, не дав Ивону никакого поручения, что обеспокоило Финетту. В полдень он вернулся без стада и, жалуясь на усталость, сказал молодой девушке:

— Ты найдешь у входа малыша, моего слугу. Отруби ему голову и свари ее в большом котле. Когда бульон будет готов, позови меня.

Затем он растянулся на постели и заснул. Он храпел так громко, что можно было подумать, что гром сотрясает горы.

Финетта приготовила плаху, взяла большой нож и позвала Ивона. Она слегка порезала ему мизинец, и три кровинки упали на плаху.

— Этого достаточно,— сказала молодая девушка,— теперь помоги мне наполнить котел.

Они начали бросать в него все, что только могли найти: старые платья, старые башмаки, старые ковры. Затем Финетта взяла Ивона за руку, повела его в три передние комнаты, отлила три золотых шарика, два серебряных и один медный. Спрятав шарики в кошелек, они выбежали из дому, направляясь к морю.

— Вперед, Керверы!— воскликнул Ивон, почувствовав себя на свободе.— Объясни, дорогая Финетта, какую комедию мы играем с тобой в эту минуту?

— Бежим! Бежим!— отвечала она.— Если до заката солнца мы не покинем этот проклятый остров, мы погибли.

— Вперед, Керверы!— отвечал Ивон, смеясь.— Да сгинет великан!

Прохрапев с добрый час, великан открыл один глаз и, сладко потягиваясь, спросил:

— Скоро сварится?

— Только закипает,— отвечала с плахи первая кровинка.

Великан повернулся к стене и снова захрапел, сильнее прежнего. Проспал он часа два, потянулся, открыл один глаз и крикнул:

— Послушай! Скоро ли готово?

— Уже кипит,— отвечала с плахи вторая кровинка.

Великан повернулся на другой бок и проспал еще час. Затем он вытянул свои громадные ноги и вскрикнул:

— Неужели еще не готово?

— Готово,— отвечала ему третья кровинка.

Великан поднялся, сел на постели, протер глаза и стал искать того, кто с ним говорил, но никого не увидел.

— Финетта!— заревел он.— Почему не накрыт стол?

Ответа не последовало. Вzbешенный великан вскочил с постели, схватил свою ложку, походившую размерами на котел, насаженный на вилы, и стал пробовать суп.

— Финетта!— заревел он.— Ты забыла положить соли! Что это за бульон? Я не вижу в нем ничего мясного!

Но зато он увидел в нем свой ковер, который еще не успел как следует вывариться. При виде его великан пришел в такую ярость, что еле удержался на ногах.

— Злодеи!— воскликнул он.— Насмеялись надо мной, поплатитесь же вы за это!

Он вышел из дому с дубиной в руке и зашагал так, что ровно через четверть часа увидел обоих беглецов на порядочном расстоянии от берега. От радости он испустил крик, разбудивший эхо на двадцать миль в округе.

Финетта, задрожав, остановилась. Ивон прижал ее к своему сердцу.

— Вперед, Керверы!— сказал он.— Море недалеко, мы достигнем его раньше нашего врага.

— Вот он! Вот он!— крикнула Финетта, указывая на великана, который находился от них уже не более, чем в ста шагах.— Мы погибли, если нас не спасет этот талисман!

Она вынула медный шарик и кинула его на землю со словами:

— Медный шарик, выручай, и злодею помешай!

Тотчас же земля раскололась со страшным треском. Огромная трещина, бездонная пропасть остановила великана, который уже протянул руку, чтобы схватить беглецов.

— Бежим! — воскликнула Финетта, увлекая за собой Ивона, насмешливо глядевшего на великана.

Великан принялся бегать вдоль бездны то в одну, то в другую сторону, как медведь в клетке. Наконец, в бешенстве, он вырвал с корнем огромный дуб и перекинул его через трещину. Дерево упало и чуть не задавило своими ветвями беглецов. Великан сел верхом на этот естественный мост, согнувшийся под ним. Повиснув таким образом между небом и землею, он начал осторожно продвигаться вперед, с трудом прокладывая себе путь среди ветвей. Когда он добрался до края пропасти, Ивон и Финетта были уже на берегу, перед ними волновалось море.

Увы, нигде не было видно ни барки, ни лодки. Беглецы попали в трудное положение. Ивон начал собирать камни, чтобы напасть на великана и дорого продать ему свою жизнь. Финетта в сильном волнении вынула один из серебряных шариков и кинула его в волны со словами:

— Серебряный шарик, спаси!
От злодея нас унеси!

Как только шарик утонул, появился прекрасный корабль, распускающий навстречу ветру свои паруса, словно лебедь белоснежные крылья. Ивон и Финетта взобрались на корабль. Когда взбешенный великан подбежал к берегу, корабль уже удалялся на всех парусах, оставляя за собой длинную полосу света и морской пены.

Великаны не любят воды. Это факт, доказанный уже стариком Гомером, хорошо знавшим Полифема. Под-

тверждение этому можно найти во всех «Естественных историях», заслуживающих этого названия. Хозяин Финетты имел сходство с Полифемом, он побагровел при виде ускользящих пленников, бегал в бешенстве по берегу, кидал в корабль громадные глыбы скал, которые, к счастью, не долетали до него. Наконец, потеряв рассудок от гнева, он кинулся, очертя голову, в волны и поплыл за кораблем с ужасающей быстротой. С каждым взмахом руки он приближался на сорок футов, пыхтя и рассекая волны. Постепенно он настигал своих врагов. Оставалось приложить лишь небольшое усилие, чтобы схватить корабельный руль, и он уже протянул к нему свою косматую руку, но Финетта, обливаясь слезами, бросила в море второй серебряный шарик со словами:

— Шарик серебряный, нам помоги!
От злодея нас сбереги!

Из пенистых волн внезапно появилась гигантская рыба-пила. Она бросилась на великана, едва успевшего нырнуть. Она загнала его под самые гребни волн и заставила его плыть изо всех сил обратно к берегу. Несчастный достиг его с большим трудом и упал на песок мокрый, измученный, побежденный.

— Вперед, Керверы! — крикнул Ивон. — Мы спасены!

— Нет еще, — отвечала встревоженная Финетта. — У великана есть крестная мать — колдунья. — Боюсь, как бы она не вздумала отомстить за оскорбление, нанесенное ее крестнику. Благодаря моему знакомству с волшебными чарами, я узнала, что, если ты хоть на одну минуту покинешь меня, дорогой Ивон, я должна опасаться всего до тех пор, пока ты не дашь мне свое имя в дворцовой часовне Керверов.

— Клянусь единорогом моих предков! — воскликнул Ивон. — Дорогая Финетта, разве я не с тобою? Разве я тебя покидаю? Неужели ты думаешь, что судьба

вырвала нас из когтей этого чудовища, чтобы утопить у берегов моей родины?

Он так весело засмеялся, сверкая своими белыми зубами, что и Финетта стала смеяться над своими страхами. О, юность, юность! Как быстро исчезают твои печали! Солнце так скоро проглядывает после дождя, что даже огорчения твои приятнее самых счастливых дней старости!

IV

Дальнейшее путешествие прошло благополучно. Казалось, невидимая рука направляла корабль к берегам Бретани. Двадцать дней спустя молодые люди высадились на берегу небольшого залива неподалеку от замка Керверов. Выйдя на берег, Ивон хотел было поблагодарить экипаж корабля, но никого уже не было видно. Судно исчезло в море, не оставив после себя никаких следов.

Ивон узнал то место, где он часто в детстве собирал раковины и охотился за крабами, прятавшимися в своих норах. Через полчаса он должен был увидеть своды и башни старого замка. Его сердце билось, он нежно взглянул на Финетту и впервые заметил ее причудливый наряд, совершенно неприличный для дамы, намеревавшейся вступить в благородный дом Керверов.

— Дорогое дитя,— сказал он ей,— барон, мой отец, важная персона, привыкшая к тому, чтобы его все уважали. Я не смею представить тебя в подобном цыганском наряде, и тебе не пристало идти пешком в наш величественный замок, это могут делать только мужчины. Подожди меня несколько минут, я вернусь с платьями и иноходцем одной из моих сестер. Я желаю, чтобы тебя встретили как даму знатного происхождения

и чтобы при твоём появлении мой отец сам вышел на крыльцо и счёл бы за честь помочь тебе сойти с коня.

— Ивон! Ивон!— воскликнула Финетта.— Не покидай меня, умоляю тебя. Как только ты вернешься в свой замок, ты меня забудешь, я это знаю.

— Забыть тебя! Если бы кто-либо другой, а не ты, нанес мне подобную обиду, я с мечом в руке научил бы его, что значит сомневаться в слове Кервера. Забыть тебя, моя Финетта! Ты не знаешь, что такое верность бретонца!

Бретонцы верны, никто не сомневается в этом, но они в гораздо большей степени упрямы. Как ни молила Ивона своим нежным голосом бедная Финетта, ей пришлось, в конце концов, уступить. Она сдалась против своей воли и сказала ему:

— Так ступай же без меня в свой замок, но оставайся там ровно столько, чтобы успеть лишь поздороваться со своими родными. Беги прямо в конюшню и возвращайся, как можно скорее. Тебя окружают со всех сторон, старайся ни на кого не смотреть и, главное, не ешь и не пей ничего, даже воды, иначе не миновать нам с тобою несчастья.

Ивон обещал и поклялся исполнить все, что говорила ему Финетта, но в душе он смеялся над её женской слабостью. Он был спокоен за себя и горделиво размышлял о том, что истинный бретонец вовсе не походит на этих легкомысленных французов, слова которых, как говорят, уносятся первым же дуновением ветра.

Когда наш скиталец вошёл в древний замок, он с трудом узнал его мрачные стены. Сверху донизу окна были украшены зеленью и цветами, двор замка был устлан свежей травой. На одном конце двора стояли столы, ломившиеся под тяжестью яств, вино лилось рекою. На другом конце двора музыканты, сидя на бочках, играли на своих инструментах. Вассалы с женами, в праздничных нарядах, плясали и пели, пели

и плясали. В замке было большое торжество, даже барон улыбался. Он выдавал замуж свою пятую дочь за кавалера де-Кернавалена. Этот благородный союз прибавлял лишний цветок к блестящему гербу старика Кервера.

Ивона узнали и приветствовали, он был тотчас же окружен пирующими. Его целовали, хватали за руки.

Где он пропадал? Откуда явился? Завоевал ли королевство или герцогство? Привез ли он невесте драгоценное ожерелье какой-нибудь королевы? Покровительствовали ли ему феи? Сколько соперников сбросил он с коней на турнирах? Все эти вопросы задавали ему непрерывно. Ивон почтительно поцеловал руку своего отца и поспешил в комнаты своих сестер. Там он выбрал два самых лучших платья, пошел в конюшню, оседлал иноходца, вскочил на прекрасного испанского жеребца и только хотел было выехать из замка, как увидел перед собою своих родных, друзей, оруженосцев и вассалов с кубками в руках: все хотели чокнуться со своим юным господином и выпить по случаю его благополучного возвращения.

Ивон вежливо поблагодарил их, он приветствовал жестом эту дружественную толпу и прокладывал себе понемногу сквозь нее дорогу. Вдруг у выезда, близ опущенного подъемного моста незнакомая дама, быть может, сестра жениха, блондинка с гордым, надменным видом, приблизилась к нему, держа двумя пальцами румяное яблочко.

— Прекрасный рыцарь, — проговорила она с обворожительной улыбкой, — вы не откажете даме в ее первой просьбе? Отведайте, пожалуйста, это яблоко. Я полагаю, что после долгого путешествия, если даже вы не чувствуете ни голода, ни жажды, вы не забыли, по крайней мере, правил вежливости.

Такому вызову Ивон не осмелился отказать. Он сдался. Едва только попробовал он яблоко, как оглянулся вокруг, точно спросонок.

«Почему я сижу верхом? — подумал он. — Что означает этот конь, которого я веду за собой? Разве мое место не около отца, на свадьбе моей сестры? Зачем мне покидать замок?»

Он бросил повод коня одному из слуг, ловко соскочил на землю и предложил руку блондинке, которая с этой минуты выбрала его своим кавалером и в знак своего особого расположения дала ему свой букет цветов.

К вечеру в замке Керверов было двумя обрученными больше. Ивон поклялся в верности незнакомке. Финетта была забыта.

V

Сидя на берегу моря, Финетта целый день напрасно поджидала Ивона. Солнце утонуло в багровых волнах, когда Финетта со вздохом поднялась с места и направилась к замку. Немного пройдя по пустынной дороге, окаймленной диким терном в цвету, она очутилась перед убогой хижинкой, у входа в которую беззубая старуха готовилась доить корову. Финетта подошла к ней и, вежливо поклонившись, попросила дать ей убежище на ночь.

Старуха оглядела незнакомку с головы до ног. В своих полусапожках, опушенных мехом, длинной юбке темнокрасного цвета, голубом корсаже, обшитом янтарем, и в диадеме Финетта скорее походила на египтянку, чем на христианку. Старуха нахмурила брови и, грозя бедной сироте кулаком, воскликнула:

— Убирайся вон, колдунья! Нет тебе места в этом честном жилище!

— Бабушка, — сказала Финетта, — дайте мне хоть уголок в хлеву!

— Вот как? — возразила старуха, улыбаясь во весь рот и обнаруживая единственный свой зуб, который выглядывал изо рта в виде клыка. — Ты просишь уголок в хлеву? Ты получишь его, если наполнишь мне золотом это ведро.

— Согласна, — спокойно отвечала Финетта.

Она открыла висевший на поясе кошелек, вынула оттуда золотой шарик и кинула его в ведро со словами:

— Шарик, шарик золотой, помоги мне, дорогой!

Тотчас на дне ведра послышался звон монет. Они поднимались все выше и выше, подпрыгивая, как рыбки в сетке, в то время как изумленная старуха подскочила, просунула руку под дужку ведра и, кланяясь Финетте, воскликнула:

— Сударыня, все ваше, дом, корова и остальное! Я уйду в город и проживу там барыней, ничего не делая! Ах! Если бы только я была моложе лет на шестьдесят!

И вот, опираясь на свой костыль и не оглядываясь назад, старушка поковыляла к замку Керверов.

Финетта вошла в хижину. Это была ужасная лачуга, темная, низкая, сырая, зловонная, полная пыли и паутины. Печальное убежище для девушки, привыкшей жить в доме великана! Хладнокровно приблизилась Финетта к очагу, где дымились несколько полусырых веток терновника, вынула из кошелька второй золотой шарик и бросила его в огонь со словами:

— Шарик, шарик золотой, помоги мне, дорогой!

Тотчас же золото расплавилось, закипело и разлилось по всему дому, как вода. И вот весь домик, стены, крыша, деревянное кресло, скамья, сундук, кровать, коровьи рога, даже пауки в углах — все превратилось в золото. Можно было подумать, что это сказочная китайская беседка.

При свете луны, сквозь чащу деревьев домик блестел, как звезда во мраке ночи. Когда Финетта подошла к корову и напилась молока, она, не раздеваясь, бросилась на кровать и, усталая от дневных невзгод, заснула, вся в слезах.

Старухи не умеют держать язык за зубами, особенно в Бретани.

Добравшись до деревушки, находившейся недалеко от замка Керверов, старуха побежала к дворецкому. Это было важное лицо, которое не раз заставляло трепетать старуху, когда та ненароком заходила на барскую кухню. Дворецкий выслушал сообщение старухи, покачал несколько раз головою, заявив, что все это вздор и пустяки. Затем незаметно он взял весы, взвесил старухины монеты, которые оказались отличной чеканки и высокой пробы, оставил у себя самую лучшую, какую только смог найти, и, в заключение, посоветовал своей собеседнице никому не говорить об этом странном приключении.

— Если в это дело вмешается судья или господский управляющий, — сказал он, — то, самое меньшее, что с тобою может случиться, это то, что ты никогда не увидишь этих маленьких золотых кружочков. Эти господа не любят дележа: без долгих размышлений и разговоров они берут себе всё.

Старуха поблагодарила дворецкого за совет и решила ему последовать. Поэтому в тот же вечер она никому не рассказала своей истории, кроме двух соседок, своих самых лучших подруг. Обе поклялись ей головами своих маленьких деток хранить все в тайне. Клятва была так торжественна и так свято хранима, что на другой день в полдень в деревне не было мальчишки, который не указывал бы пальцем на старуху. Даже собаки, лая на нее, казалось, говорили на своём языке о золоте.

Не каждый день можно встретить девушку, которая занималась бы наполнением ведер золотыми монетами.

Будь она даже колдуньей, в хозяйстве такая девушка была бы настоящим сокровищем. Дворецкий, который не был женат, был занят этими размышлениями вечером перед сном. Утром он встал до рассвета, чтобы отправиться к незнакомке. В утренних сумерках он заметил вдалеке нечто вроде сияния среди деревьев и весьма удивился, когда вместо убогой хижины увидел золотой дом. Но что удивило и восхитило его гораздо более при входе в этот маленький дворец — это красавица с темными волосами, прявшая у окна с величием императрицы.

Как и все мужчины, дворецкий знал себе цену и сознавал в глубине души, что не было на свете женщины, которая не сочла бы за счастье отдать ему свою руку. Поэтому он объявил немедленно Финетте, что пришел на ней жениться. Девушка начала смеяться, и дворецкий взбесился.

— Берегись, — сказал он ей угрожающим голосом, — я здесь хозяин. Неизвестно, кто ты такая, неизвестно, откуда ты пришла. Золото, которое ты подарила старухе, подозрительно. В этом доме неладно. Если ты тотчас же не согласишься сделаться моей женой, я арестую тебя, и тогда, быть может, сегодняшним же вечером на костре перед дворцом Керверов сожгут колдунью.

— Вы весьма любезны, — сказала Финетта с грациозной улыбкой, — но у вас очень оригинальный способ ухаживать за дамами. Любой вежливый человек всегда щадит их робость и застенчивость.

— Мы, бретонцы, — сказал дворецкий, — весьма услужливы. Мы идем прямо к цели. Свадьба или тюрьма? Выбериай.

— Хорошо, — промолвила Финетта, оставив свою прялку. — Ах! Посмотрите, огонь выпал из очага в комнату!

— Не беспокойся, я брошу головни обратно в очаг.

— Поправьте огонь как следует, — попросила Финет-

та,— отодвиньте золу подальше. Вы хорошо держите щипцы?

— Очень,— отвечал дворецкий, подбиравший в это время дымившиеся угли.

— Абракадабра!— воскликнула, вставая, Финетта.— Держи щипцы, злодей, до вечера, не расставайтесь друг с другом до заката солнца!

Сказано — сделано. Злой дворецкий оставался на своем месте в течение целого дня, подбирая и бросая в очаг щипцами дымившиеся угли, которые отскакивали ему в лицо, горячий пепел летел ему прямо в глаза. Сколько он ни кричал, ни молил, ни плакал, ни ругался — никто не слышал его. Если бы Финетта осталась дома, она, без сомнения, сжалилась бы над несчастным, но, заколдовав его, она побежала к морю. Там, позабыв все на свете, она стала вновь поджидать Ивона, который все не возвращался.

Как только зашло солнце, щипцы выпали из рук дворецкого и он пустился бежать без оглядки, точно сам дьявол гнался за ним по пятам. Он делал такие прыжки, испускал такие вопли, был так чёрен, опалён и напуган, что вся деревня в страхе смотрела на него, как на сумасшедшего. Самые смелые пытались заговорить с ним, но он бежал, не отвечая, и скрылся в своем доме, посрамленный больше, чем попавший в капкан волк.

Вечером, когда опечаленная Финетта возвратилась в свое жилище, она застала там уже не дворецкого, а другого, хотя и не менее грозного посетителя.

Местный судья, узнав историю с монетами, тоже решил жениться на иностранке. Он не был так груб, как дворецкий, это был веселый толстяк, который не мог сказать слова, не покатываясь со смеху и не показывая своих желтых зубов. Но, в сущности, он был не менее навязчив и грозен, чем его предшественник. Финетта умоляла господина судью оставить ее в покое, господин судья расхохотался и дал вежливо понять ей, что по

праву, присвоенному его должности, он может сажать в тюрьму и вешать без суда и следствия кого угодно. Финетта со слезами и мольбой сложила руки. Вместо всякого ответа судья вынул из кармана свиток пергамента, написал на нем акт о бракосочетании и объявил Финетте, что он не уйдет, пока она его не подпишет, даже если бы ему пришлось провести в ее доме всю ночь.

— Но,— прибавил он,— если моя особа вам не нравится, я не буду настаивать, вот другой лист пергамента, на котором я могу написать все, что угодно, и, если вид мой вам неприятен, нет ничего легче, как навсегда закрыть вам глаза.

Говоря это, он провел рукой вокруг шеи и высунул язык так мило, что мог развеселить всякого.

— Боже мой!— сказала Финетта.— Я, быть может, и решилась бы на то, чего вы желаете, если бы я была уверена, что найду в вас доброго мужа, но я боюсь . . .

— Чего же, дорогое дитя?— сказал судья, улыбаясь и принимая гордый вид, как распустивший хвост павлин.

— Неужели вы думаете,— отвечала она капризным тоном,— что добрый муж оставил бы эту дверь отворенной и не чувствовал бы, что холодный ветер дует на его жену?

— Вы правы, моя красавица,— сказал судья,— я невежлив, но сейчас же исправлю свой промах.

— Вы нашли засов?— спросила Финетта.

— Да, моя прелесть,— отвечал счастливый судья,— я сейчас запру им дверь.

— Абракадабра!— закричала Финетта.— Пусть же дверь тебя держит, злодей, и держи ее сам до рассвета!

И дверь начала отворяться и затворяться, стучаясь о стены, точно орел, машущий крыльями. Посудите же сами, как выплясывал бедный пленник целую ночь. Никогда ему не приходилось танцевать такой танец, и я полагаю, что никогда после этого он не желал повторить его. То он сам распахивал дверь на улицу, то

дверь его прихлопывала, придавливая к стене. Он бегал взад и вперед, кричал, плакал, просил. Напрасный труд: дверь была глуха к его мольбам, а Финетта спала.

На рассвете его сжатые руки раскрылись и он хлопнулся головой о землю. Недолго думая, он бросился бежать, как будто его преследовали сарацины. Он даже не оглядывался, боясь, что дверь гонится за ним по пятам. К счастью, когда он возвратился домой, все еще спали, и он мог спрятаться в постель прежде, чем ужасный вид его был кем-либо замечен. Великое счастье! Он был в пыли с головы до ног и так бледен, растерян и испуган, что его можно было принять за убежавшую из ада тень.

Когда Финетта открыла глаза, она увидела около своей постели высокого человека в черном платье, бархатной шляпе и со шпагой, как у рыцаря.

То был сенешаль* двора и владений Керверов. Скрестив руки, он смотрел на молодую девушку таким взглядом, который пронизывал ее холодом до мозга костей.

— Как твое имя, вассалка? — спросил он громовым голосом.

— Финетта, сударь, — отвечала она, дрожа всем телом.

— Этот золотой дом и эта золотая мебель принадлежат тебе?

— Да, сударь, всё к вашим услугам.

— Именно этого я и хочу, — сурово заметил сенешаль. — Встань, вассалка, я хочу оказать тебе честь: я женюсь на тебе и беру под покровительство твою личность и имущество.

— Сударь, — сказала Финетта, — это слишком большая честь для такой бедной девушки, как я, я иностранка и не имею ни родных, ни друзей.

---

* Сенешаль — управляющий королевского двора или двора крупного сеньора.

— Замолчи, вассалка!— сказал сенешаль.— Я твой властелин и начальник и не нуждаюсь в твоём мнении. Подпиши эту бумагу.

— Сударь,— отвечала Финетта,— я не умею писать.

— Неужели ты воображаешь, что я это умею лучше тебя?— возразил сенешаль голосом, от которого задрожал дом.— Уж не принимаешь ли ты меня за писаря? Простой крест — вот подпись рыцарей.— Он поставил большой крест на бумаге и протянул перо Финетте.

— Подпиши,— сказал он.— Если ты не поставишь крест, то сама вынесешь себе приговор, безбожница, и я приму на себя его исполнение.

Говоря это, он вынул из ножен тяжелую шпагу и бросил её на стол. Вместо ответа Финетта выскочила в окно и спряталась в хлеву. Сенешаль бросился за ней, но, когда он захотел туда войти, его задержало неподвижное препятствие. Испуганная корова при виде молодой девушки попятилась назад и заняла проход. Финетта держала ее за рога, пользуясь ею, как щитом.

— Ты не уйдешь от меня, колдунья!— закричал сенешаль и, схватив с силой, достойной Геркулеса, корову за хвост, вытащил ее из хлева.

— Абракадабра!— закричала Финетта.— Пусть же коровий хвост тебя держит, злодей, и держи его сам до тех пор, пока вы вместе не совершите кругосветное путешествие!

И вот корова полетела, как молния, волоча за собой несчастного сенешаля. Ничто не могло остановить неразлучных путешественников, они бежали через горы и доли, переносились через болота, рвы и леса, скользили по поверхности моря, не погружаясь в воду, мерзли в Сибири, пеклись на солнце в Африке, взлетали на Гималаи, спускались с Монблана и, наконец, после тридцатишестичасового беспримерного путешествия наконец остановились, задыхаясь и выбившись из сил, на площади деревни Керверов.

Сенешаль, привязанный к коровьему хвосту, — зрелище, которое не каждый день случается видеть. Поэтому все крестьяне окружили его, чтобы посмотреть на это чудо. Но как ни был сенешаль растерзан по милости африканских кактусов и азиатских кустарников, он нисколько не утратил своего величия. Грозным жестом он рассеял толпу черни и, ковыляя, отправился домой, чтобы освежиться и отдохнуть, в чем он начинал чувствовать потребность.

VI

В то время как дворецкий, судья и сенешаль претерпевали эти маленькие невзгоды, рассказывать о которых они считали излишним, в замке Керверов готовились к важному событию — к свадьбе Ивона и белокурой дамы. Все было готово за два дня, со всей округи на двадцать миль вокруг собрались друзья и знакомые. И вот в одно прекрасное утро Ивон со своей невестой вместе с господином и госпожой де-Кервер заняли место в убранной зеленым карете и с большой пышностью отправились в знаменитый монастырь Сен-Маклу. Справа и слева жениха с невестой сопровождали сто рыцарей в железных латах на разукрашенных парадными лентами конях. В знак особого почета у каждого из них было поднято забрало и опущено копье. За каждым ехал, держа знамя, оруженосец. Во главе процессии гарцевал сенешаль с золотым жезлом в руке. За каретой шел с важностью судья в сопровождении вассалов и вассалок, между тем как дворецкий укрощал любопытную толпу крестьян, столь же невоздержанных в своей страсти к зрелищам, как и в болтовне.

Но, едва они отъехали на милое от замка, как при переправе через ручей у кареты сломался один из вальков. Пришлось остановиться. Исправив поврежде-

ние, хлестнули лошадей, которые так сильно дернули, что и другой валёк разлетелся на несколько частей. Шесть раз меняли этот злополучный кусок дерева, шесть раз он снова ломался, и все никак не могли выбраться из ямы, в которой увязла свадебная карета.

Каждый подавал советы, крестьяне, занимавшиеся каретным ремеслом, не отставали от других, стараясь щегольнуть знанием дела. Это придало смелости дворецкому, он подошел к барону де-Керверу, снял шляпу и, почесывая затылок, сказал:

— Ваша светлость, в доме, который блесит сквозь листву, живет иностранка, которая щедра, как никто. Попросите ее одолжить вам свои щипцы, чтобы из них сделать валец, я думаю, они-то выдержат до завтра.

Барон кивнул головой, десять человек крестьян побежали к дому Финетты, которая очень охотно дала им золотые щипцы. Их вставили вместо валька, пристегнули постромки, лошади рванули и вынесли карету, как перышко.

Радость была общая, но она продолжалась недолго. Через сто шагов затрещало и выпало дно кареты и с ним едва не погибла вся благородная семья Керверов. Каретники и тележники тотчас же принялись за работу, напилили досок, прибили их крепко-накрепко гвоздями и в одно мгновение поправили беду. Вперед, Керверы! И что же? Все двигаются в путь, пол кареты остается на месте, госпожа де-Кервер неподвижно сидит рядом с невестой в то время, как Ивон с бароном несутся вскачь.

Новое затруднение, новое отчаяние. Но все усилия напрасны — три раза чинили карету, и три раза она снова ломалась. Можно было подумать, что она заколдована.

Каждый подавал советы, и это придало смелости судье. Он подошел к барону де-Кервер и, отвесив низкий поклон, сказал:

— Ваша светлость, в доме, который блесит там

сквозь листву, живет иностранка, которая щедра, как никто. Попросите ее одолжить вам половинку двери, чтобы сделать из нее дно колесницы, я думаю, она-то выдержит до завтра.

Барон кивнул головой, и двадцать человек крестьян побежали к Финетте, которая очень охотно отдала половинку золотой двери. Ее вставили в колесницу, и она пришлась так хорошо, словно нарочно для этого была сделана. В путь! Монастырь уже виден, конец всем дорожным передрягам. Ничуть не бывало! Лошади останавливаются и не хотят везти дальше. Вместо четырех лошадей впрягли шесть, восемь, десять, двенадцать, двадцать четыре — напрасный труд, карета не трогалась с места. Чем больше хлестали лошадей, тем глубже погружались в землю колеса, точно лемеха у плуга.

Что делать? Идти пешком было неприлично. Сесть верхом на лошадей и подъехать к монастырю, подобно мещанам, было не принято у Керверов. Поэтому всеми силами старались поднять карету, толкали колеса, кричали, сердились. Но, несмотря на то, что говорили много, вперед не двигались. Между тем наступил вечер, и назначенный для венчания час прошел.

Каждый подавал советы, и это придало смелости сенешалю. Он подошел к барону де-Кервер, слез с коня и, сняв бархатную шляпу, сказал:

— Ваша светлость, в доме, который блесит там сквозь листву, живет иностранка, которая щедра, как никто. Попросите ее одолжить вам свою корову, чтобы довести карету, я думаю, что это животное может везти хоть всю ночь.

Барон кивнул головой, и тридцать человек крестьян побежали к Финетте, которая очень охотно дала им свою корову с золотыми рогами.

Въехать в монастырь на корове, быть может, и не соответствовало мечтам белокурой дамы, но это было всё же лучше, чем сидеть на дороге, не венчаясь.

Итак, корову впрягли во главе четверки и ждали, что будет делать хваленое животное.

Не успел кучер ударить кнутом, как корова понеслась вскачь, как будто хотела совершить кругосветное путешествие. Лошади, карета, барон и невеста, кучер — все умчались за бешеным животным. Напрасно рыцари прищипывали коней, чтобы поспеть за женихом и невестой, напрасно вассалы и крестьяне бежали со всех ног напрямик, желая пересечь ей дорогу, карета неслась, как на крыльях, даже птица не смогла бы ее догнать.

Подъехав к воротам монастыря, несколько утомленная быстрой ездой свита не прочь была сойти с коней. Всё было готово для церемонии, все давно ожидали жениха с невестой. Но, вместо того, чтобы остановиться, корова понеслась еще быстрее. Тринадцать раз обежала она вокруг монастыря, с бешеной скоростью колеса горшечника, затем вдруг повернула на дорогу к замку и побежала прямо через поля с такою быстротою, что едва не разбила в пух и прах всех Керверов, пока доставила их в древний замок.

VII

В этот день нечего было и думать о свадьбе. Но столы были накрыты, кушанья поданы, а барон де-Кервер был слишком благородным рыцарем, чтобы отпустить своих добрых бретонцев, не дав им, согласно обычаю, вдоволь попить от заката до восхода солнца и даже немного дольше.

Подали знак садиться. На дворе в восемь рядов было расставлено девяносто шесть столов. Напротив, на высокой, обитой бархатом, эстраде, с балдахином посредине, возвышался стол еще более широкий, чем все остальные, уставленный цветами и плодами, не говоря уже о жареных косулях и павлинах, дымившихся весьма аппе-

титно. Здесь должны были сидеть новобрачные. Обычай требовал, чтобы даже самый последний крестьянин мог удостоиться чести поздравить молодых и осушить кружку меда за здоровье и благополучие знаменитого и могущественного рода Керверов.

Барон пригласил за свой стол сто рыцарей, за которыми разместились, чтобы прислуживать им, их оруженосцы. Справа он посадил белокурую даму и Ивона, а слева оставил место свободным и, подозревая пажа, сказал:

— Беги, дитя мое, к иностранке, которая оказала нам так много услуг сегодня утром. Не ее вина, если успех превзошел ее доброе желание. Скажи ей, что барон де-Кервер благодарит ее за помощь и просит пожаловать на свадьбу его сына Ивона.

Придя в золотой дом, где Финетта горько оплакивала своего жениха, паж преклонил колено и от имени барона просил иностранку последовать за ним и удостоить чести присутствовать на свадьбе рыцаря Ивона.

— Кланяйся от меня своему господину,— гордо отвечала молодая девушка,— и скажи ему, что, если он слишком важный господин, чтобы прийти ко мне, то и я слишком знатна, чтобы самой идти к нему.

Когда паж передал ответ иностранки, господин де-Кервер ударил по столу кулаком так, что три блюда взлетели на воздух.

— Клянусь небом!— воскликнул он.— Именно так подобает отвечать даме, и я тут же признаю себя побежденным. Оседлайте моего коня! Оруженосцы и пажи, будьте готовы следовать за мною!

В сопровождении блестящей свиты барон подъехал к дверям золотого дома и сошел с коня. Он извинился перед Финеттой, предложил ей руку, подал стремя и посадил ее на коня сзади себя, как настоящую герцогиню. Дорогой он из деликатности не разговаривал с ней и, приехав в замок с непокрытой головой, подвел её к оставленному для нее месту почетной гостьи.

Отъезд барона Кервера наделал много шума, возвращение же поразило еще больше. Все спрашивали: кто эта дама, к которой с таким почтением относится гордый барон? Судя по костюму, она была иностранкой. Не герцогиня ли нормандская или королева французская? За разъяснениями обратились к дворецкому, судье и сенешалю. Дворецкий дрожал, судья бледнел, сенешаль краснел, и все трое были немые, как рыбы. Молчание этих важных особ еще более увеличивало всеобщее удивление.

Все взоры были устремлены на Финетту, а между тем на душе у нее была смертельная тоска. Ивон смотрел на нее и не узнавал. Он бросил в её сторону равнодушный взгляд и снова продолжал нежный разговор с надменно улыбавшейся белокурой дамой.

В отчаянии Финетта вынула из кошелька золотой шарик, последнюю свою надежду. Продолжая разговаривать с бароном, который был очарован ее умом, она повертела в руке шарик и прошептала:

— Сокровище мое, шарик золотой,
Помоги мне, мой дорогой.

И вдруг шарик стал расти, расти и превратился в золотой кубок чудесной работы, такой красивый, какого никогда еще не приходилось видеть у себя на столе не только барону, но даже и самому королю.

Финетта сама налила в кубок ароматного меду и, подозвав смущенного и прятавшегося сенешаля, сказала ласковым голосом:

— Любезный сенешаль, прошу вас поднести этот кубок рыцарю Ивону, я хочу выпить за его счастье, он не откажется принять мой тост.

Ивон небрежно взял кубок, поднесенный ему сенешалем на подносе из золота и эмали, кивнул иностранке, выпил мед и, поставив перед собой кубок, снова обратился к занимавшей все его мысли белокурой даме. Дама

казалась встревоженной и рассерженной, но рыцарь шепнул ей несколько слов, от которых она пришла в восторг, глаза ее заблестели и рука снова опустилась на плечо Ивона.

Финетта опустила голову и заплакала. Все было потеряно.

— Дети!— воскликнул громким голосом барон.— Наполняйте свои кубки! Выпьем все за любезность и красоту знатной иностранки, удостоившей нас своим присутствием. За владелицу золотого дома!

Все начали кричать и пить. Ивон ограничился только тем, что поднял кубок на уровень глаз. Но вдруг он задрожал и замер с неподвижным взглядом, точно ему представилось видение.

И, действительно, то было видение. В кубке, как в зеркале, увидел Ивон все свои приключения. Великан его преследует, Финетта увлекает за собой, он садится вместе с ней на корабль, который спасает их обоих, они сходят на берег Бретани. Он оставляет ее, но только на минуту, она плачет при расставании. Где же она? Рядом с ним, конечно. Кто же другой, кроме Финетты, мог сидеть рядом с Ивоном?

Он наклонился к белокурой даме и вскрикнул, как будто наступил на змею, затем, шатаясь, как пьяный, встал и угрюмо посмотрел вокруг, но, увидев Финетту, всплеснул дрожащими руками, бросился к ней и, упав на колени, воскликнул прерывающимся от рыданий голосом:

— Финетта, Финетта, простишь ли ты меня?

Нет выше счастья, чем прощать. В тот же день Финетта сидела рядом с Ивоном и, бог знает, что поверяли они друг другу, смеясь и плача одновременно.

А что же случилось с белокурой дамой? Не знаю. При вскрике Ивона она исчезла. Молва утверждает, что из замка выскочила отвратительного вида старуха, преследуемая собаками. Все Керверы сходились во мнении, что

белокурая дама была не кто иная, как колдунья, крестная мать великана. Во всяком случае, этот факт не настолько выяснен, чтоб я мог поручиться за его достоверность. Всегда благоразумнее думать, не имея даже доказательств, что любая женщина — колдунья, но никогда нельзя этого утверждать. Не погрешив против истины, я могу только сказать, что прерванный на минуту пир возобновился и нисколько не потерял ни в продолжительности, ни в весельи.

На следующий день рано утром направились в домовую церковь, и, к своей большой радости, Ивон обвенчался с Финеттой, которая не боялась больше никаких бед. Затем пили, ели и танцевали в течение целых тридцати шести часов и никто не думал об отдыхе. У дворецкого немного отяжелели руки, судья потирал себе временами спину, сенешаль чувствовал некоторое утомление в ногах, и у всех трех на совести лежала какая-то тяжесть, от которой им хотелось освободиться, поэтому они кружились, как молодые люди, до тех пор, пока не свалились с ног и их не унесли. Финетта не думала об ином мщении. Ее единственным желанием было видеть счастливыми вокруг себя всех, кто имел какое-нибудь отношение к знатному роду Керверов. Поэтому память о ней до сих пор живет в Бретани. Каждый встречный охотно покажет вам в развалинах замка статую доброй госпожи с пятью маленькими шариками в руке.

ПИФ-ПАФ ИЛИ ИСКУССТВО УПРАВЛЯТЬ ЛЮДЬМИ

Французская сказка

I

Король Капризник и принц Прелестник

В королевстве Бешеных Трав, счастливой и благословенной небом земле, где всегда правы мужчины, где никогда не бывают виноваты женщины, много лет тому назад жил король, который заботился исключительно о благополучии своих ближних и никогда не ведал скуки. Пользовался ли он всеобщей любовью? Сомнительно. Достоверно лишь то, что приближенные питали к нему мало уважения и еще меньше любви. Они-то и прозвали его королем «Капризником», единственным именем, под которым он

известен и в истории, как это видно из «Великой хроники королевств и княжеств мира, никогда не существовавших», замечательного труда, обессмертившего ученость и остроумие преподобного прелата дона Мельхиседека де-Ментерас и Неседад.

Овдовев после одного года супружества, Капризник перенес всю свою любовь на своего сына и наследника. Это был красивый ребенок. Его личико было свежо, как бенгальская роза, прекрасные русые волосы ниспадали по плечам золотистыми кудрями. Прибавьте к этому голубые ясные очи, прямой нос, маленький рот, продолговатый подбородок, и вы получите облик херувима. На восьмом году это юное чудо восхитительно плясало, ездило верхом, как опытный наездник, и фехтовало, как испытанный рыцарь. Кто не пленялся его улыбкою и величественными движениями, которыми он приветствовал толпу, когда был в настроении? За это глас народный, который никогда не ошибается, окрестил его принцем «Прелестником», и это прозвище за ним так и осталось.

Прелестник был прекрасен, как день, но и на солнце, говорят, есть пятна, а короли не пренебрегают сходством с солнцем. Наш принц пленял всех окружающих своим приветливым видом, но в нем были и темные стороны, которые не ускользали от пытливых глаз любви и ненависти. Гибкий, ловкий, проворный, Прелестник был ленив в ученьи. Он вбил себе в голову, что и без ученья знает всё. Правда, гувернантки, льстецы и дворня без умолку повторяли ему, что труд не для королей и что король считается достаточно сведущим, если щедрой, пренебрежительной рукою бросает поэтам, писателям, художникам частицу тех денег, которые преподносят ему его счастливые крестьяне.

Эти речи льстили гордости Прелестника, поэтому на двенадцатом году милое дитя, с твердостью не по летам, отказалось открыть букварь. Три наставника, избран-

ных из числа самых искусных и терпеливых, — аббат, философ и полковник, тщетно пытались по очереди сломить непреклонность ученика. Аббат потерял при этом свою философию, философ — свою тактику, а полковник — свою латынь. Оставив поле сражения за собою, Прелестник никого более не слушался и жил без принуждения и обязанностей. Упрям, как мул, вспыльчив, как индюк, ласков, как кошка, и ленив, как уж — он был славой прекрасной страны Бешеных Трав, предметом всеобщей любви и восторгов.

II

Мадемуазель Пацца

Хотя король Капризник и получил дворцовое воспитание, он все-таки был человеком рассудительным. Невежество Прелестника ему очень не нравилось и его часто беспокоил вопрос, что станет с королевством при наследнике, которого даже самый ничтожный из льстецов может легко провести. Но как тут быть? Какое средство избрать против ребенка, завещанного ему обожаемой женой на смертном одре? Капризник скорее уступил бы корону сыну, чем хотел бы видеть его в слезах. Любовь обезоруживала его, но она не была слепа, хотя поэты и утверждают обратное. Мучение любящего состоит в том, что он, помимо своей воли, становится рабом того, кто чувствует себя любимым.

Ежедневно после заседаний совета Капризник проводил конец дня у маркизы де-Косторо. Это была дама преклонных лет, которая когда-то баюкала короля на своих руках и теперь одна могла напомнить ему сладкие дни его детства и юности. Она была, говорят, ужасно уродлива и занималась немного колдовством, но свет так злоязычен, что его сплетням всегда лучше верить наполовину. У маркизы были крупные черты лица и аристо-

кратические седые волосы, и легко можно было себе представить, что она была красавицей в былые времена.

Однажды, когда Прелестник был безрассуднее обыкновенного, король вошел к маркизе особенно озабоченным. Как всегда, он сел к столу, на котором лежала приготовленная колода карт, и принялся раскладывать пасьянс. Это помогало ему притуплять мысль и предавать забвению на несколько часов деловые заботы и навеянную делами скуку. Едва успел он разложить шестнадцать карт правильным четырехугольником, как, глубоко вздохнув, воскликнул:

— Маркиза, перед вами несчастнейший из всех отцов и королей! Несмотря на своё врожденное обаяние, Прелестник с каждым днем становится своенравнее и непослушнее. Господи! Вправе ли я оставить после себя такого наследника и вверить свои владения светлейшему глупцу?

— Такова уж судьба, — ответила маркиза. — Она одаривает всегда лишь с одной стороны. Лень — вечный спутник красоты, ум же и безобразие никогда не расстаются. Пример этому в моей собственной семье: несколько дней тому назад мне прислали мою двоюродную внучку, у которой, кроме меня, нет родных. Она мерзка, как жаба, худа, как паук, притом хитра, как обезьяна, и умна, как книга, и всей этой прелести нет еще и десяти лет. Судите сами, сир* мой маленький урод сам пришел с вами поздороваться.

Король обернулся и увидел ребенка, полностью соответствовавшего описанию маркизы. Выпуклый лоб, темные, неприветливые глаза, взъерошенные волосы, матово-смуглый цвет кожи, большие белые зубы, загорелые длинные руки — все это нисколько не походило на нимфу лесов. Но из куколки появляется бабочка. Дайте ребен-

---

* Сир — государь, Ваше Величество.

ку расправить свои крылышки и вы увидите, в каких красавиц превращаются иногда эти противные десятилетние девчонки.

«Маленький урод» подошел к королю и сделал перед ним такой серьезный реверанс, что Капризник не мог удержаться от смеха, хотя и не был расположен к веселости.

— Кто ты? — спросил он, дотрагиваясь до подбородка девочки.

— Ваше Величество, — с важностью ответил ребенок, — я — донна Долорес-Розарио-Кораль-Конха-Валтасара-Мельхиора-Гаспара и Тодос Сантос, дочь благородного рыцаря дона Паскаля-Бартоломео-Франческо де Асиз и . . .

— Довольно, — прервал король, — я не спрашиваю тебя о твоей родословной, мы здесь не на твоих крестинах, не на твоей свадьбе. Как тебя зовут запросто?

— Сир, — отвечала она, — меня зовут Паццой*.

— А почему тебя зовут Паццой?

— Потому что это не мое имя, сир.

— Это странно, — сказал король.

— Нет, сир, — отвечала девочка, — это весьма просто. Моя тетка утверждает, что я слишком сорви-голова для того, чтобы хоть один святой признал бы меня своей крестной дочерью. Вот почему она назвала меня именем, которое в раю никого не оскорбит.

— Ответ хорош, дитя мое. Я вижу, что ты не простая девочка. Не всякому дано оказывать подобное внимание обитателям рая. Если ты так смыслена, не можешь ли ты сказать мне, кто такой ученый?

— Да, сир. Ученый — это человек, который знает, что он намерен сказать, когда начинает говорить, и что он хочет сделать, когда берется за работу.

---

* Пацца — по-итальянски сумасшедшая.

— О, если бы мои ученые были такими, какими ты их себе представляешь,— сказал король,— я сделал бы их своими советниками и поручил бы им управлять моими владениями. А кто такой невежда?

— Сир,— отвечала Пауца,— бывают три вида невежд: тот, кто ничего не ведает, тот, кто говорит о том, чего он не ведает, и тот, кто ничего не хочет ведать. Все три пригодны разве что для костра или для виселицы, потому что они не тонут.

— То, что ты говоришь, похоже на пословицу. Знаешь, как называют пословицы?

— Да, сир. Их называют мудростью народов.

— А почему их так называют?

— Потому, что они сумасшедшие,— отвечала Пауца.— Они режут правду в глаза, они бывают на всякий цвет и вкус. Пословицы похожи на колокола, они отвечают: да или нет, смотря по душевному состоянию того, кто вслушивается в их перезвон.

При этом Пауца, высоко подпрыгнув, поймала муху, жужжавшую около королевского носа, затем, покинув изумленного Капризника, побежала к своей кукле, опустилась на пол и стала укачивать ее на своих коленях.

— Итак,— спросила маркиза,— какого вы мнения об этом ребенке?

— Она слишком умна,— отвечал король.— Она долго не проживет.

— О, Ваше Величество,— воскликнула девочка,— ваши слова не льстят самолюбию моей тетушки, ведь ей давно уже минуло десять лет.

— Молчи, цыганенок,— проговорила старая дама, улыбаясь,— разве королям делают выговоры?

— Маркиза,— сказал Капризник,— у меня возникла мысль до того странная, что я едва ли дерзну поверить ее вам, и тем не менее, я чувствую страстное желание привести ее в исполнение. Я ничего не могу поделать с сыном, ум не имеет власти над этим упрямым. Как

знать, быть может, сумасбродство достигнет большего успеха? Не сделать ли из Паццы наставницу Прелестника? Этот сорванец, противящийся всем своим учителям, окажется, быть может, беззащитным против ребенка. Единственное препятствие — это то, что все будут не согласны со мною. На меня ополчится весь свет.

— Пустяки! — сказала маркиза. — Свет так глуп, что быть разумным, значит — не думать так, как думает свет.

III

Первый урок

Вот таким образом Пацце было поручено образование юного принца. Официального назначения не последовало. В местных «Ведомостях» не сообщалось, что король внезапно нашел выходящего из ряда вон гения и верил ему ум и сердце своего наследника, но на следующий же день Прелестника послали к маркизе и разрешили ему играть с Паццой.

Оставшись наедине, дети молча глядели друг на друга. Пацца, более бойкая, заговорила первой:

— Как тебя зовут? — спросила она своего нового приятеля.

— Те, которые со мной не знакомы, называют меня Ваше Величество, — отвечал Прелестник обиженно, — те, которые знакомы со мной, называют меня запросто принцем, а все прочие говорят мне Вы. Этого требует этикет.

— Что это такое — этикет? — спросила Пацца.

— Не знаю, — отвечал Прелестник. — Когда я прыгну, когда я вскрикну, когда я захочу покувыркаться на полу, мне заявляют, что это против этикета. Тогда я утихаю и начинаю скучать: это и есть этикет.

— Ну, раз мы здесь для того, чтобы весело проводить время, — предложила Пацца, — давай отбросим всякий

этикет. Говори мне «ты», как будто я твоя сестра, я буду говорить тебе «ты», как будто ты мой брат, а Величеством я тебя звать не стану.

— Но ты не знакома со мной! . .

— Это ничего не значит,— отвечала Пацца,— я тебя полюблю, а это будет гораздо лучше. Говорят, ты превосходно танцуешь? Научи и меня танцевать. Хорошо?

Лед растаял. Прелестник обхватил девочку вокруг талии, и не прошло и получаса, как он научил ее танцевать польку.

— Как хорошо ты танцуешь!— сказал он ей.— Ты сразу поняла все па.

— Это потому, что ты хороший учитель,— отвечала она.— Теперь моя очередь научить тебя чему-нибудь.

Она взяла роскошную книгу с картинками и начала показывать ему изображения памятников, рыб, великих людей, попугаев, ученых, редких зверей, цветов — таких предметов, которые занимали Прелестника.

— Смотри,— сказала Пацца,— вот объяснение ко всем, всем этим рисункам: давай прочтем.

— Я не умею читать,— ответил Прелестник.

— Я научу тебя. Я буду твоей маленькой учительницей.

— Нет,— отвечал упрямец,— я не хочу учиться читать. Все учителя мне надоедают.

— Прекрасно. Но я же не учитель. Смотри, вот А, прелестное А. Скажи мне А.

— Нет,— возразил Прелестник, хмуря брови,— я ни за что не скажу А.

— Для моего удовольствия.

— Нет, ни за что! И не проси, я не люблю, когда мне перечат.

— Милостивый государь, вежливый человек ни в чем не отказывает дамам!

— Я отказываю всем и каждому!— вскрикнул Прелестник.— Оставь меня в покое, я тебя более не люблю. Отныне называй меня Величеством.

— Величественный Прелестник или Прелестное Величество,— отвечала Пацца, побагровев от гнева,— вы будете читать или объясните мне причину своего отказа.

— Я не стану читать!

— Нет! Раз! Два! Три!

— Нет! Нет! Нет!

Пацца подняла руку и — пиф-паф! Две пощечины поразили юного принца. Пацце говорили, что ум у нее даже в кончиках пальцев. Она поняла буквально эти слова — никогда не следует шутить с детьми!

Получив это первое предостережение, Прелестник побледнел и затрясся, кровь ударила ему в голову, крупные слезы показались на глазах. Он бросил на свою молодую наставницу такой взгляд, что она вздрогнула. Затем в одно мгновение он сделал сверхъестественное усилие, вполне овладел собой и слегка взволнованным голосом проговорил:

— Пацца, вот А...

И в тот же день, за один урок он выучил весь алфавит. К концу недели он бегло читал по складам. Не прошло и месяца, как он выучился читать свободно.

Кто был счастлив? Конечно, король-отец. Он расцеловал Паццу в обе щеки, он потребовал, чтобы она неотлучно находилась при его сыне и при нем самом. Он сделал этого ребенка своим другом и советником, к великой зависти своих приближенных. Прелестник, неизменно пасмурный и молчаливый, быстро усвоил всё, чему могла научить его юная наставница, и вскоре вернулся к своим прежним учителям, которых привел в изумление своей сообразительностью и прилежанием. Он так отлично усвоил грамматику, что аббат однажды поставил сам себе вопрос, нет ли в его объяснениях, которых он сам не понимал, какого-то смысла? Не менее

удивлял Прелестник философа, который по вечерам объяснял ему совершенно противоположное тому, чему учил его аббат по утрам. Но из всех своих учителей с наименьшим отвращением он слушал полковника. Правда, Байонет,— так звали полковника,— был искусным стратегом и поведал своему ученику тайну, как застегивать гамаши и отворачивать полы мундира. Он же внушил принцу понятие, что самое достойное для него занятие заключается в строевом учении и что основа военного искусства состоит в том, чтобы производить смотры и парады.

Быть может, эти взгляды и не согласовались со взглядами короля-отца, но он был так рад успехам сына, что ничем не хотел омрачать столь изумительных результатов воспитания.

— Сын мой,— говаривал он,— не забудь, что всем ты обязан Пацце.

При этом Пацца, краснея от удовольствия, нежно глядела на молодого человека. Несмотря на весь свой ум, она была настолько безумна, что полюбила его. Прелестник же ограничивался холодным ответом, что благодарность есть добродетель людей высокого происхождения, и что настанет день, когда Пацца поймет, что ученик ее ничего не забыл.

IV

Свадьба Паццы

Когда прелестнику минуло семнадцать лет, в одно прекрасное утро он вошел к отцу, здоровье которого становилось все слабее и который страстно желал женить своего сына до своей кончины.

— Отец,— сказал он,— я долго размышлял по поводу твоих мудрых слов: ты даровал мне жизнь, но Пацца

сделала для меня больше, вызвав к жизни мой разум и мою душу, и я не вижу иного способа уплатить долг моего сердца, как жениться на той, которой обязан всем, чем я стал. Я пришел к тебе просить руки Паццы.

— Дорогой мой сын,— отвечал король,— это решение делает тебе честь. В жилах Паццы не течет королевская кровь, не ее я выбрал бы тебе при других обстоятельствах в супруги. Но как только я подумаю о ее добродетелях, о ее достоинстве, о той услуге, которую она нам оказала, я забываю пустые предрассудки. У Паццы душа настоящей королевы, так пусть же она будет твоей супругой. В стране Бешеных Трав настолько любят ум и доброту, что простят тебе то, что глупцы называют неравным браком, я же считаю самым настоящим. Счастлив тот, кто в состоянии избрать себе супругу умную, способную его понять и полюбить! Поэтому завтра же мы отпразднуем вашу помолвку, а через два года вас обвенчают.

День свадьбы наступил скорее, чем предполагалось. Спустя пятнадцать месяцев после этих памятных слов Капризник скончался от слабости и истощения. Он слишком строго относился к обязанностям своего высокого звания, и это привело его к смерти. Старая маркиза и Пацца оплакивали своего друга и благодетеля, но плакать пришлось им одним. Не будучи дурным сыном, Прелестник рассеивался заботами по управлению. Приближенные ожидали великих милостей от нового короля и не помышляли о старом, щедрую руку которого сомкнула смерть.

Почтив память своего родителя великолепными похоронами, юный принц отпраздновал свадьбу с блеском, очаровавшим добрых жителей Бешеных Трав. Со всех сторон, за сто верст в округе стекались толпы, чтобы увидеть нового властелина, не менее восхищались и Паццой, расцветающая красота и очевидная доброта которой привлекали все сердца. Давались бесконечные

обеда, говорились речи длиннее обедов, декламировались стихи скучнее речей. Одним словом, это было торжество, ни с чем не сравнимое, о нем говорили еще шесть месяцев спустя.

Когда наступил вечер, Прелестник предложил руку своей прелестной супруге, взволнованной и покрасневшей. С холодной учтивостью он провел ее по длинным коридорам до дворцовой башни. Войдя в нее, Пацца ужаснулась, очутившись в темном помещении с решетками на окнах, огромными замками и засовами.

— Что это такое? — спросила она. — Это похоже на тюрьму.

— Да, — отвечал Прелестник, взглянув на супругу страшными глазами. — Это тюрьма, из которой ты выйдешь лишь для того, чтобы сойти в могилу!

— Друг мой, ты меня огорчаешь, — возразила, улыбаясь, Пацца. — Разве я виновата в чем-нибудь? Чем вызвала я твое неудовольствие, что ты мне угрожаешь тюрьмой?

— У тебя короткая память, — отвечал Прелестник. — Оскорбитель пишет на песке, оскорбленный — на мраморе и бронзе.

— Прелестник, — возразила, встревоженная Пацца, — зачем ты повторяешь фразу из тех речей, которые мне так надоели? Разве ты не можешь ничего более подходящего сказать мне сегодня?

— Несчастная! — воскликнул король. — Ты позабыла пощечину, которую некогда дала мне, но зато я ничего не забыл. Знай, я жажду жениться на тебе только для того, чтобы завладеть твоей жизнью и заставить тебя медленной мукой искупить твое преступление против моего сана!

— Друг мой, — возразила Пацца с плутовским упрямством, — ты похож на Синюю Бороду, но меня ты не испугаешь! Я знаю тебя, Прелестник, и предупреждаю, что я дам тебе не одну, а целых три пощечины! Поторо-

пись выпустить меня, иначе, я клянусь тебе, что сдержу свое слово!

— Клянитесь же, сударыня!— вскричал король, бесясь при мысли, что не может утратить свою жертву.— Я принимаю вашу клятву! Я клянусь со своей стороны также, что вы не войдете в мои покои, прежде чем я не окажусь настолько подлым, чтобы снести троекратное, лишь кровью смываемое оскорбление. Поживем — увидим! Рашембур, сюда!

И в помещение вбежал бородатый, грозного вида тюремщик. Привычным движением он бросил королеву на пол и захлопнул дверь, так сильно звеня ключами и засовами, что мог бы нагнать страху на самого храброго.

Если Пацца и обливалась слезами, то, во всяком случае, так тихо, что никто не слышал ее. Устав подслушивать, Прелестник удалился, с бешенством в душе и клятвой — суровостью сломить это гордое создание.

— Мечь,— говорил он.— отрада королей.

Спустя два часа маркиза получила из доверенных рук записочку, которая уведомляла ее о печальной судьбе племянницы. Каким путем попала к ней эта записка? Я это знаю, но никого не хочу выдавать. Если нашелся случайно милосердный тюремщик, то пощадить его — доброе дело. Подобное редко встречается и исчезает, к сожалению, с каждым днем.

V

Ужасное событие

На другой день «Ведомости» сообщили, что в день свадьбы с королевой случился сильный припадок буйного помешательства и что на ее спасение мало надежды.

Не нашлось ни одного человека, который не заметил бы, что накануне королева, действительно, была весьма возбуждена, поэтому болезнь ее не могла никого удивить. Все жалели Прелестника, выслушивавшего с хмурым и принужденным видом выражения соболезнования, расточаемые перед ним. Горе, без сомнения, сильно удручало его. Но это горе стало заметно легче после посещения маркизы де-Косторо.

Добрая дама была весьма опечалена и выражала страстное желание видеть свою родственницу, но она была так стара и слаба, что умоляла короля избавить ее от этого раздирающего душу зрелища. Она кинулась в объятия Прелестника, который, со своей стороны, нежно поцеловал ее. Маркиза удалилась, говоря, что всю надежду она возлагает на любовь короля и на искусство его главного врача.

Едва успела она удалиться, как врач, склонившись к уху Прелестника, сказал ему два слова, вызвавших на лице короля тотчас же довольную улыбку. Раз маркиза удалилась, бояться было более нечего,— месть была обеспечена.

Доктор Видувильст был великим врачом. Родившись в стране Снов, он рано покинул свою родину, чтобы попытать счастья в стране Бешеных Трав. Он был слишком ловок, чтобы счастье могло ускользнуть от него. В течение пяти лет, проведенных им в знаменитом Люгенмаульбергском университете, медицинская теория изменилась двадцать пять раз. Благодаря такому солидному образованию, доктор приобрел твердость взглядов, которую ничто не могло поколебать. Он утверждал, что у него искренность и грубость воина. Подчас он даже ругался, в особенности с дамами. Эта грубость позволяла ему разделять мнение более сильного и заставлять себе платить за что, чтобы не иметь собственного мнения. Вот в эти-то руки и попала бедная королева.

Прошло три дня, как она была заточена, и город начинал уже говорить о других вещах, когда Рашембур, весь растрепанный, неожиданно вошел к королю и, трепеща, как лист, пал к его ногам.

— Ваше Величество,— сказал он,— я принес вам свою голову. В эту ночь королева исчезла.

— Что ты говоришь!— воскликнул, бледнея, король.— Это невозможно! Темница окружена со всех сторон решетками!

— Так точно,— отвечал тюремщик,— это невозможно, бесспорно: решетки на своих местах, стены также, замки и засовы не тронуты. Но бывают на свете колдуньи, которые проходят сквозь стены, не сдвигая ни единого камня. Кто знает, не была ли пленница колдуньей? Ведь для всех так и осталось тайной, откуда она явилась к нам.

Король послал за доктором. Тот был человеком недюжинного ума и вовсе не верил в колдуний. Он ощупал стены, потряс решетки, допросил тюремщика — все было тщетно. Послали надежных шпионов по всему городу, приказали следить за маркизой, которую подозревал доктор, но, спустя неделю, пришлось отказаться от всех поисков. Рашембур потерял свое место тюремщика, но так как он был посвящен в королевскую тайну, в нем чувствовали необходимость. К тому же он пылал жаждой мести, и его сделали дворцовым привратником. Вzbешенный своей неудачей, он занялся надзором с таким рвением, что менее чем в три дня он раз шесть задержал самого Видувильста и этим поставил себя вне подозрений.

В конце недели рыбаки доставили в замок платье и плащ королевы. Прилив выбросил на берег эти вещи, загрязненные песком и морской пеной. Бедная помешанная Пацца утопилась, никто в этом не сомневался при виде скорби короля и слез маркизы. Был созван верховный совет, который единогласно постановил, что, соглас-

но законам, королева умерла, а король овдовел, поэтому в интересах королевских подданных следует умолять его величество сократить время горестного траура и как можно скорее вступить в новый брак, дабы обеспечить себе потомство. Эта просьба приближенных была передана королю главным врачом и председателем верховного совета Видувильстом. Тот произнес такую трогательную речь, что весь замок рыдал, а король кинулся в объятия врача, называя его своим жестоким другом.

Нечего говорить, какую торжественную тризну справили по королеве, столь жалеемой всеми. В стране Бешеных Трав все служит поводом к торжественным церемониям. Это было удивительное торжество, но самым удивительным было поведение молодых девиц. Каждая глядела на Прелестника, которому траурное одеяние было очень к лицу. Каждая плакала одним глазком, чтобы почтить королеву и улыбалась другим, чтобы пленить короля. О, если бы тогда уже было изобретено искусство фотографии, какие портреты, какие модели для наших живописцев передали бы нам те времена! В древности людей украшали страсти: любовь, ненависть, гнев одушевляли те живые лица! В настоящее время мы так добродетельны и умны, что у нас у всех одинаковая одежда, одинаковая шляпа, одинаковая физиономия. Цивилизация — это победа нравственности и утрата для искусства.

После описания печальной церемонии, которое, по обыкновению, занимало шесть столбцов «Ведомостей», определили сроки большого и малого траура. Но так как малый траур приходился на масленицу, то было решено в целях покровительства торговле устроить в замке костюмированный бал. Тотчас же портные и швеи приступили к работе. Велик и мал домогался приглашения, забурили сплетни и интриги.

Так торжественно оплакивали бедную Паццу!

Костюмированный бал

Наконец великий день, ожидаемый с таким нетерпением настал. В течение шести недель население Бешеных Трав трясло, как в лихорадке. Не говорили более ни о министрах, ни о сенаторах, ни о генералах, ни о судьях, ни о принцессах, ни о герцогинях, ни о простых девушках. Все на расстоянии верст двадцати в округе превратилось в пьеро, арлекинов, цыганок, коломбин и «безумных».

Если судить по газетным описаниям, то этот праздник своей роскошью превзошел все празднества минувших и будущих времен. Бал устроили среди цветущего сада, в роскошно убранном павильоне. Пройдя по лабиринту длинных аллей, слабо освещенных разноцветными фонариками, гости попадали в сияющий позолотой и огнями зал. Оркестр, расположившийся в чаще кустов, услаждал слух то торжественными, то игривыми мелодиями. Прибавьте к этому богатство туалетов, блеск брильянтов, остроумие масок, заманчивость интриги — только душа старого стойка могла бы противостоять опьянению весельем!

Несмотря на все это, Прелестник не мог развеселиться.

Скрываясь под голубым домино, с совершенно замаскированным лицом, он подходил к самым изящным и самым веселым маскам, расточал свое остроумие и светские шутки и всюду находил лишь равнодушие и холодность. Его едва слушали, отвечали ему чуть ли не зевая, торопились отойти от него. Все взоры были устремлены на одно черное домино с розовыми бантами, беспечно прогуливавшееся по бальной зале и с важностью паши принимавшее всеобщие комплименты и улыбки. Домино это было не кто иной, как доктор

Видувильст, лучший друг короля, но еще больший друг собственного удовольствия. В минуту рассеянности врач, как бы невзначай, поведал двум дамам, под условием глубокой тайны, что король прикрепит к черному домино розовые банты. И не его вина в том, что дамы не умеют молчать, а король изменил свой костюм.

В то время как Видувильст наслаждался своей проделкой, Прелестник сел в углу залы и закрыл лицо руками. Всеми покинутый среди шумной толпы, он задумался, и облик Паццы предстал перед ним. Он ни в чем не мог упрекнуть себя, возмездие его было справедливо, и все-таки он чувствовал, не зная почему, угрызения совести. Бедняжка Пацца! Конечно, она была виновата, но, по крайней мере, она любила его, она понимала его, она слушала его с блестящими от радости глазами. Какая разница — она и эти пустые женщины, которые при первом же слове не смогли узнать по остроумию своего короля!

Он вскочил и хотел покинуть бал, как вдруг заметил даму в маске, которая так же удалилась от веселой толпы и казалась погруженной в думы. Распахнувшееся домино открывало костюм цыганки и башмачки с пряжками, надетыми на ножку, меньшую, чем у Золушки.

Король приблизился к незнакомке и увидел под бархатом маски большие темные глаза, задумчивый взгляд которых изумил его и привел в восхищение.

— Прекрасная маска, — проговорил он, — твое место вовсе не здесь. Оно в той оживленной и любопытной толпе, ищущей короля, дабы оспорить друг у друга улыбку его и сердце. Там можно выиграть королевскую корону, разве тебе это неизвестно?

— Я ни к чему не стремлюсь, — отвечала маска спокойным и нежным голосом. — Играть в эту азартную игру — значит подвергаться возможности принять слугу за господина.

— А если бы я показал тебе короля?

— О чем мне с ним говорить? — возразила незнакомка. — Я лишусь тогда права осуждать его, не оскорбляя, и хвалить, не лстя.

— Разве тебе известно о нем много дурного?

— Немного дурного, немного хорошего, но что из этого?

Проговорив это, домино развернуло свой веер и вновь погрузилось в думы.

Это равнодушие поразило Прелестника. Он говорил с воодушевлением — ему холодно отвечали, он убеждал, молил, волновался и достиг наконец того, что его стали покорно слушать, но уж более не в бальной зале, где жара была тягостна и любопытство слишком нескромно, а в тени тех длинных аллей, где немногочисленные гуляющие искали тишины и прохлады.

Ночь приближалась. Уже не раз цыганка заводила речь о возвращении домой к великому огорчению короля, тщетно упрашивавшего ее сбросить маску. Незнакомка словно не слышала его просьб.

— Не приводите меня в отчаяние, сударыня, — воскликнул король, охваченный чувством уважения и симпатии к таинственной незнакомке. — К чему это жестокое молчание?

— К тому, что я узнала Ваше Величество, — отвечала незнакомка взволнованным голосом. — Этот голос, звучащий с такой искренностью, манера выражаться и держать себя слишком ясно говорят, кто вы такой. Позвольте мне уехать.

— Нет, сударыня! — воскликнул король, плененный ее умом. — Вы одна узнали меня, вы одна меня поняли. Вам принадлежит мое сердце и моя корона. Сбросьте эту ревнивую маску и мы тотчас вернемся в бальную залу. Я представляю этой невежественной толпе девушку, которой я имел счастье понравиться. Скажите одно только слово, и все мои люди — у ваших ног!

— Ваше Величество, — отвечала незнакомка с печалью в голосе, — позвольте мне отклонить предложе-

ние, которое делает мне честь. Сознаюсь, я честолюбива. Было время, когда я хотела бы разделить с вами вашу судьбу и носить ваше имя, но прежде всего я — женщина и счастье свое вижу в одной лишь любви. Я не хочу обладать сердцем, разделенным хотя бы воспоминанием, я ревную даже к минувшему.

— Я никогда никого не любил! — воскликнул король с искренним жаром. — В обстоятельствах моей женитьбы скрывается тайна, открыть которую я не могу никому, кроме моей супруги. Но я могу дать вам клятву, что я никогда не отдавал своего сердца! Я люблю впервые.

— Покажите мне вашу руку, — сказала цыганка, — и подойдем к этой лампе. Я взгляну, правду ли вы мне говорите.

Прелестник с уверенностью протянул руку. Цыганка рассмотрела все линии и вздохнула.

— Вы правы, король, вы никогда не любили. Но этого мало для успокоения моей ревности. До меня вас любила другая. Смерть, увы, не разрывает священных уз. Королева любит вас до сих пор, вы ей принадлежите! Принять сердце, которым вы не вправе располагать, было бы с моей стороны преступлением. Простите.

— Сударыня, — проговорил король твердо, — вы не сознаете, как сильно заставляете меня страдать. Есть вещи, о которых я желал бы забыть навечно, а вы принуждаете меня говорить о них. Королева никогда меня не любила, одно лишь честолюбие руководило ею.

— Это неправда, — возразила незнакомка. — Королева любила вас.

— Нет, сударыня, за всем этим таилась гнусная интрига, жертвами которой оказались мой отец и я.

— Довольно! — воскликнула незнакомка. Руки ее дрожали, а пальцы как-то странно, судорожно сжимались. — Питайте уважение к мертвым, не клеветайте на них.

— Сударыня, я уверяю вас, и никто еще не сомневался в моем слове: королева никогда меня не любила, она была злым созданием.

— Ах!— вскрикнуло домино.

— Своенравным, свирепым, ревнивым! . .

— Если она была ревнива, значит она любила вас,— прервала маска.— Подыщите повод, по крайней мере, более правдоподобный, не оскорбляйте сердца, всецело преданного вам.

— Она так мало меня любила, что даже в день нашей свадьбы осмелилась сказать мне в лицо, что вышла за меня по расчету.

— Этого не может быть,— сказала цыганка, подымая руку,— этого не может быть.

— Сударыня, клянусь, что это правда.

— Ты солгал!— вскричала незнакомка.

Пиф-паф! Пощечина ослепила Прелестника, и в тот же миг незнакомка исчезла.

В бешенстве король отшатнулся в сторону и схватился было за эфес своей шпаги, но на бал не ходят, как на войну: вместо оружия он нащупал бант из лент. Он бросился вслед за своим врагом, но разве его можно было найти? В лабиринте аллей Прелестник терял дорогу раз двадцать. Он не встречал никого, кроме масок, прогуливающихся парами и не обращавших на него никакого внимания. Придя в отчаяние, он вернулся в бальную залу — вдруг в ней скрылась незнакомка, но как ее узнать?

Блестящая мысль мелькнула в уме короля: если все снимут маски, он, несомненно, узнает цыганку, которую смутит его присутствие, ее выдаст собственное волнение. Тотчас Прелестник вскочил на кресло и громогласно крикнул:

— Милостивые государи и государыни! Приближается утро, веселье гаснет. Оживим же наш праздник новой

причудой: долой инкогнито! Я подаю пример. Кто любит меня, последуйте моему примеру!

Он сбросил свое домино, откинул маску и предстал в изящном и богатом испанском наряде.

Раздался всеобщий крик изумления. Взоры всех устремились вначале на короля, а затем тотчас же на черное домино с розовыми лентами, удалявшееся как можно скорее, со скромностью, не носившей никаких следов притворства. Гости сняли маски, дамы окружили короля. Все заметили, что он живо интересуется костюмами цыганок. Молодые и старые, все цыганки были ошарашены его вниманием, он брал их за руки, дарил их взглядами, которые заставляли других мучиться от зависти. Затем он махнул рукой оркестру, танцы снова начались, король удалился.

Он бросился в аллею, надеясь найти там вероломную, так оскорбившую его. Что влекло его? Чувство мести, конечно. Кровь стучала у него в висках. Он шел наугад, останавливаясь временами. Он зорко смотрел по сторонам, вслушивался, подстерегал, кидался, как безумный, вслед каждой светлой точке, мелькавшей сквозь листву, смеясь и рыдая одновременно, совершенно потеряв голову.

На повороте одной аллеи он натолкнулся на Рашембура, стоявшего с испуганным лицом и дрожащими руками.

— Ваша светлость, — шепнул он таинственным голосом, — вы изволили видеть его?

— Кого?

— Привидение. мой король! Оно прошло мимо меня, со мною все кончено. Завтра меня не станет.

— Какое привидение?

— Призрак, домино с огненными глазами, оно велело мне опуститься на колени и дало мне две оплеухи.

— Это она! — воскликнул король. — Это она! Почему ты не задержал ее?

— Ваше Величество, у меня не было моей алебарды.

Но как только мне доведется встретиться с этим привидением, я убью его.

— Смотри же в оба! Как только она вернется, не пугайся, бросайся за ней, узнай, где она скрывается. Но где же она? Куда она скрылась? Веди меня, если я найду ее, твое счастье обеспечено.

— Ваше Величество,— сказал честный привратник, глядя на луну,— если призрак и находится где-нибудь, так это там, наверху. Я видел его так, как вижу вас, он рассеялся в тумане. Но перед своим исчезновением он передал мне для вас два слова.

— Говори скорее.

— Слова эти ужасны, я никогда не осмелюсь повторить их.

— Говори же, наконец! Это мой приказ.

— Привидение сказало замогильным голосом: «Передай королю: если он женится вновь, то погибнет. Возлюбленная вернется».

— Вот,— сказал король, глаза которого сверкнули странным огнем,— возьми мой кошелек. Я полагаюсь на твою преданность и молчаливость. Пусть эта тайна навсегда останется между нами. С сегодняшнего дня я назначаю тебя главным камердинером.

— Это уже вторая тайна,— пробормотал Рашембур и удалился с видом человека, не дающего сломить себя ни страху, ни блеску богатства. Это был сильный характер!

На другой день «Ведомости» поместили в своей неофициальной части следующие строки:

«Распространился слух, что король предполагает в недалеком будущем вступить в повторный брак. Королю хорошо известны обязанности относительно подданных и он всецело посвятит себя их благу. Король ни о чем не помышляет, как только о своей утрате. Только со временем он надеется получить утешение, в котором ему теперь отказано».

Заметка эта взволновала придворных и весь город. Молодые девицы находили, что король слишком щепетилен. Не одна мамаша пожимала плечами и говорила, что у него мещанские предрассудки. Вечером же во всех добрых семьях творилось что-то невообразимое. Не было мало-мальски порядочной супруги, которая не искала бы ссоры со своим недостойным супругом, заставляя его признать, что в целой стране есть единственное, способное любить сердце и единственный верный супруг: король Прелестник.

VII

Две консультации

После всех треволнений короля охватила мучительная скука. Чтобы развеяться, он устраивал всевозможные увеселения. Он охотился, посещал оперу и комедию, принимал гостей, читал карфагенский роман — ничто не помогало. Неизгладимое воспоминание, образ, всегда витавший перед ним, не давал ему ни отдыха, ни покоя. Цыганка преследовала его даже в сновидениях. Он видел ее, говорил с ней, она слушала его и, как только спадала маска, перед ним появлялось бледное и печальное лицо Паццы.

Доктор был единственным доверенным лицом, которому Прелестник мог признаться в угрызениях своей совести. Но при одном упоминании об этом Видувильст громко рассмеялся.

— Пустая привычка! — сказал он. — Полагайтесь на время, развлекайтесь, и все пройдет.

Для развлечения короля, для изгнания его печали доктор каждый вечер ужинал наедине с ним и щедро подливал ему средства упоения и забвения. Видувильст не жалел и себя, но вино не имело власти над этим

мощным рассудком. В то время как Прелестник, то веселый, то задумчивый, кидался в крайности утех и отчаяния, в вечном волнении, не ведая счастья, Видувильст, спокойный и улыбающийся, руководил мыслями короля.

Доктор был честолюбив, он родился, чтобы быть визирем. Каждое утро какое-нибудь новое распоряжение говорило народу, что их король — ничто, а его управляющий — всё. Прелестник не замечал своего собственного бессилия. Запершись в своих палатах, сменяемый скукой, он не имел иного собеседника, кроме пажа, приставленного к его особе по рекомендации Рашембура главным управляющим. Видувильст был слишком хорошим психологом, чтобы в чем-нибудь отказать старшему камердинеру. Проказник, балагур, недурной музыкант, игрок в карты, Тонто (так звали юношу) забавлял короля своей находчивостью. Не меньше нравился он и управляющему, но благодаря другим своим качествам. Преданный своему покровителю, миловидный паж с самым невинным видом пересказывал все слова короля. Это было не особенно трудным делом: король постоянно грезил и почти ничего не говорил.

Что может быть прекрасней власти? Но чем дальше в лес, тем больше дров. Честолюбивый доктор жаждал почета и блеска королевского сана: не было ничего проще, чем запугать короля болезнью и услать его в далекие края искать исцеления, которого пришлось бы долго ждать. А во время его отсутствия можно было бы управлять королевством совершенно бесконтрольно.

Прелестник был молод и еще не разочарован в жизни, да и кроме того, как мог он противоречить нежным заботам доброго доктора? Однажды вечером во дворце собрались три умнейших головы медицинского факультета: высокий Тристан, толстый Жокондюс и маленький Гильберэ, три знаменитых гения.

После того, как короля опросили, осмотрели, ощупали,

выслушали, Тристан потребовал слова и сказал грубым голосом:

— Ваше Величество, о вас нужно заботиться, вам нужно жить, сложа руки. Болезнь ваша — малокровие, расслабление органов. Лишь поездка на Светлые Воды может принести вам исцеление. Поезжайте скорее, иначе вы пропадете, это — мое мнение.

— Ваше Величество,— заговорил толстый Жокондус,— я всецело разделяю замечательное мнение почтенного коллеги. Вы страдаете от того, что слишком хорошо себя чувствуете. Ваш недуг — полнокровие. Отправляйтесь на Светлые Воды, вы поправитесь. Поезжайте скорее, иначе вы пропадете, это — мое мнение.

— Ваше Величество,— сказал маленький Гильерэ,— я не могу не удивиться замечательной способности моих учителей распознавать характер болезни. Так же, как и они, я полагаю, что вы страдаете необузданностью симпатий, происходящей от слишком податливого характера. Скорее отправляйтесь на Светлые Воды, иначе вы пропадете, это — мое мнение.

Затем был составлен протокол, который Тонто должен был отнести тотчас же в «Ведомости», после этого три врача встали, откланялись и начали спускаться по дворцовой лестнице, споря или смеясь,— неизвестно.

После ухода трех врачей Видувильст пробежал глазами протокол, долго размышлял, затем взглянул на короля. У Прелестника, поужинавшего в этот вечер лучше обыкновенного, было угрюмое выражение, он даже не слышал, о чем толковали врачи:

— Ваше Величество,— сказал Видувильст,—единодушное мнение этих господ состоит в том, что вам необходимо отправиться на Светлые Воды и отказаться от забот по управлению своими владениями. По моему мнению, однако, подобное решение нимало не достойно вас . . .

— Довольно,— прервал король,— уволь меня от этой старой морали! Ты хочешь, чтобы я уехал, мой добрый

друг, ты ждешь — не дождешься этого, из участия ко мне, я это знаю. Составь проект декрета, я подпишу его.

— Ваше Величество, декрет здесь, в портфеле. Хороший управляющий всегда предугадывает возможные случайности. Не знаешь наперед, что может случиться.

Прелестник взял перо и машинально подписал бумагу, не прочитав ее, но вдруг, повинуясь минутному капризу, взял ее обратно и прочел.

— Что? — сказал он. — Без объяснения мотивов? Ни слова о том благорасположении, которое я к тебе питаю! Доктор, ты слишком скромнен. Завтра эта бумага будет напечатана в газете с дополнением, написанным рукою твоего повелителя. Прощай, эти господа меня слишком утомили.

Доктор вышел легкой поступью, с высоко поднятой головой, с блестящими глазами. Он был еще более надменен и заносчив, чем обыкновенно. Прелестник снова погрузился в размышления о том, что все-таки он не самый несчастный из королей, так как небо наделило его другом.

Вдруг безо всякого доклада в комнату короля вошел такой диковинный маленький врач, какого едва ли когда-нибудь встречали во дворцах. На нем был седой парик в локонах, ниспадавших до самых плеч, белоснежная борода доходила до половины груди, а глаза были так подвижны и блестили таким юношеским огнем, что можно было сказать, что они явились на свет лет на шестьдесят позднее тела.

— Где эти невежды? — воскликнул он резким голосом, стуча об пол тростью. — Где они, эти невежды, эти педанты, эти неучи, что не дождались меня? А, — обратился он к изумленному королю, — это вы — пациент? Покажите язык, только скорее, мне некогда.

— Кто вы такой? — спросил Прелестник.

— Доктор Истина, лучший врач в мире, вы скоро в этом убедитесь, несмотря на мою скромность. Спроси-

те Видувильста, вызвавшего меня из страны Снов. Я излечиваю все, даже несуществующие болезни. Высуньте язык! Очень хорошо! «Малокровие»... осел! «Полнокровие»... два осла! «Нервные припадки»... три осла! «Пить светлую воду»... стадо ослов! Знаете, как зовут вашу болезнь? Скорбью и даже хуже того.

— Вы находите?— спросил в испуге Прелестник.

— Да, сын мой. Но я вас вылечу. Все будет готово завтра в полдень. Чей это портфель? Управляющего? Хорошо. Поставьте свою подпись под этими тремя бумагами.

— Это — приготовленные к моей подписи приказы. Что вы хотите с ними делать?

— Это будут мои рецепты. Следствие лечат причиной, подписывайте. Итак, сын мой, будьте послушны и завтра в полдень вы будете веселы, как зяблик. Вы смеетесь, сын мой. Это хороший знак, когда больной смеется над своим врачом.

— Да,— проговорил Прелестник, прочитав бумаги,— я смеюсь при мысли о той гримасе, которую скорчил бы завтра Видувильст, если бы он прочел эти рецепты в газете. Не глумите, доктор-шутник, отдайте мне эти бумаги и давайте прекратим этот маскарад.

— Что это такое?— спросил маленький человек, читая бумагу, оставленную Видувильстом.— Да простит меня небо, ведь это отречение от всех ваших прав! Разве вы помышляете об этом, король Прелестник? Как? Наследие предков, твою честь, твое имя, ты кидаешь к ногам какого-то искателя приключений? Ты позволяешь лишить себя всего и даешь обманщику провести себя? Этого быть не может, этого я не допущу. Я помешаю этому, слышишь?

— Кто наглец, говорящий «ты» королю? Вон, негодяй, не то я выкину тебя из окна!

— Меня?— крикнул своим резким голосом малень-

кий врач.— Нет! Пока я не уничтожу этот образец безумия и глупости!

Король схватил безумца и кликнул стражу. Никто не отвечал. То угрожая, то умолая, маленький старикашка отбивался с непостижимой ловкостью. Ударом ноги он сбросил лампу на пол, но король, не страшась темноты, крепко держал незнакомца, силы которого начинали слабеть.

— Отпустите меня,— бормотал он,— именем неба отпустите меня. Вы не знаете, что делаете, вы ломаете мне руку!

Слова и просьбы — все было тщетно. Но вот, внезапно — пиф-паф! Пиф-паф! Град пощечин обрушился на щеки Прелестника. Ошеломленный, он выпустил свою жертву из рук и громко стал звать на помощь.

VIII

Конец сновидения

Наконец открылась дверь. Вошел Рашембур.

— Где он, этот дьявольский доктор? — спросил Прелестник, вне себя от бешенства.

— Повелитель, — отвечал камердинер, — его превосходительство господин Видувильст час тому назад покинул замок.

— Тебя не спрашивают о Видувильсте! Куда исчез тот негодяй, который только что напал на меня?

— Повелитель, — отвечал Рашембур, — я не отлучался со своего места и никого не видел.

— Я же тебе говорю, что какой-то человек находился несколько минут тому назад в этой комнате.

— Ваше Величество никогда не ошибаются. Если кто-нибудь и был в этой комнате, то он и в настоящее

время находится здесь, по меньшей мере, если он не улетел или же, если Вы не изволили видеть его во сне.

— Трижды дурак, разве я похож на человека, только что пробудившегося? Разве я сам опрокинул эту лампу? Разве я разорвал эти бумаги?

— Повелитель,— сказал Рашембур,— я не более, чем червь земной. Упаси меня Господь противоречить! Но в течение всего этого года у нас эпидемия каких-то особенных сновидений. Несколько минут тому назад сон одолел меня против моей воли, и, не будь я убежден, что видел все во сне, я, пожалуй, сказал бы, что какая-то невидимая рука дала мне две оплеухи, которые меня и разбудили.

— Две оплеухи!— вскричал король.— Это — привидение! А я не узнал его, хотя это был тот же голос, те же манеры. Что это значит? Друг мой, ни слова об этом! Возьми этот кошелек и храни мою тайну.

— Это уже третья,— пробормотал верный Рашембур, после чего он стал раздевать короля с усердием и ловкостью, заставившими его светлость несколько раз улыбнуться.

Подобные волнения отгоняют сон. Уж светало, когда король заснул, и солнце стояло высоко в небе, когда он проснулся. В тот первый момент, который уже более не сон, но еще и не пробуждение, Прелестнику послышался какой-то странный шум: звонили в колокола, стреляли из пушек, три или четыре военных оркестра играли каждый свою пьесу. Это был адский концерт. Король позвонил, вошел Рашембур, держа в руках букет цветов.

— Дозвольте,— сказал он,— самому последнему из слуг первому выразить всеобщую радость. Арендная плата уменьшена! Темницы открыты! Надсмотрщики распущены! Никогда не носила земля человека, подобного вам. Покажитесь на балконе, улыбнитесь толпе, которая вас благословляет!

Рашембур не мог продолжать, слезы заглушили его голос. Он хотел вытереть глаза, но был до того растроган, что вместо платка вынул только что выпущенный номер «Ведомостей» и начал целовать его, как сумасшедший.

Прелестник взял газету и во время одевания тщетно пытался собраться с мыслями. Каким образом очутились эти приказы в газете? Кто отнес их туда? Что это Видувильст не явился до сих пор? Король хотел было поразмыслить, навести кое-какие справки, но толпа стояла там, под окнами. Нельзя было заставлять ее ждать.

Как только король показался на балконе, ему навстречу понеслись крики восторга, от которых невольно забилося его сердце. Мужчины кидали шапки в воздух, женщины махали платками, матери высоко поднимали своих детей и заставляли их протягивать ручонки и лепетать «Да здравствует король!» Всех охватило какое-то восторженное неистовство. Общее волнение перешло к Прелестнику. Он разрыдался, сам не зная, почему. В это мгновение часы пробили полдень, привидение не ошиблось: король выздоровел.

Одно лишь лицо отсутствовало на торжестве — это Видувильст. Куда скрыл он свое бешенство и досаду? Неизвестно. Тайнственная записка, полученная им в то утро, заставила его бежать. Между тем записка содержала лишь следующие простые слова: «Король знает всё!» Кто же написал это роковое письмо? Во всяком случае, не сам король. Едва ли не единственный во всем дворце, он думал о своем управляющем и удивлялся, почему не видит его подле себя.

Вдруг вошел Тонто, бледный и расстроенный. Он вручил королю запечатанный пакет. Генерал Байонет сообщал королю ужасное известие: восстали шесть отрядов надсмотрщиков во главе с Видувильстом. Мятежники объявили короля низложенным, обвиняли его в

тяжких проступках, в особенности же в убийстве королевы. Они были хорошо организованы и приближались к городу. Байонет умолял короля прибыть к войскам безотлагательно и принять командование: час опоздания — и все будет потеряно.

Увлекаемый Тонто и Рашембуром, король тайно покинул замок в сопровождении нескольких офицеров. Воззвание, прибитое к городской стене и наклеенное на всех городских углах, гласило, что слухи, распространяемые некоторыми недоброжелателями, лишены основания и что никогда воины не были более преданными и верными королю, чем в настоящее время. Это произвело всеобщую панику. Курс на бирже упал в какие-нибудь полчаса на целых четыре франка и не повышался до тех пор, пока не пришло известие, что короля хорошо встретили в главной резиденции.

IX

Сильные недуги лечат сильными средствами

Сообщение оказалось ложным: король был встречен весьма холодно. Это была его собственная вина. Печальному, встревоженному, задумчивому Прелестнику было не до шуток с воинами, не до задушевных бесед с офицерами. Он вошел в палатку генерала и со вздохом опустил на стул.

— Ваше Величество,— сказал Байонет,— позвольте мне говорить с Вами с прямотой солдата, с вольностью старого друга. Наши войска ропщут, колеблются, их необходимо воодушевить, иначе мы пропали. Враг перед нами, нападём на него. Какие-нибудь десять минут решают иногда судьбу целых государств. Мы теперь

находимся именно в таком положении. Не молчите, иначе будет поздно.

— Хорошо,— отвечал король,— прикажи садиться на коней. Через минуту я буду с вами.

Оставшись наедине с Рашембуром и Тонто, король произнес с отчаянием в голосе:

— Добрые друзья мои, покиньте короля, который более не в силах сделать что-либо для вас. Я не буду отстаивать свою жалкую жизнь. Обманутый другом, оскорбленный неизвестным негодяем, я в своем несчастье узнаю десницу Всевышнего, карающую меня. Это искупление моего преступления. Я убил королеву бесмысленной жадной мщениия. Настал час расплаты за мой проступок, я готов.

— Ваше Величество,— проговорил Тонто, пытаюсь улыбнуться.— отбросьте эти грустные мысли. Если бы королева была здесь, она приказала бы Вам защищаться. Верьте мне.— подтвердил он, теребя легкий пушок на верхней губе.— Я знаю женщин, да! Даже в могиле они не оставили бы мысли о мщении. Притом же Вы ведь не убивали королеву. Быть может, она вовсе не так уж мертва, как вы полагаете.

— Дитя, что ты говоришь?— воскликнул король.— Ты теряешь голову!

— Я говорю, что бывают жены, умирающие нарочно, чтобы привести в бешенство своих мужей. Отчего же Вы не хотите допустить мысли, что бывают и такие, которые воскресают из мертвых, чтобы взбесить их еще более? Оставьте мертвых в покое, заботьтесь о живых, которые вас любят. Вы — король, сразитесь же по-королевски и, если вам суждено погибнуть, погибайте, как подобает королю.

— Ваше Величество,— объявил вошедший со шпагою в руке Байонет,— время не терпит.

— Генерал, прикажите трубить,— крикнул Тонто,— мы идем!

Прелестник подождал, пока выйдет генерал, и, взглянув на Тонто, сказал:

— Нет, я не выйду. Я не знаю, что со мной происходит, я вселяю страх самому себе. Я не боюсь смерти, я сам себя убью. И все-таки мне страшно, я не буду сражаться.

— Повелитель, — уговаривал Тонто, — небом заклинаю Вас, мужайтесь. На коня, это необходимо. Боже мой! — воскликнул он, ломая руки. — Король меня не слушает, мы погибли! Идем! — крикнул он, схватив короля за плащ. — Прелестник, спасай свое государство, спасай всех, кто питает к тебе любовь. Трус! Взгляни на меня — я готов умереть за тебя! Не покрывай себя позором, сразись! Если ты не встанешь, я, твой слуга, нанесу тебе оскорбление! Ты — трус, слышишь, трус!

И — пиф-паф! — дерзкий паж ударил Прелестника по щеке.

— Смерть и проклятие! — вскричал оскорбленный, обнажая шпагу. — Перед своей смертью я убью этого негодяя!

Но негодяй уже выбежал из палатки. Одним прыжком он вскочил на коня и со шпагой в руке понесся на неприятеля с криком:

— Король! Друзья, король! Трубите в трубы! Вперед, вперед!

Взбешенный Прелестник пришпорил коня в погоне за пажем. Подобно быку, которого дразнят красным плащом, он неся с опущенной головой, не думая ни об опасности, ни о смерти. Байонет последовал за ним, воины понеслись за своим генералом. Это была восхитительная кавалерийская атака, которая едва ли встречалась до или после этого в истории.

Под грохот несущихся в атаку эскадронов, от которого тряслась земля, застигнутый врасплох неприятель едва успел выстроиться в боевой порядок. Один лишь человек узнал короля, это был негодяй Видувильст.

Изменник с саблей в руке устремился навстречу. Король мог погибнуть, если бы Тонто не успел осадить своего коня, не повернул его и не бросился на Видувильста. Паж принял на себя удар, предназначенный для короля, испустил громкий крик, взмахнул руками и упал. Но был он тут же отомщен. В горло изменника-врача Прелестник вонзил свою шпагу по самую рукоятку.

Смерть изменника решила исход сражения.

Войска, воодушевленные геройством своего предводителя, быстро разбили неприятеля. Мятежники, потерявшие отныне надежду на победу, запросили пощады и были тотчас же допущены к милостивому и счастливому победителю.

Час спустя после того, как Прелестник ступил на поле сражения, где он думал умереть, он возвращался с него триумфатором, окруженный победителями и побежденными.

Приветствуя своего короля, первые громко кричали, вторые кричали еще громче.

Х

Выясняется, что не следует судить о людях по их внешности, и что Тонто был не Тонто

Король вошел в свою палатку немного отдохнуть. При виде Рашембура он вспомнил о Тонто.

— Паж убит? — спросил он.

— Нет, Ваше Величество, — отвечал Рашембур, — к несчастью для себя, он жив еще, но безнадежен. Я велел перенести его отсюда к его тетке, маркизе де-Косторо, которая живет в двух шагах отсюда.

— Он племянник маркизы? Мне никто этого не говорил.

— Ваше Величество, вы просто забыли об этом. У бедняги тяжелая рана в плече, он более не поправится. Увидеть Ваше Величество перед смертью доставило бы ему великое счастье.

— Хорошо,— сказал король,— проводи меня к нему.

При входе в замок короля встретила маркиза. Она провела его в комнату, в которой спущенные шторы поддерживали приятный полумрак. На софе лежал паж, бледный и окровавленный, однако, он имел еще силы приподнять голову.

— Вот так диво!— воскликнул Прелестник.— Это самая странная рана, которую я когда-либо видел! У пажа всего один ус!

— Ваше Величество,— сказала маркиза,— должно быть лезвие шпаги, вонзившееся в плечо, обожгло другой ус. Нет ничего разнообразнее ран, наносимых холодным оружием. Это известно каждому.

— Что за чудо,— продолжал удивляться Прелестник,— с одной стороны это — Тонто, мой паж, этот негодяй, с другой, это, это . . . нет, я не ошибаюсь, это ты, мой добрый гений и спаситель, это ты, моя бедная Пацца!

Прелестник упал на колено и схватил протянутую руку.

— Ваше Величество,— сказала Пацца,— дни мои сочтены, но прежде, чем умереть . . .

— Нет, нет, Пацца, ты не умрешь!— воскликнул король со слезами в голосе.

— Перед смертью,— продолжала она, опуская глаза,— я хочу, чтобы ты простил мне те пощечины, которые сегодня в припадке безрассудного усердия . . .

— Довольно,— прервал король,— я прощаю тебя. Во всяком случае, мои владения и моя честь стоят дороже того, что я получил сегодня.

— Увы,— прошептала Пацца,— это еще не все.

— Как не все? Что еще?

— Прелестник, доктор . . . тот маленький доктор, который осмелился дать тебе . . .

— Ты его подослала?— спросил король, хмуря брови.

— Увы, это была я сама. Боже, чего я только не сделала бы для того, чтобы спасти моего короля.

— Довольно, довольно, я прощаю тебя, хотя урок был немного суров.

— Увы, и это еще не все,— вздохнула Пацца.— Ведь та цыганка на балу, которая осмелилась . . .

— Была ты, Пацца?— прервал король.— О, это я тебе тоже прощаю, это я вполне заслужил. Сомневаться в тебе, воплощенной искренности! Но, боже, я вспоминаю! Я вспомнил ту смелую клятву, которую ты дала мне в вечер нашей свадьбы! Коварная, ты сдержала свое слово, теперь очередь за мной! Пацца, скорее выздоравливай и возвращайся в замок, из которого счастье улетело вместе с тобой.

— Еще одну милость мне надо просить у тебя, Прелестник,— сказала Пацца.— Рашембур был сегодня утром свидетелем сцены, при мысли о которой я краснею и которую нужно скрыть от всех. Этого верного слугу я препоручаю твоей доброте.

— Рашембур,— произнес король,— бери этот кошелек и под страхом смерти храни нашу тайну.

Рашембур встал на колено и, целуя руку своей госпожи, прошептал:

— Ваше величество, эта — четвертая и четвертый . . .
Затем, поднявшись, он воскликнул:

— Господь да благословит руку, одаряющую меня!

Спустя несколько минут после этой трогательной сцены Пацца заснула. Король, все еще не успокоенный, разговаривал с маркизой.

— Тетушка,— спрашивал он,— уверены ли вы в том, что Пацца поправится?

— О,— отвечала старая дама,— радость может поста-

вить на ноги даже самую больную женщину. А счастье, разве оно бессильно? Поцелуй королеву, племянник, это принесет ей больше пользы, чем все ваши лекарства.

XI

Жена должна повиноваться мужу

Маркиза была права (дамы всегда правы, начиная с шестидесятилетнего возраста). Две недели счастья поставили Паццу на ноги и позволили ей принять участие в триумфальном въезде в королевский замок. Бледность ее и рука на перевязи увеличивали еще более ее миловидность и красоту. Прелестник не спускал глаз с королевы, и все следовали примеру своего господина.

Чтобы доехать до замка, нужен был час времени. Обитатели окрестных сел и деревень воздвигли три триумфальные арки. Первая арка была украшена гирляндами из зелени и цветов. Над нею красовалась надпись: «Самому нежному и преданному супругу».

Вторая арка, воздвигнутая более солидно и покрытая коврами, была украшена изображением богини правосудия с повязкой на глазах. Внизу была надпись: «Отцу и покровителю, защитнику слабых и угнетенных».

Последней была громадная арка, составленная сплошь из пушек и носившая надпись: «Храбрейшему и мужественному полководцу».

Я уволью вас от описания обеда, не имевшего конца, и шестидесяти застольных речей, заимствованных ораторами из старинных газет, где их печатали уже несколько раз и куда их каждый раз возвращали для нужд будущих поколений. Нет ничего однообразнее счастья, и поэтому будем снисходительны к тем, кто обязан официально воспевать его. В подобных случаях самый красноречивый — тот, кто говорит меньше всех.

Наконец и этот бесконечный вечер подошел к концу.

В полночь Прелестник проводил королеву, на этот раз не в башню, а в роскошно убранные покои. У дверей он обратился к супруге и сказал:

— Без тебя я — ничтожество, моя дорогая Пацца. Всем, что есть во мне, я обязан тебе. Когда тебя нет со мной, я не более, чем тело без души, и я ничего не в состоянии сделать, кроме глупостей . . .

— О нет, мой дорогой, — прервала его Пацца, — позволь мне опровергнуть тебя.

— Боже мой! — возразил король. — Я не пытаюсь выказать излишнюю скромность! Но с этой минуты я передаю тебе всю свою власть. Твой супруг, моя дорогая Пацца, будет теперь не более, чем первым твоим подданным, верным министром твоих желаний. Ты будешь сочинять пьесу, а я буду ее исполнять. Знаки одобрения будут принадлежать мне, по обычаю, а тебе я их возвращу впоследствии своей любовью.

— Друг мой, не говори так, — сказала Пацца.

— Я знаю, что говорю, — с живостью возразил король. — Я хочу, чтобы ты повелевала, я желаю, чтобы в моих владениях, как в любом доме, ничего не происходило без твоего ведома. Я — король, я этого хочу, я приказываю!

— Ваше Величество, — отвечала Пацца, — я — ваша жена, мой долг — повиноваться.

Они жили долго, счастливо и согласно, очень любили друг друга, и у них было много детей.

Вот настоящий конец всех лучших сказок.

ТРИ ЛИМОНА

Неаполитанская сказка

ил-был некогда король, и звали его «Королем Алых Башен». У короля был единственный сын, которого он любил и берег, как зеницу ока, последняя надежда вымирающей династии. Женить этого блестящего отпрыска, найти ему принцессу, благородную, богатую, красивую и, прежде всего, кроткую и добрую (отметьте в особенности эти последние два качества) было главной заботой престарелого короля. Каждый вечер он засыпал, мечтая об этом, каждую ночь он видел во сне, что он — дедуш-

ка, обнимал во сне целую армию внуков, которые проходили мимо него с коронами на головах. К несчастью, несмотря на всевозможные добродетели, Карлино — так звали юного принца — имел большой недостаток: он был необузданнее дикого жеребца. При одном упоминании женского имени он опускал голову и убегал в лес. В чем же состояла печаль короля? Излишне отвечать на это. При одной мысли о том, что его трон останется без наследников, что его роду грозит угасание, он становился печальным, как путешественник, потерпевший крушение. Но он мог отчаиваться, сколько хотел, это не трогало Карлино. Слезы отца, мольбы целого народа, интересы государства — ничто не могло смягчить его каменное сердце. Чтобы уговорить его, двадцать депутатов потеряли свое красноречие. Упрямство составляло всегда привилегию коронованных особ, Карлино не забывал об этом со дня рождения и мог дать любому ослу несколько очков вперед.

Но иногда в течение одного часа случается больше событий, чем в течение ста лет. Никто не может сказать: «Вот путь, на который я никогда не ступлю». Однажды утром, когда все сидели за столом, а принц, которого, как всегда, журил отец, занимался рассматриванием мух, кружившихся в воздухе, он забыл, что держит в руке нож, и во время одного неосторожного движения уколол свой палец. Показалась кровь, несколько капель упало на тарелку с кремом и произвело в ней причудливую смесь белого и алого цветов. Счастливый случай или божья кара, кто знает, но безумный каприз пришел на ум принцу.

— Отец, — сказал он, — если мне удастся вскоре найти девушку, такую же белую, такую же алую, как этот крем, окрашенный моей кровью, я сойду с ума. Подобная нимфа, подобная красавица должна где-нибудь существовать. Я люблю ее, я теряю из-за нее рассудок, она мне нужна, я ее желаю. Для смелого сердца нет

ничего невозможного! Если вы хотите, чтобы я остался в живых, отпустите меня в погоню за моей мечтой. Иначе я завтра же умру.

Кто пришел к изумлению, слушая эти нелепости? Бедный Король Алых Башен. Ему казалось, что весь дворец обрушился на него. Он бледнел, краснел, лепетал, плакал, наконец, вновь получив дар слова, воскликнул:

— Мой сын! Опора моей старости! Кровь моего сердца! Жизнь моей души! Какую мысль вбил ты себе в голову? Уж не потерял ли ты свой рассудок? Вчера ты заставлял меня умирать от скорби, не желая жениться и подарить мне наследников, сегодня же, чтобы сжить меня со свету, ты вбиваешь себе в голову новую химеру! Куда ты стремишься, несчастный? Зачем покидать свой дом, свой очаг, свою колыбель? Знаешь ли ты, каким опасностям, каким бедствиям подвергается путешественник? Гони от себя эти опасные мечты, оставайся со мной, мое дитя, если ты не хочешь отнять у меня жизнь и разрушить свое королевство.

Эти и другие, не менее мудрые, слова произвели на Карлино не больше впечатления, чем какая-нибудь официальная речь. Карлино, с неподвижным взглядом, с нахмуренными бровями, ничего не слышал. Все, что ему говорили, входило в одно его ухо и тотчас же выходило из другого, это было красноречие, носимое ветром. Когда король-старик, утомленный мольбами и слезами, понял, что легче смягчить свинцового петуха, чем избалованного ребенка, одержимого капризом, он глубоко вздохнул и решил отпустить Карлино. Дав ему советы, которые сын вовсе не слушал, вручив ему полные кошельки и двух преданных слуг, король простился со своим непокорным сыном. Он прижал его к своей груди и отпустил, а сам с бьющимся сердцем поднялся на самую высокую башню, чтобы взглядом проводить неблагодарного, который его покидал.

Когда Карлино скрылся за горизонтом, бедный король подумал, что у него вырвали сердце. Он закрыл лицо руками и зарыдал, не как ребенок, а как отец. Детские слезы — это летний дождь: большие капли, которые даже не смачивают землю. Слезы отца — это осенний дождь: они текут медленно и долго не высыхают.

В то время, как король сокрушался, наш путешественник с развевающимися перьями на шляпе и с легким сердцем в груди ехал верхом на коне — настоящий Александр Македонский. Найти то, что он искал, было вовсе не легко, его странствия продолжались более месяца.

Карлино путешествовал по горам и долам, проезжал через королевства, герцогства и графства, заезжал в города, села, замки и лачуги, рассматривал всех девушек. Но как он ни искал, старушка Европа не подарила ему желаемое сокровище.

В конце четвертого месяца он прибыл в Марсель, решившись сесть на корабль, отплывающий в Индию. При виде бушующего моря его добрые и верные слуги заразились болезнью, которую врачи называют мудреным именем по-латыни, а греки — медвежьей болезнью. К крайнему сожалению этих добрых малых, им пришлось покинуть своего молодого господина и остаться на суше, тепло укутавшись одеялами, в то время как Карлино на хрупком судне отправился бороздить моря и океаны.

Ничто не остановит сердце, увлекаемое страстью. Принц прошел Египет, Индию и Китай, следуя из страны в страну, из города в город, из дома в дом, из хижины в хижину, разыскивая подлинник той прекрасной картины, которую он нарисовал в своем воображении. Но все усилия были тщетны. Он видел* девушек всех цветов и оттенков: брюнеток, блондинок, шатенок, рыжеволосых, белых, желтых, красных, черных, но той, любимой, он не находил. Не останавливаясь и не переставая искать, Карлино, наконец, достиг конца света, где

уже не было перед ним ничего, кроме неба и воды. Настал предел его надеждам. В отчаянии он ходил большими шагами по берегу, как вдруг увидел старца, гревшегося на солнце. Принц спросил его, не находится ли что-нибудь там, за теми волнами, которые исчезают вдали.

— Нет, — отвечал старец, — никто еще не находил ничего в этом море без островов и берегов, а те, кто отваживались, никогда не возвращались обратно. Я помню, что когда-то, когда я был еще ребенком, наши предки хранили предание своих отцов о том, что там, вдали, за горизонтом лежит остров трех фей, но горе безумцу, который приблизится к этим безжалостным феям. Они принесут ему неминуемую смерть.

— Какая разница! — воскликнул Карлино. — Ради своей мечты я не испугаюсь и ада!

Неподалеку находилась лодка, принц прыгнул в нее и расправил парус. Порывистый ветер погнал лодку, земля исчезла, храбрец очутился один посреди океана. Тщетно всматривался он в горизонт — ничего, кроме моря, повсюду одно только море. Лодка быстро скользила по пенящимся волнам. Волны неслись за волнами, часы гнались за часами, солнце садилось, безмолвие и тишина, казалось, сгущались вокруг Карлино, как вдруг он вскрикнул, заметив вдали темную точку. В то же самое мгновение лодка, влекомая течением, полетела, как стрела, и была выброшена на песок к подножию громадных скал, которые протягивали к небу свои мрачные вершины, разрушенные временем. Судьба выбросила Карлино на берег, с которого никто и никогда не возвращался.

Перебраться через эту преграду было нелегким делом, не было ни дороги, ни тропинки. Когда после долгих усилий Карлино с окровавленными руками достиг, наконец, площадки, то вид, который открывался перед ним, не мог вознаградить его за усилия. Нагромождение ледяных глыб, темные и влажные скалы, выступавшие

из-под снега, вокруг ни дерева, ни травинки, ни даже мха — полное олицетворение зимы и смерти!

В этой пустыне стояла лишь ветхая лачуга, дощатая крыша которой гнулась под тяжелыми камнями, уложенными для защиты от яростных ветров. Приблизившись к этой развалине, принц увидел такое страшное зрелище, что онемел от удивления и ужаса. В глубине лачуги висел громадный ковер с изображением всех, без исключения, живущих на земле существ. Там были цари, воины, рабочие, пастухи и рядом с ними богато наряженные дамы, крестьянки, работающие на прялках. На первом плане резвились, держа друг друга за руки, мальчики и девочки.

Перед этим ковром расхаживала хозяйка лачуги. Это была старуха, если позволительно так назвать настоящее олицетворение смерти, скелет, кости которого были едва прикрыты кожей, прозрачной и желтой, как воск. С видом паука, готового броситься на свою добычу, старуха, вооруженная длинными ножницами, смотрела алчно на эти фигуры. Затем она внезапно бросалась к ним и разрезала наугад. В такие минуты от ковра неслись жалобные вопли, от которых заledenело бы даже самое смелое сердце. Слезы детей, рыдание матерей, последний шепот стариков — казалось, все людские горести сливались в один последний стон. При этом старуха разражалась смехом, а в это время невидимая рука сшивала вновь ковровые нити, вечно разрушаемые и вечно обновляемые.

Раскрыв ножницы, мегера снова приближалась к ковро, и вдруг заметила на нем тень Карлино.

— Спасайся, несчастный! — крикнула она ему, не оборачиваясь. — Мне известно, что ты ищешь, но я ничего не могу сделать для тебя. Обратись к моей сестре, быть может, она исполнит твоё желание. Она — жизнь, я — смерть!

Карлино не заставил ее повторяться, он побежал

вперед, обрадованный, что может избавиться от вида подобных ужасов.

Вскоре местность изменилась: Карлино очутился в цветущей долине. Повсюду простирались луга, виноградники, унизанные виноградными гроздьями, оливковые деревья, покрытые плодами.

На берегу родника в тени смоковницы сидела слепая фея. Она пряла на свое веретено золотые и шелковые нити. Около нее стояли прялки с пряжей всевозможных видов: льняной, шерстяной, шелковой. Когда фея оканчивала свою работу, она протягивала дрожащую руку, брала наугад первую попавшуюся пряжу и начинала снова прясть.

Карлино отвесил глубокий поклон слепой труженице и начал было взволнованно рассказывать ей историю своих странствований, но при первых же словах фея его остановила.

— Дитя мое, — сказала она, — я ничего не могу сделать для тебя. Я лишь бедная слепая, и даже сама не знаю, что делаю. Эта прялка, которую я взяла наугад, определяет судьбу всех тех, кто будет рожден в этот час. Богатство или бедность, счастье или злой рок, все связано с нитью, видеть которую мне даже не дано. Рабыня судьбы, я не в состоянии ничего создать. Обратись к другой моей сестре, быть может, она исполнит твое желание. Я — жизнь, она — рождение.

— Благодарю, сударыня, — сказал Карлино и с облегчением побежал дальше, к самой красивой из фей.

Он скоро нашел ее, прекрасную и свежую, как весна. Вокруг нее все зарождалось, все жило: хлебные зерна пробивали землю и устремляли свои зеленые побеги вверх, апельсиновые деревья покрывались цветами, почки высоких деревьев раскрывали свои нежные лепестки, едва оперившиеся цыплята бегали вокруг суетливой наседки, ягнята сосали своих матерей. Это была первая улыбка жизни.

Фея встретила принца очень приветливо. Выслушав его без насмешек, она пригласила его к ужину, а на десерт подарила ему три лимона и красивый ножик с ручкой из перламутра и серебра.

— Карлино, — сказала она ему, — можешь теперь возвращаться к своему отцу — ты заслужил награду, ты нашел то, что искал. Когда вернешься в свое королевство, разрежь один из лимонов у первого же источника, который встретишь. Из лимона выпорхнет фея, которая скажет тебе: «Дай мне пить.» Подай ей тотчас же воды, иначе она выскользнет из твоих рук, как ртуть. Если вторая так же исчезнет, как и первая, не спускай глаз с последней: дай ей скорее напиться и ты обрешь себе желанную супругу.

Счастливый принц раз десять поцеловал добрую руку, исполнившую все его желания, и поспешил отправиться в обратный путь.

От конца света до королевства Алых Башен далеко. На своем пути по странам и морям не одну бурю испытал Карлино и смело перенес не одну опасность. Наконец, после долгого путешествия и тысячи испытаний он прибыл в страну своих предков, неся с собою три лимона, оберегаемых им пуше зеницы ока.

Находясь на расстоянии не более двух часов пути от королевского замка, он вошел в густой лес, в котором, бывало, не раз охотился.

Светлый родник, окруженный травами, и берег, оттененный трепещущими листьями, располагали путника к отдыху.

Карлино опустил на зеленый ковер, усеянный белыми цветочками, и, вынув нож, разрезал один из лимонов, подаренных ему прекрасной феей.

Вдруг перед ним явилась молодая девушка, белая, как молоко, алая, как ягода клубники.

— Дай мне пить! — сказала она.

— Как она прекрасна! — воскликнул принц, до того

пленный её красотой, что совершенно забыл про совет феи. Наказание не заставило себя ждать: в следующее же мгновение фея и исчезла.

Карлино схватился за голову с видом ребенка, зачерпнувшего воду раскрытыми пальцами.

Он попытался успокоиться и неуверенной рукой разрезал второй лимон, но вторая фея была еще прекраснее и мимолетнее, чем старшая сестра. Пока изумленный Карлино любовался ею, она тоже исчезла.

Тут принц разрыдался. Он рвал на себе волосы и призывал на себя с небес всевозможные проклятия.

— Не несчастный ли я! — восклицал он. — Два раза я позволяю им выскальзывать, как будто у меня связаны руки! О, я — глупец и заслуживаю своей судьбы. Мне нужно было бы бежать, как борзой собаке, я же стою, как пень. Прекрасно, нечего сказать! Однако, не все еще потеряно, в третий раз не будет промаха. Если этот нож, который мне вручила фея, опоздает и теперь, я буду знать, куда его направить!

С этими словами он разрезал последний лимон.

Вылетела третья фея и, подобно другим, проговорила: — Дай мне пить!

Тотчас же принц предложил ей воды, и вот перед ним осталась прекрасная и стройная девушка, белая, как крем, с румянцем на щеках. Она казалась цветком гвоздики, распустившимся поутру. Она была невиданной красавицей: свежесть ее не поддавалась сравнению, а о такой миловидности никто не смел даже мечтать. Ее волосы блестели ярче золота, голубые глаза позволяли читать в глубине ее сердца. Ее алые губки, казалось, открывались лишь для слов утешения и любви. Одним словом, с головы до ног это было самое пленительное создание, когда-либо спускавшееся с небес на землю. Как жаль, что не сохранился ее портрет!

При созерцании своей невесты принц потерял голову от изумления и радости. Он с трудом понимал, каким

образом из горькой оболочки лимона могло выйти это чудо белизны и добродетели.

— Не сплю ли я?— говорил он.— Не вижу ли я все это во сне? И если это так, то сжался, не пробуждай меня!

Улыбка быстро разбудила его. Фея приняла руку, предложенную ей принцем, и первая предложила ему отправиться к доброму Королю Алых Башен, который сочтет за счастье благословить своих двух детей.

— Душа моя,— сказал Карлино,— я так же, как и ты, хочу увидаться с моим отцом и доказать ему, что я был прав, но мы не можем войти в замок рука об руку, как два крестьянина, возвращающихся с поля. Ты должна прибыть как принцесса. Обожди меня в этом укромном уголке, я поспешу в замок и не позже, чем через два часа, вернусь с нарядами, достойными тебя, с экипажами и свитой, которые отныне уже не покинут нас никогда.

Затем он нежно поцеловал ее руку и ушел.

Когда молодая девушка осталась одна, ей стало страшно — карканье вороны, шум леса, треск сухой ветки, сорванной ветром — все пугало ее. С трепетом оглядывалась она по сторонам и увидела около родника старый дуб, ствол которого, расщепленный временем, мог дать ей убежище.

Она вошла в дупло и укрылась в нем до самой прелестной, обрамленной листвою, головки, отражавшейся в прозрачной воде, как в зеркале.

Недалеко от того места проживала невольница-негритянка. Каждое утро госпожа посылала ее за водою к роднику. Люция, так звали африканку, пришла и на этот раз, по обыкновению, с кувшином на плече, но, наполняя его, она заметила в воде отражение феи.

Безрассудная, никогда не выдавшая своего лица, вообразила, что это ее отражение, и воскликнула:

— Бедняжка Люция! Какая ты прекрасная и миловидная! А госпожа посылает тебя, как вьючное животное, за водой! Нет! Нет! Никогда!

В припадке тщеславия она разбила кувшин и вернулась домой.

Когда госпожа спросила ее, почему разбит кувшин, невольница отвечала, пожимая плечами:

— Повадился кувшин по воду ходить, недолго ему и голову сломать!

Тогда госпожа дала ей небольшой деревянный бочонок и приказала ей тотчас же наполнить его у родника. Негритянка побежала к ручью и, вглядываясь с любовью в отражение в воде, вздохнула и сказала:

— Нет, я не обезьяна, как уверяют все. Я куда красивее моей госпожи, пусть ослы таскают бочонки!

Она схватила бочонок, бросила его, разбила и, ругаясь, пошла домой.

Когда госпожа, поджидавшая ее, спросила, где бочонок, невольница в гневе отвечала:

— Осел толкнул меня, бочонок упал и разбился.

Услыхав это, госпожа потеряла терпение и, схватив метлу, дала африканке один из тех уроков, которые не забываются в течение нескольких дней. Сняв с крюка кожаный мех, висевший на стене, она сказала ей:

— Беги, несчастная обезьяна! Если ты в одну минуту не принесешь мне этот мех, наполненный водой, я тебе наилучшим способом набелю кожу!

Негритянка бросилась бежать без оглядки. Но, когда мех был наполнен, Люция заглянула в родник и, видя в нем улыбающееся лицо феи, воскликнула в бешенстве:

— Нет! Я более не водоноша, я не создана для того, чтобы подохнуть, как собака, на службе у сумасшедшей госпожи!

Сказав это, она вытянула из своих волос большую шпильку, сдерживавшую ее кудри, и начала протыкать мех насквозь, делая из него тысячеструйную лейку. При виде этого фея, спрятавшаяся в дупле, начала смеяться. Негритянка взглянула вверх, увидела красавицу и поняла все.

— Хорошо же, — сказала она, — значит, из-за тебя меня поколотили, ты у меня за это поплатишься.

Затем, придавая своему голосу особенную мягкость, она спросила:

— Что делаешь ты наверху, красавица?

И фея, которая была настолько же добра, насколько и красива, начала утешать невольницу и разговаривать с ней. Знакомство быстро завязалось: чистая душа идет навстречу дружбе. Ничего не подозревавшая фея рассказала негритянке все то, что приключилось с нею и принцем, как она очутилась одна в лесу и что каждую минуту Карлино может прибыть с большой свитой, чтобы отвезти свою нареченную к Королю Алых Башен и отпраздновать свадьбу в присутствии всего двора.

Слушая этот рассказ, негритянка, исполненная злобы и зависти, придумала гнусную вещь.

— Сударыня, — сказала она, — ваш жених приближается со своей свитой, нужно быть готовой: ваша прическа в беспорядке, позвольте мне подняться к вам, я поправлю ваши волосы и причешу их.

— Как вы добры! — ответила фея с улыбкой и протянула негритянке маленькую белую руку.

С трудом вскарабкавшись наверх, злая невольница распустила волосы феи и начала их причесывать. Затем, внезапно схватив свою самую большую шпильку, она воткнула ее в голову феи. Смертельно раненая фея вскрикнула:

— Голубка! Голубка!

Тотчас же она обернулась голубицей и улетела. Между тем черная злодейка хладнокровно заняла место своей жертвы в листе. Она казалась статуей из черного мрамора в изумрудной нише.

В это время принц верхом на великолепном коне, мчался к своей невесте, оставляя далеко позади себя многочисленную свиту, поднимавшую за собой столб пыли на дороге. Если кто и изумился при виде вороны

на том месте, где был оставлен лебедь, то это был Карлино. Еще немного и он потерял бы сознание. Он хотел что-то сказать, но слезы подступили у него к горлу. Он смотрел во все стороны, пытаясь найти свою возлюбленную. Невольница же, приняв страдальческий вид, сказала ему, опуская глаза:

— Не ищите, принц. Злая фея избрала меня своей жертвой. Злосчастный рок превратил вашу лилию в уголь.

И, как истинный принц, проклиная в душе всех фей, Карлино не пожелал нарушить данного слова. Он вежливо протянул Люции руку и помог ей спуститься с дерева. На африканку надели платье принцессы с брильянтами и кружевами, которые украсили ее, как звезды украшают ночь, делая ее еще более темной. Карлино посадил ее по правую руку от себя в великолепную карету, запряженную шестью белыми конями. Он направился к замку с чувством приговоренного к смерти, ощущающего уже веревку на своей шее.

Недалеко от замка они встретили старого короля. Чудесные рассказы сына вскружили ему голову. Невзирая на этикет и на своих придворных, он поспешил восхититься бесподобной красотой своей будущей невестки. Когда же вместо голубки, которую ему обещали, ему представили ворону, он воскликнул:

— Это уж слишком! Я знал, что мой сын безумец, но мне не говорили, что он слеп. Так это и есть несравнимая ни с чем лилия, искать которую он отправился на край света? Так это-то и есть та роза, свежее утренней зари? Это-то и есть диво красоты, вышедшее из лимона? Кто смеет думать, что я допущу это новое глумление над моими сединами? Неужели полагают, что я оставляю королевство Алых Башен, это славное наследие моих предков, черномазым арапчатам? Я не пущу эту мартышку в мой дворец!

Принц бросился к ногам отца и пытался его умили-
вить. Первый министр, человек многоопытный, на-
помнил своему властелину, что зачастую в промежуток
времени с утра до вечера белое становится черным,
а черное — белым. Стоит ли удивляться естественной
метаморфозе, которая, быть может, прекратится в пер-
вый же день? Что мог поделаться Король Алых Башен?
Он был отцом и привык исполнять волю своих детей.
Он уступил и объявил весьма неохотно свое согласие на
этот странный союз. «Придворная Газета» объявила по
всему королевству о счастливом выборе, сделанном
принцем, и предложила всем веселиться. Свадьба была
отсрочена всего лишь на восемь дней. Этого было
достаточно, чтобы закончить все приготовления. Негри-
тянку отвели в великолепные покои. Графини оспарива-
ли друг у друга честь надевать ей туфли. Герцогини
с трудом получили завидную привилегию подавать ей
ночную рубашку. Затем город и дворец начали укра-
шать разноцветными флагами, устраивать подставки
для иллюминаций, посыпать песком аллеи, переписы-
вать старые речи, обновлять забытые комплименты,
сочинять поэмы и мадригалы. Во всем королевстве
благодарили принца за выбор достойной супруги.

Не была забыта и кухня: сто поваров, триста поварят,
и пятьдесят дворецких приступили к работе под руко-
водством знаменитого Бушибюса, шефа королевских
кухонь. Кололи поросят, резали баранов, шпиговали
каплунов, жарили на вертелах индюков.

Во время всеобщей суматохи прекрасная голубка
с сизыми крыльями опустилась на подоконник. Нежным
и жалобным голосом она начала петь:

Ру-ку! Ру-ку! Ру-ку!
Скажите мне скорей,
Как поживает принц
С мартышкой своей?

Беликий Бушибюс был слишком занят делами, чтобы обращать внимание на воркование голубя, но все-таки он был изумлен тем, что понимает птичий язык, и счел за лучшее рассказать об этом чуде своей новой госпоже, невесте принца Карлино.

Негритянка не замедлила спуститься на кухню и, услышав пение, приказала Бушибюсу поймать голубку и приготовить из нее рагу. Сказано — сделано. Бедная голубка позволила схватить себя без сопротивления. В одно мгновение Бушибюс, вооруженный своим огромным ножом, отрубил ей голову и выкинул в сад. Три кровинки упали из головы на землю, и через три дня на этом месте появился свежий росток лимонного дерева, который так быстро рос, что зацвел еще до наступления вечера.

И вот случилось, что принц, стоя на балконе, увидел вдруг лимонное дерево, которого он ранее не замечал.

Он позвал повара и осведомился у него, кто посадил это прекрасное дерево.

Рассказ Бушибюса привел Карлино в большое замешательство. Он приказал, чтобы под страхом смерти никто не трогал лимонное дерево и чтобы за ним установили особенный, тщательный уход.

На следующий день принц, проснувшись, побежал в сад. На дереве уже висело три плода, три точно таких же лимона, которые когда-то ему подарила фея. Карлино сорвал эти прекрасные плоды и заперся в своих покоях. Трепетной рукой он наполнил водой, украшенную рубинами чашу своей матери, и раскрыл нож, с которым никогда не расставался. Он разрезал один лимон, появилась первая фея. Карлино даже не взглянул на нее и дал ей улететь. То же самое было и со второй, но как только появилась третья, принц поднес ей чашу, и она стала, улыбаясь, пить во всей своей невиданной красе.

Затем фея рассказала юному принцу о том, что ей

пришлось перенести от злой негритянки. Карлино, исполненный бешенства и ярости, начал кричать, проклинать, петь, рыдать. Казалось, что в одно мгновение он перенесся с небес в преисподнюю и из преисподней к небесам. Шум был так велик, что прибежал сам король. Теперь настал его черед потерять рассудок. Он пустился в пляс с короной на голове и со скипетром в руке. Затем он вдруг остановился, нахмурил брови, накинул на свою невестку большую вуаль, покрывшую ее с головы до ног, и, взяв ее за руку, повел за собой.

Было время завтрака. Министры и придворные стояли вокруг длинного, великолепно убранного стола и ожидали появления королевских особ, чтобы сесть за стол. Король подзывал к себе поочередно каждого из гостей. По мере приближения их к фее, монарх поднимал вуаль и спрашивал подходившего:

— Как следует поступить с тем, кто решился погубить такую красавицу?

И каждый в изумлении отвечал по-своему. Некоторые полагали, что виновник подобного преступления заслуживает пенькового галстука. Другие предлагали повесить ему камень на шею и бросить в воду. Просто отрубить голову казалось старому министру слишком мягкой карой для подобного преступника, он предложил, чтобы с преступника живьем содрали кожу и чтобы все присутствующие рукоплескали при этом.

Когда наступила очередь негритянки, она приблизилась, ничего не подозревая, и не узнала фею.

— Государь, — сказала она королю, — чудовище, посягнувшее на эту очаровательную особу, заслуживает быть заживо сожженным в печи, пепел же следует развеять по ветру.

— Ты осудила себя сама! — вскричал Король Алых Башен. — Несчастливая! Узнай же свою жертву и приготовься к смерти! Пусть сложат костер на дворцовой площади! Я хочу получить удовольствие, видя, как

жарится эта колдунья. Это повеселит всех в течение одного-двух часов.

— Государь! — сказала молодая фея, схватив короля за руку. — Ваше Величество не откажет мне в свадебном подарке?

— Конечно нет, — отвечал старый король. — Проси у меня, чего душа пожелает. Захочешь ты мою корону — я буду счастлив предложить ее тебе.

— Государь, — отвечала фея, — подарите мне помилование этой несчастной. Ее, невольницу, невежду, несчастную, жизнь ничему не научила, кроме мстительности и зависти. Позвольте мне осчастливить ее и показать, что счастье на земле состоит в любви.

— Дочь моя, — отвечал король, — сразу видно, что ты — фея и не хочешь слышать о человеческом правосудии. У нас не исправляют злодеев — их убивают, — это быстрее. Но как бы то ни было, я дал слово. Пригрей эту змею на свой страх и риск, я не стану противиться.

Фея подняла с пола негритянку, которая со слезами целовала ей руки. Сели за стол. Король был так доволен, что ел за четверых. Что касается Карлино, не спускавшего глаз со своей невесты, то он пять или шесть раз в рассеянности порезал себе палец, что каждый раз приводило его в самое прекрасное расположение духа. Все становится приятно, когда сердце очаровано.

После смерти старого короля, утомленного годами и славою, Карлино и его прекрасная супруга вступили на престол. В течение полувека, если верить истории, они приносили счастье своим подданным, ни с кем не воевали и любили друг друга. Поэтому даже теперь, много лет спустя, добрый народ Алых Башен все еще вздыхает при воспоминании о тех временах. И не только малые дети спрашивают, настанет ли время, когда снова будут царствовать феи?

ДОБРАЯ ЖЕНА

Норвежская сказка

I

Добрая жена

В давние времена на дальнем косогоре жил хозяин уединенной фермы, добряк Гудбранд, его так и звали — Гудбранд с косогора. Тут же следует сказать, что у Гудбранда была замечательная жена, что порою случается; но, что бывает гораздо реже, Гудбранд знал цену подобного сокровища. Итак, супружеская чета жила в полном согласии, наслаждаясь своим благополучием, не беспокоясь ни о богатстве, ни об уходящих годах. Все, что ни делал бы Гудбранд, его жена одобряла заранее, так что

он не мог ни до чего дотронуться, ничего изменить, ничего переставить в доме без того, чтобы его подруга жизни не поблагодарила его за то, что он угадал и предвосхитил ее желание.

Одним словом, жизнь их была легка. Ферма принадлежала им, в ящике шкафа лежало сто крон, а в хлеву стояли две славных коровы. Всего было у них вдоволь; они могли бы понемногу стареть, не страшась ни дряхлости, ни нищеты, не нуждаясь ни в жалости, ни даже в дружбе посторонних.

Однажды вечером, когда они болтали вдвоем о своих делах и планах, жена Гудбранда сказала ему:

— Дорогой друг, мне пришла на ум следующая мысль: не взять ли тебе одну из наших коров и не продать ли ее в городе? Той, которая останется, будет достаточно для того, чтобы снабжать нас маслом и молоком. Зачем нам утомляться для других? У нас есть деньги, которые спят в ящике, детей у нас нет, не лучше ли было бы побереечь наши руки, чем утомлять их? Тебе всегда найдется дело в доме, починить что-нибудь из мебели или исправить какое-нибудь орудие, а я получу возможность подольше сидеть около тебя с прялкой и веретеном.

Гудбранд нашел, что его жена права, как всегда. На другой же день, рано поутру, он отправился в город продавать корову. Но день был не базарный, он не нашел покупателя.

— Ну что ж, отлично!— подумал Гудбранд.— На худой конец придется возвращаться с коровой домой. Сена и соломы у меня хватит, а обратный путь домой ничуть не длинее, чем на базар.

И он спокойно повернул домой.

Через несколько часов он почувствовал усталость, но тут ему встретился человек, направлявшийся в город верхом на коне, статном животном, оседланном и взнузданном. «Путь долог, и ночь не за горами»,— подумал Гудбранд.— «С моей коровой конца не будет странство-

ванию, а завтра мне придется снова начинать прогулку. Вот эта лошадь — другое дело. Я вернулся бы к себе так же горделиво, как наш судья. А кто был бы счастлив при виде своего мужа, возвращающегося с триумфом таким римским императором? Жена старика Гудбранда, конечно». После подобных размышлений он остановил всадника и обменял корову на коня.

Но, проехав немного верхом, он почувствовал сожаление. Гудбранд был стар и тяжел; конь был молод, резв и пуглив. Спустя полчаса всадник уже шел пешком, держа повод в руке и с большим трудом таща животное, которое беспрестанно закидывало голову и вставало на дыбы перед каждым камнем на дороге.

— Дурное приобретение, — промолвил он и вдруг заметил крестьянина, погонявшего перед собою жирную откормленную свинью, брюхо которой касалось земли.

«Полезный гвоздь лучше брильянта, который блесстит, да бесполезен», — подумал Гудбранд, — «моя жена часто повторяет это».

И он обменял своего коня на свинью.

Мысль была счастливая, но расчет добряка оказался неверным. Госпожа свинья устала и не хотела двигаться с места. Гудбранд кричал, просил, ругался — все было тщетно. Он тянул свинью за голову, он толкал ее сзади, бил ее со всех сторон — напрасный труд. Свинья лежала в пыли, как судно на мели. Фермер пришел в отчаяние, как вдруг увидел человека с козой, которая с выменем, наполненным молоком, прыгала, бегала, скакала с резвостью, восхищающей глаз.

— Вот, что мне нужно! — воскликнул Гудбранд. — Мне больше нравится такая веселая и резвая коза, чем это подлое и глупое животное.

Сказав это, он без колебаний обменял свинью на козу.

Все шло хорошо в течение первого получаса. Длинно-рогая девица тянула Гудбранда, смеявшегося над ее шалостями. Но, когда человеку уже не двадцать лет, он

быстро устает карабкаться по скалам, поэтому фермер, встретив пастуха, пасшего без труда целое стадо овец, не задумываясь, обменял козу на овцу. «У меня будет столько же молока,— подумал он,— но эта скотина, по крайней мере, не будет утомлять ни мою жену, ни меня».

Гудбранд рассудил справедливо. Нет животного смиреннее овцы. У нее не было причуд, она не бодалась, но и не двигалась вперед, а все время блеяла. Разлученная со своими сестрами, она хотела вернуться к ним и, чем больше Гудбранд тянул ее, тем жалобнее она блеяла.

— Ну ее совсем, эту глупую скотину!— вскрикнул Гудбранд.— Она упряма и плаксива, точь в точь, как жена моего соседа! Кто освободит меня от этого блеющего, плачущего, вопящего животного? Во что бы то ни стало я отделаюсь от нее!

— По рукам, если так, приятель,— сказал проходивший мимо крестьянин.— Бери этого жирного, славного гуся, он куда лучше твоей дурной овцы, которая, того и глядя, через час околеет.

— Ладно!— сказал Гудбранд.— Живой гусь лучшедохлой овцы.

И он взял себе гуся.

Дело оказалось нелегкое. Гусь был плохим спутником. Не чувствуя под лапами земли, он стал отбиваться клювом, лапами и крыльями. Борьба вскоре утомила Гудбранда.

— Фу!— сказал он.— Гусь — дрянная птица, жена никогда не хотела держать в доме гусей.

И вот, на первой же ферме, он обменял гуся на красивого петуха с богатым оперением и с длинными шпорами. На этот раз он был удовлетворен. Петух, правда, кричал временами голосом, слишком хриплым для того, чтобы восхитить нежные уши, но ему связали лапы и держали его головой вниз, и он вскоре примирился со своей участью. Единственная неприятность состояла в том, что день клонился к закату. Гудбранд, вышед-

ший с рассветом, целый день ничего не ел и не имел гроша в кармане. Путь предстоял еще порядочный — фермер чувствовал, что его ноги слабеют, а желудок требует пищи, приходилось принять героическое решение. В первом же кабачке Гудбранд продал своего петуха за одну крону и истратил ее до последнего гроша на утоление голода. «В самом деле,— размышлял он,— зачем мне петух, если бы я умер с голоду?»

Приближаясь к дому, владелец фермы на косогоре стал размышлять о том странном обороте, который приняло его путешествие.

Перед тем, как пойти к себе, он остановился перед домом своего соседа Петра, по прозвищу Седая Борода.

— Ну что, кум,— спросил Седая Борода,— как ты провел время в городе?

— Так себе,— ответил Гудбранд,— не могу сказать, что мне очень посчастливилось, но не могу и пожаловаться.

И он рассказал обо всем, что с ним случилось.

— Ну, сосед,— сказал Петр,— натворил же ты дел! Хорошо же встретит тебя хозяйка! Да поможет тебе бог! Я и за десять крон не хотел бы быть на твоём месте.

— Хорошо ещё, что так,— сказал Гудбранд с косого-ра,— дело могло принять для меня гораздо худший оборот, но сейчас я спокоен, душа моя безмятежна. Прав я или нет, моя жена так добра, что ни слова не скажет мне, узнав, что я сделал.

— Слушаю я тебя, сосед, и удивляюсь. Как ни велико мое уважение к тебе, я не верю тому, что ты говоришь.

— Давай побьемся об заклад,— предложил Гудбранд с косого-ра.— У меня есть сто крон в ящике, я ставлю из них двадцать, ставь со своей стороны столько же.

— Идет,— сказал Петр,— и не будем откладывать дела.

Ударив по рукам, оба друга вошли в дом Гудбранда.

Петр остался за дверью, чтобы слышать разговор супругов.

— Добрый вечер, моя старушка,— сказал Гудбранд.

— Добрый вечер,— отвечала добрая жена.— Это ты, мой друг? Слава богу! Как ты провел день?

— Так себе. Придя в город, я не нашел покупателя на нашу корову, поэтому я обменял ее на коня.

— На коня!— воскликнула жена.— Это великолепно! Я благодарю тебя от всего сердца. Теперь мы будем ездить в церковь в повозке, как те господа, которые до сих пор смотрели на нас свысока, а сами-то вовсе не лучше нас с тобою. Если нам хочется держать коня и есть, чем кормить его, то, полагаю, мы имеем на это полное право. Мы никого и спрашивать не станем. Где же конь? Нужно поставить его в конюшню.

— Я не довел его до дома,— сказал Гудбранд.— По дороге я передумал и обменял коня на свинью.

— Видишь ли,— сказала жена,— это как раз то, что я сделала бы на твоём месте. Спасибо, сто раз спасибо! Теперь, когда соседи придут к нам в гости, у меня, как и у других людей, найдется для угощения кусочек ветчины. На что нам конь? Еще стали бы говорить: «Смотрите на гордецов! Уж слишком важными считают себя для того, чтобы идти в церковь пешком». Нужно отвести свинью под навес.

— Я не привел свинью,— сказал Гудбранд.— По дороге я обменял ее на козу.

— Замечательно! Какой же ты, однако, умный и смысленный человек! Если поразмыслить немного, что стала бы я делать со свиньей? На нас показывали бы пальцами и говорили: «Поглядите на этих людей, они проедают все, что наживают». А от козы у меня будет молоко, сыр, уж не говоря о козлятах. Скорее веди козу в хлев!

— Я и козы не привел домой,— сказал Гудбранд.— По дороге я обменял ее на овцу.

— Узнаю в этом тебя!— воскликнула хозяйка.— Это ты сделал для меня! Разве можно в мои годы бегать по

холмам и лугам за козою? А овечка даст мне свою шерсть и свое молоко. Отведи ее в хлев!

— Я и овцы не привел домой,— сказал Гудбранд.— По дороге я обменял ее на гуся.

— Спасибо! От всего сердца спасибо!— сказала добрая жена.— Что стала бы я делать с овцой? У меня нет ни прялки, ни станка. Ткать — тяжелый труд, а когда кончишь ткать, приходится резать, кроить, шить. Гораздо проще покупать готовые платья, как мы с тобой всегда делали. Но гусь, жирный гусь — это именно то, чего я давно желала. Мне нужен пух для нашего одеяла, и с давних пор я мечтала отведать жареного гуся. Нужно запереть его в птичник!

— Я и его не привел домой,— сказал Гудбранд.— По дороге я обменял его на петуха.

— Друг мой дорогой,— сказала добрая жена,— ты умнее меня. Петух! Да ведь это прелесть! Он куда лучше стенных часов, которые приходится заводить каждую неделю. Петух поет по утрам в четыре часа и напоминает нам о том, что пора, помолившись, приняться за работу. Ну что стали бы мы делать с гусем? Стряпать я не умею, а для моего одеяла, с божьей помощью, найдется и мох, куда нежнее пуха. Скорее води петуха в птичник!

— Да я и петуха не привел домой,— сказал Гудбранд.— К вечеру я так сильно проголодался, что пришлось мне продать петуха за крону. Иначе я бы умер с голоду.

— Хвала Господу! Это он навел тебя на такую счастливую мысль,— сказала хозяйка.— Все, что ты делаешь, Гудбранд,— все приходится мне по сердцу. На что был бы нам петух? Мы сами себе господа, думается мне, и никто не имеет права давать нам указания. Мы можем лежать в кровати, сколько нашей душе угодно. Ты вернулся, мой дорогой друг, и я счастлива. Ничего иного мне не надо, лишь бы ты был рядом со мной.

Тогда Гудбранд открыл дверь:

— Ну что, сосед Петр, что ты на это скажешь? Ступай за своими двадцатью кронами.

И он поцеловал свою старую жену в обе щеки с таким удовольствием и с такой нежностью, как будто ей было всего двадцать лет.

II

Но рассказ на этом не кончается. У всякой медали есть обратная сторона. День не казался бы таким прекрасным, если бы его не сменяла ночь. Как бы совершенны и добры ни были все женщины, все-таки среди них есть такие, нрав которых не так доброжелателен, как у жены Гудбранда. Нужно сказать, что вина в этом всецело лежит на мужьях. Если бы они всегда уступали, неужели могли бы существовать какие-либо разногласия? «Уступать?» — спросят некоторые усатые господа. Да, без сомнения, уступать! Иначе, — слушайте, что вам предстоит.

III

История соседа Петра, который хотел быть главою в доме

Петр Седая Борода нимало не был похож на своего соседа Гудбранда. Он был упрям, надменен, вспыльчив и отличался терпением собаки, у которой отнимают кость, или кошки, которую душат. Он был поистине несносен, но Бог, в своей благодати, подарил ему достойную супругу. Она была своевольна, придиричива, сварлива, всегда готовая молчать, когда ее муж ничего не говорил, и кричать, лишь только он раскрывал рот. Обладание таким сокровищем было большим счастьем

для Седой Бороды. Не будь у него такой жены, он никогда бы не узнал, что кротость представляет собой первую из добродетелей.

В один прекрасный день, во время сенокоса, вернувшись домой после тяжелой пятнадцатичасовой работы злее обыкновенного, он потребовал обед, который был еще не готов, и начал ругаться, беситься и проклинать женщин за их лень.

— Боже мой!— сразу откликнулась жена.— Тебе хорошо разговаривать, Петр, а не хочешь ли ты поменяться работой? Завтра я пойду вместо тебя на сенокос, а ты хозяйничай на моем месте. Посмотрим, кому из нас будет труднее и кто лучше выполнит свою работу.

— По рукам!— воскликнул Петр.— Нужно же, наконец, чтобы ты, раз и навсегда, на самой себе испытала, как мучается твой бедный муж! Это научит тебя уважать его и будет уроком, который тебе необходим.

На другой день, на рассвете, жена ушла с граблями на плече, с серпом на боку, счастливая, как жаворонок при виде восходящего солнца, громко распевая песни.

Петр Седая Борода несколько растерялся, когда остался в доме один, но он не хотел сознаться в этом. И вот он принялся за сбивание масла, будто занимался этим делом всю жизнь.

Быстро согреваешься с непривычки! У Петра пересохло горло, он спустился в погреб, чтобы налить из бочки пива. Он вколотил втулку и хотел было приделаться к ней кран, как вдруг услышал над головой хрюканье. Это была свинья, опустошавшая кухню.

— Пропало мое масло!— вскричал Седая Борода.

И вот он взбегает по лестнице, перескакивая через четыре ступеньки и держа кран в руке. Что за зрелище! Маслостойная кадка опрокинута, сливки на полу, и в них купается свинья!

Даже более умный человек потерял бы терпение. Петр бросился на животное, которое с хрюканьем обра-

тилось в бегство. Плохо пришлось вору, так как хозяин поймал его и так ловко ударил в висок краном, что свинья тут же упала замертво.

Поднимая окровавленную руку, Петр вспомнил, что не закупорил бочку, и что пиво все еще льется. Он побежал в погреб. К счастью, пиво уже не лилось, но и в бочке не осталось ни одной капли. Пришлось начинать работу снова и сбивать масло до обеда. Петр вернулся в молочную: там было еще достаточно сливок, чтобы исправить утреннюю неудачу. И вот он начал усердно сбивать сливки. В самый разгар работы он вспомнил, что корову еще не выгоняли из хлева и не давали ей ни пить, ни есть, хотя солнце уже высоко стояло в небе. Он тотчас же хотел бежать в хлев, но опыт научил его осторожности.

— Здесь мой маленький сынишка,— подумал он.— Если я оставляю его у кадки с маслом, то лакомка перевернет его. Легко может случиться несчастье.

И, взвалив кадку на спину, он пошел за водой, чтобы напоить корову.

Колодец был -глубок, ведро не доставало до воды. Петр в нетерпении нагнулся над колодцем, чтобы скорее наполнить ведро. Конечно, сливки вылились ему сначала на голову, а уж потом и в колодец.

— Кончено! Я останусь сегодня без масла!— сказал Петр.— Позаботимся о корове. Выгонять в поле ее уже поздно, но на соломенной крыше нашего дома растет славная трава, которую не успели скосить. Корова ничего не потеряет, если останется сегодня дома.

Втащить корову на крышу не представляло большого труда. Дом, выстроенный у самого обрыва, находился на уровне с землею, широкая доска помогла немного, и вот корова очутилась на своем воздушном пастбище.

Оставаться на крыше стеречь животное Петру было нельзя: нужно было варить суп и нести его жене. Но он был осторожным малым и не хотел подвергать корову

опасности сломать себе ноги, поэтому, обвязав вокруг ее шеи веревку, он опустил конец веревки в кухонную трубу, сошел вниз и, привязав конец веревки к своей ноге, подумал:

— Теперь я уверен, что корова не уйдет и ничего прискорбного с ней не случится.

Он наполнил котел водой, положил в него добрый кусок свиного сала, овощей и воды, разложил под ним хворост, высек искру, вздул огонь. И вдруг — трах! — корова падает с крыши и втягивает хозяина в трубу головою вниз, ногами вверх. Где бы он очутился, неизвестно, если бы толстый железный прут не задержал его на пути. И вот оба подвешены — корова снаружи, Петр внутри — оба между небом и землей подняли ужасный крик.

К счастью, хозяйка не отличалась таким терпением, как ее супруг. Прождав лишние три секунды обещанного супа, она стремглав побежала домой. Увидев висящую корову, она схватила свой серп и перерезала веревку.

Бедное животное несказанно обрадовалось, вновь ощутив под ногами твердую почву. Не менее счастливым оказался и Петр, который вовсе не привык глядеть на небо с поднятыми кверху ногами. Но видно так было уже решено свыше, что все удавалось ему в этот день, — огонь потух, вода не разогрелась, котел лежал вверх дном, а Седая Борода вышел из этого тяжелого испытания лишь с разбитой головой, ободранным носом и исцарапанными щеками. К счастью, он ничего не разбил, кроме котла.

Когда хозяйка вошла в кухню и увидела своего пристыженного и окровавленного супруга, она заявила, подбоченясь:

— Ну, и что же? Кто прав у нас в доме? Я скосила и убрала сено и вот стою в том же виде, как и вчера. А ты? Господин повар, господин пастух, господин отец

семейства — где масло, где свинья, где корова, где наш обед? Если наш ребенок еще жив, то уж, конечно, не тебе он обязан этим. Бедное дитя! Если бы у тебя не было твоей матери!

Тут она принялась плакать и рыдать, причитая. Разве чувствительность сердца — не торжество женщины, а слезы — не торжество чувствительности?

Петр снес бурю молча и хорошо сделал: безропотность свойственна возвышенным сердцам. Но через несколько дней соседи заметили, что он переменял девиз над входом в свой дом. Вместо двух соединенных рук, над которыми красовалось сердце, окруженное голубою лентой и освещенное вечным пламенем, на вывеске красовался улей, окруженный пчелами, со следующей надписью: «Пчела жалит больно, злой язык — еще больнее».

Это было его единственной мезтью за тот злополучный день.

IV

Вот моя история, точь-в-точь, как ее рассказывают на зимних посиделках для наставления в мудрости юных норвежек. Им предоставляется на свой собственный страх выбирать между женою Гудбранда и женою Седой Бороды.

— Выбор не труден, — сказала мне миловидная соседка, которая недавно стала бабушкой, — умом и добродетелью нужно подражать жене Гудбранда. Вы, мужчины, куда смешнее, чем сами полагаете. Чуть дело коснется вашего самолюбия, вы начинаете любить правду и справедливость, как летучие мыши любят свет. Счастье этих господ состоит в том, чтобы прощать нас, когда сами виноваты, и великодушно предлагать нам забвение, когда они неправы. Самое разумное — дать им высказаться и притвориться, что веришь им. Только таким

образом можно приручить этих удивительных зверей и водить их за нос, как итальянских буйволов.

— Но, тетя,— сказала одна русая головка,— не всегда ведь сумеешь смолчать. Не уступать, когда говоришь правду — право каждого человека.

— Не отступать, когда говоришь неправду,— это удовольствие королей! Какая женщина отказалась бы от этой королевской привилегии? Мы все ведь двоюродные сестры той милой дамы, которая, исчерпав все доводы, уничтожила своего супруга презрительным взглядом и сказала: «Милостивый государь, даю вам честное слово, что я права!»

Что ответить на это? Разве можно изобличить во лжи свою жену? К чему сила, если она не уступает слабости? Бедняга опустил голову и не сказал ни единого слова, но молчание — не всегда согласие . . .

— Сударыня,— проговорила молоденькая женщина, недавно вышедшая замуж,— мне кажется, что тут нечего выбирать. Если любишь своего мужа, все кажется легким. Думать и действовать во всем заодно с ним доставляет удовольствие.

— Да, дитя мое, это секрет семейной комедии. Все его знают, но никто им не пользуется. До тех пор, пока лучи медового месяца освещают молодое хозяйство, все идет как по маслу. Пока наш супруг исполняет все наши прихоти, мы настолько добры, что предоставляем ему полную свободу действий. Но позднее все изменяется. Как сохранить нашу власть? Юность и красота проходят, ума недостаточно. Иначе какая женщина не чувствовала бы себя счастливой? Чтобы остаться госпожой в доме, нужно обладать самой божественной из добродетелей — добротой слепой, глухой, немой, всепрощающей ради удовольствия прощать. Любить сильно, любить до крайности, для того, чтобы и нас любили немного, вот где секрет счастья женщины, вот в чем заключается и смысл сказки о Гудбранде!

ПАЛЬЧИК

Финская сказка

I

Было у одного крестьянина три сына: Пьер, Поль и Жан.

Пьер был толстый, румяный, ленивый и глупый.

Поль — тощий, жёлтый, завистливый и злой.

Жан — маленький, шустрый, весёлый и смелый.

Старшие братья в насмешку называли его Пальчиком и уверяли, что он может спрятаться в отцовском сапоге.

У крестьянина и было добра, что три сына. В кладовой у него валялись пустые мешки, а в погребѣ стояли

пустые бочки. Поэтому даже тень медной монетки считалась у них в доме богатством.

Рожь была дорога, жизнь тяжела. И вот, как только сыновья подросли, отец стал уговаривать их пойти побродить по свету, поискать счастья.

— Не так-то легко жить у чужих людей и гнуть спину из-за куска хлеба,— говорил он,— а всё лучше, чем помирать дома с голоду.

Братья подумали, подумали и решили, что оно и вправду лучше.

А неподалёку от тех мест, где они жили, стоял королевский дворец.

Такого великолепного дворца не было, пожалуй, на всём свете. Хоть он и был деревянный, но зато с двадцатью резными балкончиками, а окон в нём была целая дюжина — шесть сверху, шесть внизу, и все со стёклами.

Но вот неожиданно-негаданно за одну ночь прямо перед окнами дворца вырос огромный дуб, да такой ветвистый, что в королевских покоях стало темно.

Король приказал немедленно срубить дуб. Но как ни старались придворные дровосеки, у них ничего не получалось. Самые острые топоры тупились после первого же удара. А если кому-нибудь и удавалось срубить хоть одну ветку, вместо неё в тот же миг вырастали две, да притом вдвое толще срубленной.

Король обещал мешок золота тому, кто избавит его от этого неприятного соседства.

Однако и королевское обещание не помогло. Хочешь не хочешь, а пришлось королю сидеть среди бела дня при свечах.

Но это ещё полбеды. Гораздо хуже было то, что колодец королевского замка, неизвестно почему, вдруг высох до самого дна.

Королю, принцессе и придворным приходилось пить мёд и умываться пивом. Вот до чего дожили! И это

в стране, где чуть ли не из-под каждого камня текут ручьи.

Король был в отчаянии. Он обещал наградить поместьями, деньгами и титулом маркиза всякого, кто выкопает во дворе замка колодезь такой глубины, чтобы воды из него можно было брать сколько угодно и когда только понадобится.

Охотников до денег, поместий и титулов нашлось немало. Но заработать эту награду оказалось не так-то легко. Где бы ни начинали рыть, лопаты всюду натывались на твёрдый камень.

— Ваше Величество,— сказали министры,— вырыть колодезь так же невозможно, как срубить дуб.

— Ну что ж,— сказал король,— раз это невозможно, значит, это должно быть сделано.

Хоть королевство его, по правде говоря, было совсем захудалое, упрям он был ничуть не меньше китайского императора.

И вот король приказал вывесить на воротах указ, скреплённый большой королевской печатью.

В указе чёрным по белому было написано: его королевское величество обещает тому, кто срубит дуб и выроет колодезь, руку принцессы, своей единственной дочери, да ещё полкоролевства в придачу.

Принцесса была прекрасна, как день, половина королевства тоже чего-нибудь да стоила — поэтому не мудрено, что всякий, кто умел держать в руках топор или заступ, захотел попытать счастья.

Не успели слуги вывесить королевский указ, как со всех концов двинулись во дворец толпы здоровых молодых с топорами, пилами, заступами и кирками на плечах.

Они принялись пилить и рубить, копать и долбить, но всё было напрасно: дуб становился твёрже, а гранит не делался мягче.

II

События во дворце взбудоражили весь народ. В городах и деревнях только и разговору было, что о королевском указе.

И вот Пьер, Поль и Жан решили тоже отправиться во дворец, благо королевские ворота открывались для всех, кто приходил с топором и заступом.

Не то чтобы братья надеялись жениться на принцессе или получить половину королевства, но — кто знает! — может быть, при дворе найдётся и для них подходящая работа и кусок хлеба. Это всё, чего они хотели.

Дорога была не такая уж длинная и трудная, но не успели братья отойти от дома и ста шагов, как старший из них, Пьер, стал жаловаться, что устал и поранил ноги острыми камнями, а средний брат, Поль, принялся проклинать свою судьбу, а заодно — отца, мать и обоих братьев.

Только меньший брат, Пальчик, был доволен путешествием и весело шагал, поглядывая по сторонам.

Птицы, пчёлы, кузнечики, травы, камни — ничто не ускользало от его быстрых глаз.

Всё надо было ему знать: в какие цветы любят забираться пчёлы? Почему ласточки летают так низко над рекой? Почему бабочки порхают зигзагами? Но стоило ему заговорить об этом с братьями, как Пьер поднимал его на смех, а Поль обрывал на полуслове, называя пустомелей и дурачком.

По дороге им надо было обойти гору, поросшую от подножия до вершины дремучим лесом.

Откуда-то сверху доносился мерный стук топора и треск ломающихся ветвей.

— Кому это вздумалось на такой высоте рубить лес? — сказал Пальчик. — Право, меня это очень удивляет.

— А меня очень удивило бы, если бы тебя что-нибудь

не удивило,— со злостью сказал тощий Поль.— Для дурака всё диво.

Толстый Пьер потрепал младшего брата по щеке и добродушно сказал:

— Эх ты, глупенький! Ну кто же станет стучать в лесу топором? Ясно, что дровосек.

— А всё-таки я пойду посмотреть, кто это,— сказал Пальчик.

— Что ж, ступай, ступай!— сказал Поль.— Желаю тебе сломать шею. Это будет для тебя наука: в другой раз не захочешь знать больше, чем твои старшие братья.

Пальчик не стал спорить и полез наверх, цепляясь за ветки, перескакивая с камня на камень и всё время прислушиваясь к стуку топора, чтобы не сбиться с пути.

Как вы думаете, что увидел он, добравшись до вершины горы? Топор. Да, да, топор, который сам по себе, для собственного удовольствия и без всякой постоянной помощи, рубил огромную сосну.

— Здравствуй, топор,— сказал Пальчик.— Неужели тебе не скучно рубить в одиночку это большое, старое дерево?

— На то я и топор, чтобы рубить!— ответил топор.— Рублю и поджидаю хозяина.

— Отлично!— сказал Пальчик.— Я тут.

Он преспокойно взял топор, положил в свой кожаный мешок и весело спустился к братьям.

— Ну, любознателька, какое чудо ты видел наверху? Что там стучало?— спросил его Поль, криво усмехаясь.

— Это и в самом деле стучал топор,— ответил Пальчик.

— Ну, я же говорил тебе!— сказал Пьер, похлопав его по спине.— Было из-за чего взбираться на такую кручу!

Пальчик ничего не ответил, и они пошли дальше.

Дорога становилась всё труднее. Скоро они оказались в узком скалистом ущелье. Пробираясь по заваленной камнями тропинке, они слышали где-то вдалеке гулкие

удары, как будто кто-то бил железом по гранитной скале.

— Что это? — сказал Пальчик. — Неужели там наверху каменоломня?

— Нет, это дятел долбит носом дерево! — сказал Пьер насмешливо. — Право, можно подумать, что этот мальчишка только вчера вылупился из яйца!

Пальчик покачал головой:

— Никогда не слышал, чтобы дятел стучал так громко! Надо пойти поглядеть.

— Дурачок, — сказал Пьер, — не понимает шуток! Разве ты сам не слышишь, что это работают киркой?

— А всё-таки я пойду посмотрю, — сказал Пальчик и на четвереньках полез вверх по крутому утёсу.

Как вы думаете, что он увидел, добравшись до вершины? Кирку! Кирку, которая сама по себе, для собственного удовольствия и без всякой посторонней помощи, долбила камень. Твёрдый гранит поддавался, словно это был не гранит, а мягкая земля, и с каждым ударом кирка уходила в глубь скалы по самую рукоятку.

— Здравствуй, кирка! — сказал Пальчик. — Неужели тебе не скучно долбить в одиночку этот огромный гранитный утёс?

— На то я и кирка, чтобы долбить, — ответила кирка. — Долблю и поджидаю хозяина.

— Отлично, — сказал Пальчик. — Я тут.

Он преспокойно взял кирку, снял с рукоятки и, положив то и другое в свой кожаный мешок, весело спустился к братьям.

— Ну, какое ещё чудо видела ваша милость наверху? — усмехаясь, спросил Поль.

— Вы и на этот раз были правы: это стучала кирка, — сказал Пальчик и, не прибавив больше ни слова, пошёл вслед за братьями.

Скоро они подошли к прозрачному и чистому ручью. Всем троем очень хотелось пить, и, низко наклонившись,

они принялись черпать студёную воду полными пригоршнями.

— Какая вкусная холодная вода!— сказал Пальчик.— Хотел бы я знать, откуда вытекает этот ручей.

— Нашёл о чем спрашивать!— пробурчал Поль, едва не захлебнувшись от злости.— Ручей как ручей! И вытекает он, как и все ручьи на свете, из земли.

— Может быть,— сказал Пальчик.— А всё-таки я пойду посмотрю, где он начинается.

— Можешь лезть хоть на небо, к самому господу богу!— закричал Поль.

А Пьер грустно добавил:

— Какой глупый ребёнок! Ума не приложу, в кого он такой.

И братья зашагали по дороге, а Пальчик бегом побежал в другую сторону, вверх по течению ручья.

Ручей становился всё уже и уже и наконец превратился в тоненькую серебристую ниточку.

И что же вы думаете, увидел Пальчик, когда добрался до самого начала ручья?

Ореховую скорлупку, из которой, играя на солнце всеми цветами радуги, выбивалась струйка прозрачной воды.

— Здравствуй, скорлупка!— сказал Пальчик.— Неужели тебе не скучно лежать в этой глуши совсем одной?

— Конечно, скучно, да что поделаешь,— ответила скорлупка.— Вот уж сколько лет я лежу здесь и поджидая хозяина.

— Отлично,— сказал Пальчик.— Я тут.— И он спокойно поднял ореховую скорлупку, заткнул её мхом, чтобы не вытекала вода, и положил в свой кожаный мешок.

После этого он побежал догонять братьев.

— Ну, что,— закричал Поль, завидев его издали,— узнал теперь, откуда ручей течёт?

— Узнал, — ответил Пальчик. — Он вытекает из ореховой скорлупки.

— Этого дурака не переделаешь! — проворчал Поль и махнул рукой.

— Видно, такой уж он уродился . . . — вздохнув, добавил Пьер.

Пальчик ничего не ответил и весело зашагал вслед за братьями.

«Я увидел то, что хотел увидеть, — думал он, — и узнал то, что хотел узнать. А больше мне ничего и не надо».

III

Наконец братья дошли до королевского дворца.

На воротах они увидели большое объявление о том, что король обещает руку принцессы и полкоролевства человеку любого рода и звания — будь то дворянин, горожанин или даже простой крестьянин, — если только он исполнит два желания его величества: срубит дуб и выкопает колодец.

Но так как охотников оказалось очень много, а после каждого неудачного удара топора и взмаха кирки дуб разрастался всё шире и гранит становился всё твёрже, то под большим объявлением король приказал повесить маленькое, написанное красными буквами.

Вот что было сказано в этом объявлении:

«Да будет известно всем, что его величество король в своей неисчерпаемой милости повелел отсекаль правое ухо всякому — будь то крестьянин, горожанин или даже знатный дворянин, — кто вызовется срубить дуб и вырыть колодец, но не сделает ни того, ни другого.

Его величество надеется, что это маленькое наказание послужит к исправлению нравов и отучит дерзких братья не за своё дело».

Для большей убедительности вокруг объявления было прибито десятка два отрезанных ушей с указанием имени и звания их бывших владельцев.

Прочтя это объявление, Пьер засмеялся, закрутил усы, поглядел на свои огромные жилистые руки, потом повертел топор над головой и одним махом срубил самую толстую ветку заколдованного дерева.

И сейчас же вместо неё выросли две ветки, каждая вдвое больше и толще срубленной.

Королевская стража схватила несчастного и тут же на месте отрубила ему правое ухо.

— Эх ты, простофиля! — сказал Поль. — Разве так надо браться за дело?

Он медленно обошёл вокруг дерева, высмотрел узловатый корень, вылезший из земли, несколько раз примерился, а потом с одного удара перерубил корень пополам.

И в то же мгновение два огромных новых корня вырвались из-под земли, и каждый из них дал по крепкому молодому побегу, сразу же покрывшемуся листьями.

— Схватить этого негодяя! — закричал в бешенстве король. — Он заслуживает того, чтобы ему отрубили оба уха.

Сказано — сделано. Поль не успел и за ухом почесать, как у него уже не было ушей — ни правого, ни левого.

Тут выступил вперёд Пальчик и сказал, что тоже хочет попытать счастья.

— Гоните прочь этого недомерка! — закричал король. — А если ему так уж хочется избавиться от своих ушей, отрубите их сейчас же, и пусть он убирается на все четыре стороны.

— Простите, ваше Величество, — сказал Пальчик, — король должен быть верен своему слову. Я тоже хочу испытать свои силы, а уши отрубить вы мне всегда успеете.

— Ладно, попробуй! — вздохнув, сказал король. — Но берегись, как бы я не приказал в придачу к ушам отрезать тебе и нос!

Однако и эта угроза не испугала Пальчика. Он достал из своего кожаного мешка топор, не без труда насадил его на топище, которое было чуть ли не больше самого Пальчика, и звонко крикнул:

— Руби, топор!

И топор принялся за дело. Он рубил, колот, крошил, рассекал. Щепки так и летели во все стороны — направо, налево, вверх и вниз . . . Не прошло и четверти часа, как от дуба осталась только куча дров. Дров было так много, что ими потом целый год топили дворцовые печи.

Когда дерево было срублено и расколото, Пальчик подошёл к балкону, на котором сидели король и принцесса, и, низко поклонившись, сказал:

— Довольны ли вы своим покорным слугой, ваше Величество?

— Не совсем, — ответил король, хотя на самом деле он не мог прийти в себя от изумления и радости. — Мне нужен ещё колодец. Если у меня не будет колодца, у тебя не будет ушей.

— Соблаговолите указать место, которое вам нравится, — сказал Пальчик, — и я попытаюсь ещё раз доставить удовольствие вашему Величеству.

Король с принцессой и придворными спустился во двор. Королю подали бархатное кресло, а принцесса уселась на золочёной скамеечке у его ног. С тревогой и любопытством поглядывала она на этого маленького человека, который добивался высокой чести стать её мужем.

— Ну, принимайся же за дело! — сказал король и указал место, где уже многие безуспешно пытались вырыть колодец.

Нимало не смущаясь, Пальчик вытащил из кожаного мешка кирку, насадил её на рукоятку и звонко крикнул:

— Долби, кирка!

И кирка принялась долбить и дробить камень так, что осколки гранита полетели во все стороны.

Не прошло и четверти часа, как посреди двора, в гранитной скале, был выдолблен глубокий-преглубокий колодец.

— Ваше Величество,— спросил Пальчик, кланяясь королю,— достаточно ли глубок этот колодец?

— Глубок-то он глубок,— сказал король,— но в нём нет воды.

— Потерпите ещё одну минуту, ваше величество, и вода будет,— сказал Пальчик.

Он достал из своего мешка волшебную скорлупку и осторожно положил её на край колодца. Потом вытащил из скорлупки кусочек мха, которым она была заткнута, и звонко крикнул:

— Бей ключом!

И сразу же из скорлупки, звеня и рассыпаясь дождём, высокой струёй забил фонтан. В воздухе стало так свежо, что король, принцесса и все придворные даже продрогли.

А фонтан бил без устали. Не прошло и четверти часа, как вода наполнила колодец, а потом перелилась даже через край.

Пришлось спешно рыть канавы, чтобы спастись от наводнения.

— Ну, теперь вы довольны мной, ваше Величество?— спросил Пальчик.— Я сделал всё, что обещал. Надеюсь, и вы исполните свои обещания.

— Да, маркиз Пальчик,— ответил король,— я готов уступить тебе половину моего королевства. Если же ты не охотник носить корону (кстати, должен тебя предупредить, что это дело довольно хлопотное), можешь получить стоимость короны деньгами. Выбирай сам. Что же касается женитьбы на принцессе, то здесь мало одного моего согласия. Попытайся понравиться ей самой.

— Что же нужно для этого сделать? — спросил Пальчик, подбоченившись и поглядывая на принцессу.

— Ты узнаешь об этом завтра, — ответил король. — А пока ты мой гость. Тебе отведут лучшую комнату в замке.

Король удалился вместе с принцессой и придворными. А Пальчик с братьями остался во дворе замка.

— Ну, дорогие мои, — сказал Пальчик, — теперь вы видите, что я не даром сделал в пути несколько лишних миль!

— Тебе просто повезло, — сухо ответил Поль. — Недаром же говорится: «Дуракам — счастье».

— Ты молодец, малыш! — добродушно сказал Пьер. — Даю второе ухо на отсечение, что ты далеко пойдёшь.

В это время из дворца вышел камергер и пригласил маркиза Пальчика в его покои. Пальчик позвал с собой обоих братьев. И так как считалось, что он в большой милости у короля, то камергер обещал завтра же найти для Пьера и Поля подходящее занятие при дворе.

IV

В эту ночь король не мог уснуть. Такой зять, как Пальчик, был ему совсем не по вкусу. Его величество ломал голову, раздумывая над тем, как бы это сдержать слово и в то же время не сдержать его.

Король долго ворочался с боку на бок и, наконец, приказал позвать Пьера и Поля. Ему хотелось узнать всю подноготную своего непростого зятя, а кто же лучше братьев мог выдать ему недостатки и слабости Пальчика!

Пьер расхваливал младшего брата, как только мог. Это не слишком-то понравилось королю. Гораздо больше удовольствия доставил ему Поль.

Поль, не жалея громких слов и нимало не заботясь о правде, доложил его величеству, что Пальчик с детства был бездельником, хвастуном и нахалом и что было бы просто смешно из-за такого пустяка, как честное слово короля, отдавать за него замуж принцессу.

— Этот мальчишка слишком много думает о себе,— сказал Поль.— После своей случайной удачи он, кажется, считает себя сильнее и умнее всех на свете. Здесь, в окрестных лесах, живёт великан, который наводит страх на всю округу. Говорят, что к обеду он съедает чуть ли не целого быка в один присест. Так вот, я собственными ушами слышал (тут Поль немного замялся и хотел было почесать за ухом, но вовремя вспомнил, что у него нет ушей) . . . собственными ушами слышал, будто наш новоиспечённый маркиз хвалится, что, стоит ему только захотеть, и он заставит этого великана чистить себе сапоги.

— Посмотрим,— сказал король.

После этого он отпустил братьев и спокойно уснул.

На следующее утро его величество приказал позвать Пальчика. Он принял его в присутствии всего двора.

— Мой дорогой будущий зять,— сказал король, делая ударение на предпоследнем слове,— я слышал, что в наших местах живёт великан. Говорят, что он выше самой высокой сосны и может съесть за обедом целого быка. Так вот, я полагаю, что в ливрее с золотыми нашивками, в треуголке с плюмажем и с алебардой в руках этот великан был бы достоин стоять на страже у дверей нашего замка. Моя дочь просит вас сделать ей этот маленький подарок, а после этого она готова подарить вам свою руку и сердце.

— Это нелёгкая задача,— сказал Пальчик,— но, чтобы понравиться её высочеству, я попробую.

Он положил в свой кожаный мешок волшебный топор, волшебную скорлупку, круг сыра и каравай хлеба, вскинул мешок на спину и отправился в путь.

Пьер утирал слёзы, а Поль ухмылялся. Он думал, что Пальчик уже не вернётся, и был очень доволен.

А Пальчик тем временем шагал по лесу, поглядывая то направо, то налево. Но нигде не было и следа великана.

Так бродил он целую неделю и наконец зашёл в такую чащу, где, наверное, никогда не ступала человеческая нога.

Тут он остановился и закричал во весь голос:

Эй, чудовище лесное,
На тебя иду войною!
Выходи на смертный бой —
Я разделаюсь с тобой! . .

— Со мной? . . — загремел в вершинах сосен страшный голос. — А вот погоди, я сейчас тебя раздавлю, как мошку.

— Ну, ну, не хвастай раньше времени! — сказал Пальчик.

Великан что-то зарычал в ответ, и Пальчик услышал, как затрещали, сгибаясь, деревья и захрустели сломанные ветки.

Великан, тяжело топая, бежал по лесу. Он остановился возле Пальчика и стал озиаться по сторонам, стараясь разглядеть среди деревьев своего противника.

Но никого не было видно.

Наконец, случайно поглядев себе под ноги, он заметил маленького человечка, спокойно сидящего на стволе поваленного дерева.

— Так это ты, муравей, посмел разбудить меня? — заревел великан и так топнул ногой, что земля вздрогнула.

— Да, дружок, это я, — ответил Пальчик. — Мне нужен усердный и послушный слуга, и я решил взять тебя на эту должность.

— Ну и потеха! . . — сказал великан. — А вот я сейчас

закину тебя на дерево, в это воронье гнездо,— тогда будешь знать, как шататься по моему лесу!

— По твоему лесу?— удивился Пальчик.— Он такой же твой, как и мой. А если ты посмеешь мне сказать ещё хоть одно грубое слово, я в четверть часа вырублю весь твой лес до последнего дерева.

— Фу-ты, напугал!..— засмеялся великан.— Хотел бы я посмотреть, как ты это сделаешь.

— Сейчас увидишь,— сказал Пальчик. Он достал из своего мешка волшебный топор и тихонько сказал:— Руби, топор!

И топор начал рубить, ломать, колоть, крошить... Огромные стволы валялись прямо на великана. Ветки дождём сыпались ему на голову...

— Довольно, довольно!— в страхе закричал великан.— Ты погубишь весь мой лес. Кто ты такой?

— Я могущественный волшебник Пальчик. Стоит мне только сказать слово, и мой топор снесёт тебе голову. Ты ещё узнаешь, с кем имеешь дело!.. А ну-ка, води меня к себе в дом!

Великан так удивился, что не стал спорить и повел Пальчика прямо к своему жилью.

По дороге Пальчик проголодался. Он достал из своего мешка каравай хлеба, круг сыра и принялся уплетать за обе щёки.

— Что это ты ешь — такое белое и такое чёрное?— спросил великан, который никогда не видел ни хлеба, ни сыра.

— Камни,— ответил Пальчик и откусил большой кусок сыра.

— Ты ешь камни?

— Да, я их очень люблю. Потому-то я такой сильный, что ем камни. Да ты сам попробуй — вон там лежит славный камешек! Увидишь, как это вкусно.

Великан, который был так же глуп, как и высок, поднял большую каменную глыбу и принялся грызть.

Но, должно быть, угощение пришлось ему не по вкусу. Он сломал два зуба и отшвырнул камень.

— Эх, ты! — сказал Пальчик, дожёвывая горбушку. — А ещё великан!

Наконец они подошли к хижине великана. Эта хижина была выше самого высокого дворца и чуть ниже самой высокой горы.

— Слушай, — сказал Пальчик великану, усаживаясь возле очага, в котором с треском пылало несколько сосен, переломленных пополам, — давай уговоримся: один из нас двоих будет хозяином, а другой — слугою. Если я не смогу сделать того, что сделаешь ты, я буду твоим слугой, а ты — моим хозяином. Если же ты не сможешь сделать того, что сделаю я, — я буду твоим хозяином, а ты — моим слугой.

— Идёт! — сказал великан. — Я не прочь иметь слугу такого пройдоху, как ты. Ты будешь за меня думать, а то я ужасно устаю, когда мне приходится ворочать мозгами. Ну, давай начнём наше состязание. Для первого раза сходи-ка на реку, принеси воды, будем варить обед. Вон там, в углу, стоят вёдра.

Чтобы посмотреть на вёдра, Пальчику пришлось задрать голову. Они были в два человеческих роста вышиной и в три обхвата шириной. Пальчику было бы легче утонуть в них, чем сдвинуть с места.

— Ага, — сказал великан, скаля уцелевшие зубы, — испугался, сынок? Ещё бы — где тебе справиться с моими ведёрками! А ведь я каждый день хожу с ними на реку, и даже не хожу, а бегаю.

— Ну и бегай себе на здоровье! — сказал Пальчик. — А что до меня, так я лучше реку заставляю прибежать сюда.

Он украдкой вытащил из мешка свою ореховую скорлупку и сказал шёпотом:

— Бей ключом!

И в ту же минуту кипучая струя с шумом вырвалась

из скорлупки, и вода, весело журча, растеклась по всей хижине.

— Не надо, не надо! . . — закричал великан в ужасе. — Не зови сюда реку! Уж лучше я сам схожу за водой.

Он подхватил свои огромные вёдра и, перешагнув через лужу, побежал на реку.

Вернувшись в хижину, великан подвесил над очагом чугунный котёл, выплеснул в него воду из одного ведра, бросил тушу только что освежёванного быка, пятьдесят кочанов капусты и целый воз моркови.

Пока суп варился, великан несколько раз пробовал его и снимал пену огромным решетом.

— Ну, готово, — сказал он наконец. — Садись за стол. Посмотрим, сможешь ли ты угнаться за мной в еде. Я так проголодался, что готов съесть этого быка целиком да и тебя в придачу. Знаешь, бывают такие пряничные человечки? Их едят на сладкое.

— Ладно, ладно, — ответил Пальчик, — ещё посмотрим, кто кого съест.

Он уселся за стол и, пока великан снимал котёл с огня, незаметно подsunул себе под куртку свой большой кожаный мешок.

И вот оба принялись за еду.

Великан отправлял себе в рот кусок за куском, а Пальчик не отставал от него, отправляя кусок за куском в свой мешок.

— Уф, — сказал великан, обсасывая кость, — славно! Теперь пора расстегнуть одну пуговку на жилетке . . .

— Как! Уже? — спросил Пальчик и опустил в мешок полкочана капусты. — Ты, я вижу, плохой едок.

Великан ничего не ответил. Он заложил за щёку чуть ли не целый окорок и стал его жевать вместе с костью, так что хруст пошёл по всей хижине.

— Уф, — сказал он, проглотив последний кусок, — придётся расстегнуть вторую пуговицу, а то жилетка лопнет.

— Нет, ты мне не товарищ! — сказал Пальчик и

сунул в мешок огромный кусок говядины.— Только сели за стол, а ты уже вторую пуговицу расстёгиваешь.

Великан тяжело вздохнул и вытащил из котла три кочана капусты.

Он без передышки проглотил их один за другим и отвалился от стола.

— Уф!..— простонал он.— Надо расстегнуть третью пуговицу, а не то я и сам сейчас лопну.

— Эх ты, неженка!— сказал Пальчик.— Ну, давай съедим ещё по кусочку!

— Места нет,— прохрипел великан.— Я по самое горло сыт.

Пальчик засмеялся:

— Ну и что ж из этого! Распори ножом брюхо, а потом зашей его и снова набивай. Вот, смотри!..

И он с размаху распорол свой кожаный мешок сверху донизу.

— Теперь мы можем начинать обед сначала. Бери-ка нож, пори себе брюхо!

— Нет уж, слуга покорный,— сказал великан, отмахиваясь от него обеими руками.

— А если ты мой покорный слуга, так забирай своё добро и неси меня к королю.

Великан послушно посадил своего маленького повелителя к себе на плечо, на другое взвалил мешок золота и зашагал через лес к замку короля.

V

В замке был праздник. Все танцевали и веселились, о Пальчике никто больше не думал. Прошло уже восемь дней с тех пор, как он ушёл. Кто же мог сомневаться в том, что великан его съел?

И вдруг раздался страшный грохот. Дворец задрожал и зашатался от основания до самой крыши.

Это великан ударом ноги вышиб большие дворцовые ворота, которые были для него слишком низки.

Все бросились к окнам и увидели Пальчика — он преспокойно сидел на плече у страшного великана.

Дамы закричали от ужаса, мужчины схватились за шпаги, а Пальчик как ни в чём не бывало перешагнул с плеча великана прямо на балкон второго этажа и, преклонив перед своей невестой колено, произнёс:

— Принцесса, вы желали иметь одного раба, перед вами — два!

Эту любезную фразу на следующий день напечатали в «Придворной газете», и все кавалеры повторяли её своим дамам, хотя ни у кого из них не было такого слуги, как у Пальчика. Но в ту минуту, когда Пальчик произнёс эти слова, они привели в замешательство весь двор.

Разумеется, больше всех были встревожены принцесса и король.

Его величество отозвал свою дочь в сторону и сказал ей шёпотом:

— Дочь моя, к сожалению, у нас нет больше никаких оснований отказывать этому отважному молодому человеку. Пожертвуй собой для блага государства. Принцессы редко выбирают женихов по собственному вкусу.

Но принцессу не так-то легко было уговорить. Она сделала глубокий реверанс и сказала:

— Дорогой отец! Принцессы, как и все другие девушки, мечтают выйти замуж за того, кто им понравится. Позвольте же и мне выбрать жениха по сердцу. — И, повернувшись к Пальчику, она сказала: — Маркиз Пальчик, я вижу, что вы смелый юноша и что вам везёт во всех делах, за которые вы берётесь. Но, прежде чем согласиться выйти за вас замуж, я хотела бы знать, так ли вы умны и находчивы, как сильны и отважны. Я предлагаю вам последнее испытание. На этот раз вам не придётся бродить по дремучим лесам и покорять

великанов. Вашим противником буду я сама, а вашей наградой, если вы окажетесь победителем, будет моя рука.

В знак согласия Пальчик отвесил низкий поклон, и все отправились в тронный зал. К ужасу придворных, великан уже был там.

Он сидел посреди зала на полу, чуть ли не упираясь головой в потолок. Если бы он вздумал встать на ноги, он пробил бы головой крышу.

Пальчик сделал ему знак. Великан сейчас же подполз к нему на четвереньках и уселся у его ног, готовый в любую минуту защитить своего господина. Это была сила на службе у разума.

— Посмотрим, — сказала принцесса, — кто из нас способен, не сморгнув глазом, выслушать любую ложь и небылицу. Первый, кто не выдержит и скажет: «Это уж слишком!» — будет считаться побеждённым.

— В угоду вашему высочеству я готов вытерпеть всё на свете — не только шутиливую ложь, но и суровую правду, — сказал Пальчик.

— Ну что ж, начнём, — сказала принцесса. — Знаешь ли ты, что за луга в наших поместьях? Если два пастуха на разных концах луга заиграют в рожок, то один не услышит другого. Вот какие у нас поместья!

— Это что! — сказал Пальчик. — Посмотрели бы вы, какой скотный двор у моего отца! Если в одни ворота впустить двухмесячную тёлку, то из других она уже выйдет дойной коровой.

— Что же тут удивительного! — сказала принцесса. — Зато, уж наверное, у вас нет такого большого быка, как у нас. Если два человека сядут к нему на рога и каждый возьмёт палку в десять локтей, то всё равно они не смогут дотянуться друг до друга.

— Это что! — сказал Пальчик. — У нашего быка такая голова, что если на рогах у него усядутся два человека, то им не разглядеть друг друга даже в подзорную трубу.

— Что ж тут удивительного!— сказала принцесса.— Но, уж наверное, ваши коровы не дают столько молока, сколько наши. Одного только сыру — не говоря о масле и сметане — у нас столько, что мы складываем из него каждую неделю гору ничуть не ниже большой египетской пирамиды.

— Это что!— сказал Пальчик.— У нас дома делают такие большие круги сыра, что однажды, когда наша кобыла упала в сыроварный котёл, мы искали её целых шесть дней. А когда мы, наконец, нашли лошадку, оказалось, что она ударилась о дно и сломала себе спинной хребет. Мы вырубили молодую сосенку и поставили её на место хребта. И что же вы думаете, в одно прекрасное утро сосна пустила росток, а через три дня он поднялся так высоко, что я вскарабкался по его веткам на самое небо. А на небе сидела какая-то старушка и пряла пряжу из морской пены. Мне захотелось узнать, прочная ли это пряжа. Я взялся за ниточку, потянул, вдруг — крак!— нитка оборвалась, и я полетел с неба на землю, да так прямо и угодил в мышиную норку. И знаете, кого я там увидел? Мою покойную бабушку и вашего дедушку — покойного короля. Они сидели и вязали на спицах шерстяные чулки. И за то, что ваш дедушка спустил петлю, моя бабушка дала ему такую оплеуху, что у него даже усы затряслись...

— Ну, это уж слишком!— возмутилась принцесса.— Никто никогда в нашем роду не вязал чулок и не получал оплеух!

— Она сказала: «Это уж слишком!»— закричал великан.— Ура! Принцесса наша!

— Нет ещё,— упрямо сказала принцесса.— Я хочу загадать маркизу Пальчику три загадки. Скажите, маркиз, что вечно падает и никогда не разбивается?

— Ах, эту загадку я слышал ещё от моей матушки!— сказал Пальчик.— Это водопад.

— А ведь верно! — закричал великан и захлопал в ладоши. — Нет, подумайте, кто бы ещё мог догадаться!

Принцесса покраснела с досады.

— Теперь скажите, — продолжала она, нахмутив брови, — кто каждый день ходит по одной и той же дороге, но никогда по ней не возвращается?

— Ах, эту загадку я слышал ещё от моей бабушки! — сказал Пальчик. — Это солнце.

— Он знает всё на свете! — закричал великан и хлопнул себя по колену.

— Предположим, — сказала принцесса, бледнея от гнева. — Остаётся одна, последняя загадка. Отгадайте: что я думаю, а вы не думаете? Что вы думаете, а я не думаю? Что думаем мы оба? И чего не думаем ни вы, ни я.

Пальчик нахмурился и замолчал.

— Не ломайте понапрасну голову, мой повелитель, — сказал великан. — Я-то хорошо знаю, какое это неприятное занятие — ворочать мозгами! Если задача такая уж трудная, я унесу принцессу — и делу конец! Только мигните мне.

— Силой, мой друг, ничего не сделаешь, — ответил Пальчик. — Кто-кто, а уж ты-то должен это хорошо знать. Помолчи и не мешай мне думать.

Великан замолчал, а Пальчик стал думать. Чем больше он думал, тем веселее становилась принцесса и тем печальнее делался великан.

Но вот Пальчик усмехнулся, поклонился принцессе и заговорил:

— Вы думаете, ваше высочество, что я ни за что не придумаю отгадки к вашей загадке, а я этого не думаю. Я думаю, что, ваше величество, по доброте души думаете, будто я не так уж недостоин вашей благосклонности, а вы думаете, что я этого не думаю. Мы оба думаем, что на свете немало людей поглупее нас с вами и, наконец, ни вы, ни я не думаем, что высокий рост моего бедного

великана и высокий пост вашего высокочтимого отца являются свидетельством . . .

— Довольно! — сказала принцесса. — Вот вам моя рука.

— Но что же вы всё-таки думаете обо мне? — воскликнул король. — Или, вернее, не думаете?

— Мы думаем, дорогой отец, что среди королей вы самый мудрый, — и больше мы ничего не думаем.

— Совершенно правильно, — ответил король. — Я и сам это думаю. Маркиз Пальчик, за такие здравые мысли я жалую вам титул герцога.

— Ура! Да здравствует герцог Пальчик! Да здравствует мой повелитель! — закричал великан так громко, что можно было подумать, будто во дворце грянул гром.

К счастью, все обошлось благополучно, если не считать трёх обмороков и двадцати разбитых стёкол.

VI

О свадьбе принцессы и Пальчика не стоит долго рассказывать. Все свадьбы похожи одна на другую.

Однако правдивый историк не может умолчать о том, что присутствие великана прибавило много блеска этому великолепному торжеству.

При выходе из церкви он поднял карету новобрачных, поставил её вместе с лошадьми себе на голову и так донёс до ворот замка.

Это одно из тех происшествий, которое стоит отметить, потому что их можно видеть не каждый день.

Вечером в столице было устроено пышное празднество. Пир, речи, свадебные песни, фейерверки, гирлянды и букеты — всего было вдоволь. Словом, было всеобщее ликование.

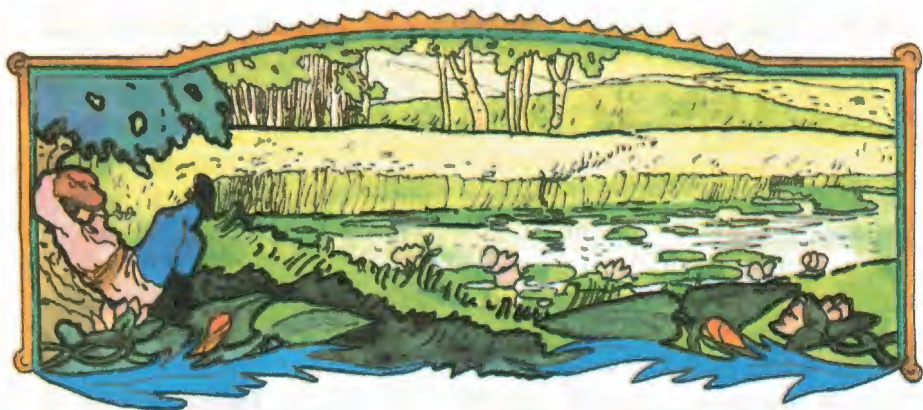
Во дворце и на городских площадях пели, ели, пили, говорили. Только одному человеку было не до веселья,

и он угрюмо сидел, забившись в самый тёмный угол дворца: это был Поль. Он даже радовался, что у него отрезаны уши и от этого он почти не слышит восторженных похвал Пальчику. Он даже готов был сам выколоть себе глаза, чтобы не смотреть на счастливые лица новобрачных. Со злости он в конце концов убежал в лес, и там его съели медведи. От души желаю того же всем, кто завидует чужому счастью.

Теперь остаётся только сказать, что после смерти тестя король Пальчик царствовал целых шестьдесят два года и считался самым мудрым не только среди королей, но и среди простых людей. А уж о доброте его и говорить нечего! Историки так и прозвали его: Пальчик Добрый.

Но зачем прославлять его доброту? Ведь это свойство всех умных людей. Что бы там ни говорили, а добрых дураков на свете нет. Глупый не бывает добрым, добрый не бывает глупым — поверьте моей многолетней опытности. Если и не все дураки злы (в чём я сильно сомневаюсь), то зато все злые — дураки. В этом и вся мораль моей сказки.

Придумаю лучшую — я найду ей место на этих страницах.

ЗЕРБИНО-НЕЛЮДИМ

Неаполитанская сказка

I

Когда-то жил в Салерно молодой дровосек по имени Зербино. Не было у него ни денег, ни родни, ни друзей. Даже словом ему не с кем было перемолвиться. А бросать слова на ветер он не любил. Когда же человек ни с кем не разговаривает и никого ни о чём не спрашивает, то ему никто и не отвечает. А так как Зербино, вдобавок ко всему, не имел привычки совать нос в чужие дела, то соседи считали его дураком.

Они прозвали его Зербино-нелюдим, и прозвище это подходило к нему как нельзя лучше.

Рано утром, когда все в городе ещё спали, Зербино с топором на плече отправлялся в горы и весь долгий день бродил один по лесу.

А вечером, когда солнце уже садилось, он возвращался домой с вязанкой хвороста, чтобы продать её и купить себе что-нибудь на ужин.

У фонтана, мимо которого проходил Зербино, каждый вечер собирались девушки со всего квартала — набрать в кувшин воды и почесать язычки. Ну и доставалось же от них бедному Зербино!

— Зербино! Зербино! — кричали они. — Иди-ка сюда, а то нам скучно одним.

— Расскажи нам что-нибудь, Зербино! Ты ведь мастер рассказывать.

— Спой нам песенку, Зербино! Ты поёшь лучше соловья.

— Зербино! Зербино! Кто из нас тебе больше по вкусу? К кому ты посватаешься? Ко мне?

— Или ко мне?

— Или, может, ко мне?

— К самой болтливой! — огрызался дровосек, грозя кулаком.

Дружный хохот провожал Зербино, когда он, словно кабан от охотников, убегал от них к себе домой.

Добравшись до своей хижины, он покрепче запер дверь и садился ужинать.

Ужин у него был немудрёный — кувшин воды и кусок хлеба. Подобрав всё до последней крошки, он заворачивался в старое, потёртое одеяло, ложился прямо на пол и крепко засыпал. Ничто не мешало его отдыху — ни сны, ни заботы, ни желанья.

И если счастье в том, чтобы ничего не желать, то самым счастливым человеком на свете был Зербино.

II

Однажды Зербино работал в лесу, подсекая сучья у старого, твёрдого, точно камень, самшита. Он очень устал и решил отдохнуть под деревьями на берегу пруда. Каково же было его удивление, когда он увидел, что у самой воды на траве лежала красавица в платье из лебединых перьев! Красавица крепко спала.

— Уснуть в полдень на самом солнцепеке! — пробормотал Зербино. — И придёт же такое в голову! . . Нет, что ни говори, а у женщины ума — как у годовалого ребёнка.

Зербино снял с себя куртку, натянул её между ветвями деревьев и устроил над головой незнакомки навес, чтобы защитить её от солнечных лучей.

Только он кончил свою работу, как заметил в траве, в двух шагах от красавицы, гадюку. Змея подползла к ней, высунув ядовитое жало.

— Ишь ты! — сказал Зербино. — Такая маленькая и уже такая злая!

И, недолго думая, двумя ударами топора он разрубил змею на три части.

Но, и разрубленная, змея всё ещё старалась подползти к спящей красавице.

Тогда Зербино носком башмака столкнул в пруд змеиную голову, туловище и хвост, и они зашипели в воде, как раскалённое железо.

В эту самую минуту красавица открыла глаза и, увидев дровосека, воскликнула:

— Зербино! Это ты, Зербино?

— Подумаешь, новости! Я и сам знаю, что я Зербино, — ответил дровосек.

— Друг мой, — сказала красавица, — ты спас мне больше, чем жизнь! Поверь, я сумею отблагодарить тебя за твою услугу.

— И не думал я спасать вас,— пробурчал Зербино со своей обычной любезностью.— В другой раз не ложитесь в траву, не поглядев наперёд, нет ли там змей,— вот вам мой совет. А теперь не мешайте мне, я тоже хочу спать.

Он растянулся на траве и закрыл глаза.

— И тебе не нужно никакой награды? Ты ни о чём не просишь меня?— спросила красавица.

— Ну как же, очень прошу: оставьте меня в покое!— сказал Зербино.— Если человек ничего не хочет, значит, у него есть всё, чего он хочет. А если у него есть всё, чего он хочет, значит, он счастлив. Прощайте!— И он захрапел.

— Бедный юноша!— сказала красавица.— Твоя душа спит крепче, чем ты сам. Но что бы ты ни говорил, а я не буду неблагодарной. Без тебя я попала бы в руки злого волшебника, моего старинного врага. Без тебя мне пришлось бы превратиться в ужа и сто лет ползать по земле в змеиной чешуе. Я у тебя в долгу за целый век красоты и молодости. Чем же мне заплатить тебе за твою услугу? А, знаю! . . Ты только что сказал: «Если у человека есть всё, чего он хочет, значит, он счастлив!» . . Пусть же у тебя будет всё, чего ты пожелаешь, пусть каждое твоё желание исполняется. Когда-нибудь ты добром помянешь за этот подарок фею вод! . .

Она трижды взмахнула своей ореховой волшебной палочкой и пошла по серебристой водяной дорожке так легко, что вода даже не шелохнулась.

Навстречу ей раскрылись кувшинки и тростники склонили свои хохлатые головки. Волны, нежно звеня, расступились, и будто солнечный луч скользнул до самого дна.

Потом всё погасло, и стало тихо-тихо.

Только и слышно было, как храпит на берегу Зербино.

III

Солнце уже спускалось за горы, когда дровосек проснулся. Он опять взялся за топор и принялся рубить неподатливое дерево, над которым бился с утра. Топор звенел на весь лес, но проку было мало. Обливаясь потом, Зербино только напрасно колотил по проклятому стволу.

— Эх,— сказал наконец Зербино, рассматривая свой зазубренный топор,— хотел бы я иметь топорик, который режет дерево, словно масло! И почему это ни один умник не смастерил до сих пор такого топора?

Он отступил на два шага от дерева, размахнулся и ударил с такой силой, что сам не удержался на ногах и растянулся во весь рост, уткнувшись носом в землю.

— Черт побери, я, кажется, хватил мимо!— заворчал он.— В глазах у меня, что ли, помутилось?

Но не успел он выговорить эти слова, как дерево дрогнуло и повалилось прямо на него, так что он едва успел отскочить с сторону.

— Вот это удар!— закричал Зербино в восторге.— Раз — и готово! И как чисто срублено! . . Кто не видел, сказал бы, что спилено. Ну, есть ли на свете дровосек, который орудует топором так ловко, как сын моей матери?

Он обрубил все сучья и ветки на дереве и, распутав намотанную вокруг пояса верёвку, уселся верхом на вязанку, чтобы лучше её затянуть.

— А теперь,— пробормотал он,— надо тащить её в город. Экое горе, что у вязанок не бывает ног, вот как у лошадей, например. А то бы я въехал на ней в Салерно, гарцуя вроде тех знаменитых господ, которые от безделья только и знают, что прогуливаются верхом. Хотел бы я посмотреть на себя в таком виде!

И не успел он договорить, как вязанка приподнялась

и пустилась рысью, всё скорей и скорей — так что ветер засвистел у Зербино в ушах.

Но Зербино нелегко было удивить чем-нибудь. Он и на этот раз несколько не удивился. Уверенно сидя на своём необыкновенном скакуне, он всю дорогу с жалостью поглядывал на тех бедняков, которые должны ходить пешком, потому что у них нет такой вязанки дров.

IV

В те времена посреди Салерно была большая площадь, а на этой площади стоял королевский дворец. Царствовал тогда, как всем известно, знаменитый Мушаммель. Кто не знает этого имени, тот не знает истории.

Всякий день после полудня прохожие могли увидеть на одном из балконов дочь короля Мушаммеля — прекрасную принцессу Алели. Придворные кавалеры и дамы старались развлечь её песнями, сказками и плясками, но принцесса была всегда грустна и задумчива. Да и как было не задуматься!

Вот уже три года каждый день к ней сватались женихи — князья, бароны и принцы, и вот уже три года она отказывала каждый день всем своим женихам — принцам, князьям и баронам.

Дело было в том, что король Мушаммель, который очень хотел поскорее выдать дочку замуж, давал в приданое за нею прекрасный город Салерно, и принцесса Алели не без основания предполагала, что её женихи хотят жениться не столько на ней, сколько на её приданом. Как видите, принцесса Алели была рассудительной девицей, не в пример другим принцессам. Впрочем, она вообще не слишком походила на других принцесс: никогда не смеялась только для того, чтобы показать свои зубки, никогда не молчала только для того, чтобы её считали умной, никогда не болтала только

для того, чтобы поболтать. Эта болезнь не на шутку тревожила придворных докторов.

В этот день принцесса Алели была ещё грустнее, чем всегда. Она сидела на балконе и задумчиво глядела вниз, как вдруг на площадь выехал Зербино.

Он скакал верхом на своей вязанке, точно лихой наездник на горячем скакуне.

Придворные дамы так и прыснули со смеху и принялись швырять в него апельсинами, лежавшими на блюде. Два апельсина угодили наезднику прямо в лицо.

— Смейтесь, смейтесь, зубоскалки!— крикнул Зербино, грозя им пальцем.— Смейтесь до тех пор, пока у вас рот не растянется до ушей!

Придворные дамы расхохотались ещё громче. И сколько ни приказывала им принцесса замолчать и прекратить свои насмешки над бедным малым, они в ответ только покатывались со смеху.

— Добрая барышня,— сказал Зербино, поглядев на принцессу.— что же вы такая печальная? Желаю вам полюбить хорошего парня, который сумеет вас развеселить, и выйти за него замуж.

С этими словами Зербино приподнял шапку и поклонился так вежливо, как только умел.

Если ты едешь верхом не на лошади, а на вязанке дров, первое правило — ни с кем не раскланивайся, будь то хоть сама королева. Зербино совсем забыл про это и попал в беду. Снимая шапку, он выпустил из рук верёвку, которой были связаны ветки. Вязанка развалилась, и Зербино полетел вверх тормашками.

Встав на ноги, он собрал ветки и, взвалив их себе на плечи, отправился своей дорогой. Теперь уже вязанка ехала на нём, а не он на вязанке.

Когда кто-нибудь падает, рискуя сломать себе шею, люди почему-то смеются. Почему? Я не знаю. Мудрецы ещё не объяснили этой тайны. Известно только, что все

смеются и что принцесса Алели поступила так же, как и все другие: она засмеялась.

Но вдруг щёки её побледнели. Она встала, прижала руку к сердцу, как-то странно поглядела на Зербино и молча удалилась в свои покои.

А Зербино, как ни в чем не бывало, вернулся к себе домой.

Своей удачи он не заметил, а на неудачи, как всегда, не обратил внимания. День выдался славный, он хорошо продал вязанку дров — с него и этого было достаточно.

Он купил себе целую головку сыра, белого и твёрдого, как мрамор, и, разрубив её на куски, отлично поужинал.

Камень, упавший в воду, знает ровно столько же о кругах, которые пошли по воде, сколько знал Зербино о том смятении, которое поднялось во дворце после его ухода.

V

В то время как происходили все эти важные события, на городской башне пробило четыре часа. День выдался жаркий. На улицах было пусто.

Удалившись в залу парламента, король Мушамииель размышлял о благоденствии своего народа. Он спал.

Вдруг чьи-то руки обвились вокруг его шеи и горячие слёзы закапали прямо ему на лысину. Король Мушамииель вскочил в испуге. Перед ним стояла прекрасная Алели.

— Что это значит? — сказал король, удивлённый таким преувеличенным выражением любви. — Поцелуй и слёзы? Ах, дочь своей матери! Ты, верно, хочешь, чтобы я исполнил какое-нибудь твоё желание?

— Нет, дорогой отец. Перед вами покорная дочь, которая только и думает о том, чтобы исполнить ваше

желание. Вы хотели выдать меня замуж — я готова доставить вам это удовольствие.

— Ну, слава богу, наконец капризы кончены! За кого же мы выходим, а? За принца Кава? . . Нет? Ну, так за графа Капри? . . Тоже нет? За маркиза Сорренто? . . Как, опять нет? Кто же это такой?

— Я не знаю, дорогой отец.

— Не знаешь? Но ты, по крайней мере, хоть видела его?

— Да, только что. На площади перед дворцом.

— И он с тобою говорил?

— Нет, почти не говорил. Да и к чему слова, когда сердца и так слышат друг друга!

Мушаммель поморщился, почесал за ухом и пристально поглядел на дочь:

— Но, во всяком случае, это принц?

— Ах, я не знаю . . . Да и какое это имеет значение!

— Очень большое. Ты ничего не смыслишь в политике, дочь моя. Разумеется, ты можешь совершенно свободно, так сказать по своему вкусу, выбрать себе подходящего мужа, а мне — подходящего зятя. Как король и как отец, я совсем не хочу стеснять твою волю . . . если она совпадает с моей. В противном случае напоминаю тебе, что я прежде всего обязан заботиться о чести династии и о благе моих подданных, и поэтому я требую, чтобы поступали так, как угодно мне. Ну-с, что же за птица этот твой избранник, которого ты едва видела, с которым почти не разговаривала, но которого ты обожаешь?

— Не знаю, — сказала Алели.

— Вот это замечательно! — воскликнул Мушаммель. — И для того, чтобы болтать весь этот вздор, ты отнимаешь у меня время, принадлежащее моему народу. Эй, камергеры! Позвать сюда фрейлин! Пусть они проводят принцессу в её покои. Ей нездоровится.

Услышав слова отца, Алели залилась слезами и упала к его ногам. В это время дверь открылась и две

придворные дамы вошли в королевские покои, покатываясь со смеху.

— Опомнитесь, сударыни! Перед вами король!— закричал Мушаммель, возмущённый таким грубым нарушением придворных правил.

Но чем громче кричал на них король, тем громче хохотали фрейлины, совершенно не заботясь о придворном этикете.

— Эй, стража,— закричал король вне себя от гнева,— схватить этих грубиянок и отрубить им головы! Будут знать, как смеяться над своим королём!

— Ваше Величество!— воскликнула Алели, всплеснув руками.— Вспомните, что вы прославили своё царствование, запретив смертную казнь без суда.

— Ах, да,— сказал Мушаммель,— ты совершенно права, дочь моя. Нельзя нарушать законы. Но если нельзя казнить без суда, то пусть их секут без суда до тех пор, пока они не умрут естественной смертью.

— Пощадите их, отец! Умоляю вас!

— Ну хорошо, хорошо!— сказал добрый Мушаммель.— Пусть только они перестанут смеяться и не попадают мне больше на глаза... Уведите этих дур — я их прощаю. Запереть их в келью. Пусть они там издохнут от тишины и скуки... И довольно об этом.

— Отец!...— зарыдала Алели.

— Ваше Величество!— закричали в один голос фрейлины, падая на колени.— Ваше Величество, смилуйтесь! Мы не смеёмся больше.

И в самом деле они больше не смеялись, потому что рты у них от непрерывного смеха уже растянулись до самых ушей, как пожелал Зербино.

— Помилуйте, ваше Величество! Это не мы смеялись над вами — это над нами насмеялся злой человек. Он околдовал нас.

— Колдун в моём государстве?— сказал король, пока-

чав головой.— Это невозможно. Их нет, потому что я в них не верю.

— Однако, ваше Величество,— заметила одна из дам,— что бы вы сказали, если бы увидели человека, который гарцует верхом на обыкновенной вязанке дров, и эта вязанка скачет рысью и выделяет курбеты, как хорошо объезженная лошадь?

— В самом деле?— удивился король.— Да, это похоже на колдовство. Стража! Я приказываю немедленно отыскать этого человека и его вязанку, посадить человека на вязанку и сжечь вязанку вместе с человеком посреди дворцовой площади. Всё!.. Ну, теперь, надеюсь, мне дадут отдохнуть.

— Сжечь моего возлюбленного!— закричала принцесса.— Государь, этот благородный юноша — мой избраннык, моя любовь, моя жизнь... Если тронут хоть один волосок на его голове — я умру!

— У меня в доме сущий ад!— сказал бедный Мушамиль.— Какой смысл быть королём, если в собственном вашем дворце вам не дают спокойно вздремнуть часок? Впрочем, я ведь могу избавиться от всех этих хлопот. Позвать сюда Мистигриса! Для чего я держу министра, если не для того, чтобы он говорил мне, о чём я думаю, и знал, чего я хочу и чего не хочу!

VI

Вскоре доложили о приходе господина Мистигриса. Это был маленький человечек, толстый, коротенький, круглый, пузатый. Он не ходил, а катался, как шар. Рысьи глазки, посматривающие разом во все стороны, низкий лоб, утиный нос, толстые щёки и тройной подбородок — вот вам портрет знаменитого министра, который правил Салерно от имени короля Мушамилея.

Он вошёл, кланяясь и охорашиваясь, отдуваясь и

улыбаясь, с видом человека, весело несущего бремя власти и забот.

— Наконец-то! . . . — сказал король. — У меня в королевстве происходит чёрт знает что, и я, король, узнаю об этом последний!

— Всё в полном порядке, — спокойно отвечал Мистигрис. — У меня в руках донесения королевской полиции. Мир и счастье, как всегда, царят в нашем государстве.

И, развернув длинный свиток, он прочёл:

— «Салернская гавань. Всё спокойно. В таможне украдено не больше обычного. Три ссоры между матросами. Шесть ударов ножом. Пятеро отправлены в госпиталь. Один скончался. Происшествий нет . . . Верхний город. Налог удвоен. Благополучие и нравственность возрастают. Две женщины умерли голодной смертью. Трое мужей избили своих жён. Десять жён избили своих мужей. Тридцать краж. Два убийства. Три отравления. Происшествий нет».

— И это всё, что вы знаете? — рассердился Мушамель. — Стало быть я, который вовсе и не обязан знать, что происходит в государстве, осведомлён гораздо лучше вашего. Мне, например, известно, что, не далее как сегодня, какой-то бездельник проехал по дворцовой площади верхом на вязанке дров и одним взглядом так очаровал мою дочь, что она хочет выйти за него замуж.

— Ваше Величество, — ответил Мистигрис, не моргнув глазом, — разумеется, я знаю об этом — министр знает всё! — но я не смел беспокоить ваше величество такими пустяками. Этого человека повесят — и дело с концом!

— Ах, так вы знаете, где он, этот негодяй?

— Конечно, ваше величество, — ответил Мистигрис. — Министр всё видит и всё слышит . . .

— Прекрасно, — сказал король. — Но если через четверть часа этот плут не будет здесь, вы сдадите дела министерства людям, которые не только всё видят и слышат, но и действуют. Ступайте!

Мистигрис, приятно улыбаясь, вышел из покоев короля. Но чуть только дверь за ним закрылась, он весь побагровел, словно от удушья, и, чтобы не упасть, вынужден был опереться на первую дружескую руку, которая ему подвернулась. Это была рука городского префекта, который по счастливой случайности оказался в королевской приёмной.

Мистигрис прошёл два шага, потом схватил префекта за ворот и сказал, отчеканивая каждое слово:

— Сеньор, если через десять минут вы не приведёте ко мне человека, разъезжающего по Салерно верхом на вязанке дров, я вас уничтожу. Слышите? У-ни-что-жу! Ступайте!

Ошеломлённый этой угрозой префект побежал к начальнику полиции:

— Где человек, разъезжающий верхом на вязанке дров?

— На вязанке дров?— удивился тот.

— Попрошу не рассуждать!— закричал префект.— Я этого не потерплю. Вы не знаете своих обязанностей. Если через пять минут этот мошенник не будет здесь, я вас выгоню. Слышите! Вы-го-ню! Ступайте!

Начальник полиции побежал к дежурным полицейским, которые охраняли общественное спокойствие, играя в кости.

— Бездельники!— закричал он.— Если через три минуты вы не приведёте ко мне человека, который разъезжает по Салерно верхом на вязанке дров, я прикажу избить вас до полусмерти. Слышите? До по-лу-смер-ти! Бегом — и ни слова!

Полицейские, ругаясь на чём свет стоит, выбежали на улицу. А Мистигрис, вполне уверенный в чудодейственной силе своего приказа, сложил губы в приятную улыбку и опять отправился к королю, слегка прихорашиваясь и бодро отдуваясь, как человек, легко и весело несущий бремя государственных забот.

VII

Министр шепнул на ухо два слова своему повелителю, и лицо доброго короля просияло. Итак, всё устраивается как нельзя лучше! Колдуна сожгут, и это маленькое происшествие, без сомнения, прославит царствование кроткого Мушамиеля Девятого и навсегда останется для благородного потомства доказательством его милосердия и мудрости.

Одно только смущало короля — это неутешные слёзы бедной Алели.

Но государственный ум Мистигриса помог и в этом затруднении. Министр подмигнул королю и, подойдя к принцессе, сказал ей, стараясь смягчить свой пронзительный голос:

— Не плачьте, ваше высочество! Жених не должен видеть вас в слезах. Подите к себе, наденьте свой самый пышный наряд, чтобы показаться ему во всём блеске вашей красоты. Тогда, взглянув на вас, он сразу поймёт, какое счастье его ожидает.

— Верно ли я вас поняла, мой добрый Мистигрис? — воскликнула Алели. — О, благодарю вас, отец, благодарю!

Она бросилась обнимать короля, который до того растерялся, что не мог вымолвить ни единого слова.

Не чуя под собой ног от радости, принцесса выбежала из королевских покоев и первому встречному офицеру сама объявила о своей свадьбе.

— Добрый юноша, — сказала она, — мой жених сейчас придёт сюда! Устройте ему торжественную встречу и будьте уверены, что мы сумеем оценить вашу услугу.

Оставшись наедине с Мистигрисом, король гневно посмотрел на своего министра.

— Вы что — с ума сошли? — сказал он. — Как вы осмелились давать за меня слово в моём присутствии? Кажется, вы считаете себя хозяином не только в моём

королевстве, но и у меня в доме! . . Кто вам позволил распоряжаться по-своему мною и моей дочерью?

— Ваше Величество,— невозмутимо ответил Мистигрис,— прежде всего надо было успокоить принцессу, а дальше видно будет. Политика никогда не заботится о завтрашнем дне. У всякого дня — своя забота.

— А моё слово?

— Вы не сказали ни слова, ваше величество.

— Но это всё равно, что дать слово. И, если я теперь возьму его назад, меня будут считать лжецом . . .

— Государь,— сказал Мистигрис,— само собой разумеется, король никогда не берёт своего слова назад . . . Но есть множество способов сдержать слово, не сдержав его.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ваше Величество,— сказал Мистигрис,— давайте спокойно обсудим положение. С одной стороны, вы ничего не обещали принцессе; с другой стороны, своим молчанием вы как бы одобрили её брак. Что ж, пусть принцесса выйдет замуж за своего избранника. А после церемонии мы поступим по закону, который гласит:

«Если дворянин, не имеющий звания барона, желает взять в жёны принцессу королевской крови, с ним надлежит поступить как с дворянином, то есть отрубить ему голову».

«Если дерзкий окажется горожанином — с ним надлежит поступить как с горожанином, то есть повесить его».

«Если же это будет простой мужик — его следует утопить, как собаку».

— Видите, ваше Величество, как легко сочетать родительскую любовь и правосудие! У нас в Салерно столько всяких законов, что всегда можно подобрать подходящий к случаю.

— А ведь вы, Мистигрис, изрядная каналья,— сказал Мушаммель, посмеиваясь.

— Государь, вы мне льстите!— ответил Мистигрис,

раздуваясь от гордости.— Я всего-навсего ваш преданный слуга и готов положить жизнь . . .

— Ну хорошо, хорошо! . . .— прервал его король.— Довольно слов, перейдём к делу. Найти, повенчать, утопить — вот всё, что я от вас хочу.

VIII

Конечно, слава — хорошая вещь, но и она имеет свои неудобства. Прощай, спокойная жизнь! Всякий бездельник считает своим священным и неотъемлемым правом знать лучше вашего, о чём вы думаете, что любите и чего хотите.

Зербино ещё не успел продать свою волшебную вязанку, а уже в Салерно не было ни одного мальчишки, который бы не знал, где он живёт, что ест на ужин, сколько ему лет и как звали его бабушку. Поэтому полицейским ничего не стоило исполнить приказ начальства и разыскать знаменитого дровосека.

Они ворвались к нему во двор как раз в ту минуту, когда Зербино, стоя на коленях, точил свой старый топор, то и дело пробуя лезвие на ногте большого пальца. Вдруг чья-то рука схватила его за шиворот и одним рывком поставила на ноги. Десять затрещин, двадцать подзатыльников — и он очутился на улице.

Таким образом Зербино узнал, что министр интересуется его особой и сам король желает его видеть.

Мудрость и глупость ничему не удивляются. Неизвестно, по какой из этих причин, но Зербино никогда не удивлялся. Не удивился он и на этот раз. Заложив руки за пояс, он спокойно шагал, не обращая внимания на пинки, которые так и сыпались на него градом со всех сторон.

Но всякому терпению приходит конец.

— А нельзя ли потише? — сказал Зербино, когда тяжёлый удар в спину чуть не сбил его с ног.

— Скажите какие нежности! — усмехнулся полицейский. — Не прикажете ли надеть перчатки и вести вас под ручку?

— Хотел бы я, чтобы кто-нибудь из вас оказался на моём месте! — сказал Зербино. — А я бы посмотрел, как вы тогда стали бы смеяться.

— Молчать, мошенник! — и полицейский с размаху отвесил Зербино такой удар, которым можно было бы свалить даже быка.

Но, должно быть, он плохо рассчитал или неловко замахнулся: кулак его почему-то миновал затылок Зербино и угодил прямо в глаз одному из конвойных. Тот рассвирепел от боли и, не говоря ни слова, вцепился в волосы обидчику. Остальные кинулись их разнимать.

Удары посыпались, как горох из дырявого мешка: сверху, снизу, справа, слева . . . Началась такая потасовка, что небу стало жарко. Женщины рыдали, дети кричали, собаки лаяли. Пришлось вызвать другой отряд полицейских, чтобы навести порядок и арестовать тех, кто бил, тех, кого били, и тех, кто на это глядел.

А Зербино как ни в чём не бывало засунул руки в карманы и отправился во дворец один.

На дворцовой площади он увидел длинную вереницу нарядных господ, разодетых в шитые золотом камзолы и короткие атласные панталоны. Это были придворные лакеи во главе со старшим лакеем и мажордомом. По распоряжению принцессы они вышли встречать жениха.

Так как им было приказано встретить его с подобающими почестями, они всё время улыбались и низко кланялись, держа шляпы в руках.

Как человек вежливый, Зербино ответил на поклоны поклоном. Придворные лакеи согнулись чуть не вдвое. Зербино ответил ещё вежливее.

Лакеи поклонились ещё ниже.

Так кланялись они друг дружке восемь или десять раз подряд. Зербино устал первый. Он не был воспитан при дворе и не привык гнуть спину.

— Довольно, довольно! — закричал он. — Знаете, как это у нас в песне поётся:

Дама кавалеру
улыбнись,
улыбнись!
Кавалер красотке
поклонись,
поклонись!
После трёх улыбок
поцелуй,
поцелуй!
После трёх поклонов
потанцуй,
потанцуй!

С меня хватит улыбок и поклонов. Попляшите-ка теперь!

И лакеи, не переставая кланяться, запрыгали, словно кузнечики на лугу.

Так, приплясывая и кланясь, они проводили Зербино во дворец.

IX

Король Мушаммель сидел на троне. Справа от него расположились дамы — принцесса и её фрейлины, слева — Мистигрис и придворные кавалеры.

Чтобы придать себе величественный вид, король Мушаммель смотрел на кончик собственного носа.

Принцесса Алели вздыхала. Мистигрис чинил перья и с видом заговорщика подмигивал одним глазом королю, а другим — принцессе. Придворные стояли непо-

движно и глядели задумчиво, как будто и в самом деле о чём-то думали.

Вдруг дверь отворилась. Танцуя сарабанду и раскланиваясь в такт, появились мажордом и лакеи во главе со старшим лакеем.

Эта непривычная и несвоевременная пляска чрезвычайно удивила весь двор. Но все ещё больше удивились, когда вслед за танцующими в залу преспокойно вошёл Зербино, в своей старой куртке и помятой шапке. Он один ничем не был удивлён и поглядывал по сторонам так равнодушно, как будто родился во дворце и весь век ходил по бархатным коврам и сидел в золочёных креслах.

Однако, увидев короля, он сразу догадался, что это и есть хозяин дома, и остановился посреди залы.

Сняв шапку и прижимая её обеими руками к груди, он вежливо поклонился. Потом снова надел шапку на голову, удобно уселся в кресло и для развлечения стал легонько шевелить носком башмака.

Это так понравилось принцессе, что она вне себя от восторга бросилась на шею королю.

— Ах, отец,— закричала она,— надеюсь, вы теперь сами видите, как хорош тот, кого я избрала!

— Вижу, вижу,— пробормотал полузадушенный её объятиями Мушаммель.— Мистигрис, допросите-ка этого человека. Только поосторожнее. Да, нечего сказать, происшествие! Ах, как счастливы были бы отцы, если бы у них не было детей!

— Не беспокойтесь, ваше величество,— ответил Мистигрис.— Моё правило — справедливость и великодушие.— И, обернувшись к Зербино, крикнул:— Встань, мошенник! И, если тебе дорога твоя шкура, отвечай прямо: кто ты такой? . . Молчишь, негодяй? Значит, ты колдун!

Зербино ничего не ответил и только пожал плечами.

— Теперь мне всё ясно!— сказал Мистигрис.— Твоё заpiresательство подтверждает твою вину. Не желая ни в чём признаться, ты выдаёшь себя своим молчанием.

Зербино усмехнулся.

— Ну, конечно!— сказал он.— А вот если бы я признался во всех смертных грехах, то это значило бы, что я невинен, как новорождённый ягнёнок.

— Государь!— закричал Мистигрис. (Во гневе он бывал ещё красноречивее, чем всегда).— Государь, свершите правосудие! Спасите ваше королевство, спасите мир от этого чудовища! Нет казни, которой бы не заслужил такой закоренелый преступник!

— Эк его разобрало!— сказал Зербино, покачивая головой.— Ну, словно с цепи сорвался!.. Ладно уж, лай себе сколько твоей душе угодно, только не кусайся.

Мистигрис словно поперхнулся. Глаза у него налились кровью, зубы оскалились.

— Гав, гав!.. — залаял он.— Ваше величество!.. Гав, гав, гав, гав!.. Всем известно ваше милосердие и справедливость... Гав, гав, гав!.. Милосердие повелевает вам позаботиться о ваших подданных и избавить их от этого колдуна... Гав, гав, гав!.. Справедливость требует, чтобы его повесили или сожгли... Гав, гав, гав!.. Вы отец... гав, гав!.. но вы и король... гав, гав! А король... гав, гав, гав!.. должен победить отца... гав, гав, гав!..

— Мистигрис,— сказал король,— спокойнее, спокойнее! Вы говорите горячо, но как-то сбивчиво. К чему столько лишних слов и восклицаний! Что вы предлагаете?

— Государь!— ответил министр,— верёвка, огонь, вода — вот что я предлагаю! Гав, гав, гав!.. — И он залаял хриплым лаем.

Король вздохнул и пожал плечами. А принцесса Алели решительно встала со своего места и, перейдя через залу, села рядом с Зербино.

— Решайте, государь! — сказала она. — Это мой муж. Его судьба будет и моей судьбой.

Все дамы ахнули и в смущении закрылись веерами. Даже Мистигрис счёл нужным покраснеть.

А король схватился за голову и воскликнул:

— Несчастная, ты сама произнесла свой приговор! Эй, стража! Взять этих людей, немедленно обвинить их в придворной часовне, а потом посадить на первый попавшийся корабль, — и пусть плывут, куда гонит ветер. А с меня довольно! . .

Стража сейчас же окружила Зербино и принцессу и увела их из залы. А Мистигрис подошёл к королю.

— О мой повелитель! — воскликнул он. — Вы величайший король в мире! Ваша доброта, снисходительность и милосердие будут служить примером и вызывать удивление потомков. Ах, как расскажет об этом завтра «Официальная газета»! Нам же, потрясённым царственным великодушием, остаётся только молчать и восхищаться.

Но король не слушал его.

— Моя бедная девочка, — сказал он, вытирая слёзы, — что станет с нею? . . Эй, стража! Взять господина Мистигриса и посадить на тот же корабль. Для меня будет утешением думать, что этот пройдоха — возле моей дорогой Алели. К тому же смена министра — это всё-таки некоторое развлечение, а мне в моём родительском горе так нужно хоть немного развлечься и рассеяться . . . Прощайте, старина Мистигрис!

Министр открыл было рот, чтобы проклять королей и их неблагодарность, но в эту минуту его подхватили под руки, вывели из дворца и силой втокнули на корабль.

Корабль отчалил.

А добрый король Мушамииль отёр слезу, скатившуюся по носу, и заперся в парламенте на ключ, чтобы никто больше не мог помешать его послеобеденному отдыху.

Ночь была тихая, лунная. Береговой ветер нёс корабль вперёд, и вот уже вдали показался остров Капри, поднимавшийся из волн, точно корзина цветов.

Зербино правил рулём и напевал какую-то песенку — матросскую, может быть, или песню дровосеков. У его ног сидела принцесса Алели, не сводя глаз со своего возлюбленного. Прошрое она позабыла, о будущем не думала. Ей было всё равно, куда плыть, только бы плыть с Зербино.

Что касается Мистигриса, то ему путешествие вовсе не доставляло такого удовольствия, как принцессе Алели. Он метался по палубе, точно медведь в клетке, и кричал:

— Что станется с нами на этой жалкой посудине? Мы пропадём! Мы непременно пропадём! Ах, если бы этот колдун и в самом деле был колдуном! . . Он мог бы, по крайней мере, сделаться владетельным князем или даже королём, а меня назначить своим первым министром. Я просто чувствую потребность чем-нибудь управлять . . . Ну, долго ли мы ещё будем болтаться между небом и землёй? Говорите же! И о чём только вы думаете? . .

— Я проголодался,— сказал Зербино.

Алели поднялась с места.

— Друг мой,— сказала она,— я пойду поищу чего-нибудь. Скажите мне, чего бы вы хотели.

— Апельсинов и винограда,— ответил Зербино.

И в ту же минуту, опрокинув Мистигриса, прямо у него из-под ног появилась огромная корзина с апельсинами и виноградом.

«Ага,— подумал Мистигрис, поднимаясь на ноги,— теперь-то я узнал твою тайну, бездельник! Оказывается, ты и в самом деле колдун. Ну что ж . . . Раз всякое твоё желание сбывается, так и мои желания сбудутся.

Недаром же я был министром у самого короля Мушамие-ля. Я и тебя заставляю желать того, чего захочу я».

Согнувшись в три погибели и сладко улыбаясь, Мистигрис подошёл к Зербино.

— Синьор Зербино,— сказал он,— я прошу высокой чести быть другом вашей светлости. Может быть, ваша светлость не совсем верно поняли то, что я прятал под вынужденной суровостью моих слов. Но, клянусь честью, всё, что я говорил и делал, было сказано и сделано только для того, чтобы ускорить ваш счастливый брак. Смею надеяться, что вы и впредь позволите мне служить вам, чтобы я мог доказать свою глубочайшую преданность вашей светлости. Я ваш раб, приказывайте мне!

— Пододвиньте-ка поближе апельсины и виноград,— сказал Зербино.— Я чертовски проголодался!

— Вот они, синьор!— Мистигрис пододвинул корзину с ловкостью придворного лакея, а сам подумал: «Мужик! Невежа! Он меня просто не слушает. Нет, надо сначала склонить на свою сторону Алели. Это, пожалуй, будет попроще — как-никак, она выросла при дворе».

И, растянув губы в улыбке, он снова заговорил:

— Кстати, синьор Зербино, не думаете ли вы, что вам следует сделать своей молодой жене свадебный подарок?

Зербино удивился.

— Свадебный подарок?— переспросил он.— Да откуда же я его возьму? Со дна моря, что ли, выудить?

— А хоть бы и со дна моря. Вам стоит только захотеть...

Зербино пожал плечами.

— Вот чудак!— сказал он.— Ну и отправляйся за этим подарком на морское дно, если уж тебе тут не сидится. А меня оставь в покое.

В ту же минуту Мистигрис, словно подхваченный чьей-то невидимой рукой, перелетел через борт и камнем врезался в воду.

А Зербино вытащил из корзины новую кисть винограда и стал преспокойно её ошиповать. Алели смотрела ему в глаза.

Вдруг вода за бортом забурилась и чья-то круглая, покрытая тиной голова мелькнула среди пены.

— Это, наверно, морская свинья, — сказала Алели.

— Нет, сухопутная, — ответил Зербино и, перегнувшись через борт, вытащил мокрого и фыркающего, как дельфин, Мистигриса.

И тут принцесса и Зербино увидели странную вещь: в зубах у толстяка сверкал, как звезда ночью, огромный великолепный алмаз.

Отплёвываясь и кланяясь, Мистигрис сказал:

— Вот подарок, который король рыб преподносит прекрасной Алели . . . Теперь вы видите, синьор Зербино, что перед вами самый верный, самый покорный раб? Если когда-нибудь вы захотите сформировать маленькое правительство, доверьте мне . . .

— Дайте-ка ещё апельсинов и винограда! — перебил его Зербино.

Мистигрис пододвинул к нему корзину.

— Синьор, — сказал он вкрадчиво, — не кажется ли вам, что эта жалкая барка, плывущая по воле ветра и волн, недостойна нести на себе принцессу Алели, самую благородную и прекрасную из всех принцесс!

— Перестаньте, Мистигрис! — сказала Алели. — Мне хорошо и здесь. Я ни о чём не прошу и ни о чём не жалею.

— Однако, госпожа моя, — сказал Мистигрис, — припомните, когда граф Капри предлагал вам свою руку, он послал в Салерно великолепный корабль красного дерева, весь украшенный золотом и слоновой костью. А матросы, одетые в бархат? . . А шёлковые снасти? . . А три зеркальные каюты? . . Вот что приготовил для вас какой-то ничтожный граф. Я уверен, что синьор

Зербино не захочет отстать от него — ведь он так могуществен, так добр, так . . .

— Этот старичок может оглушить своей болтовней, — вздохнул Зербино. — Говорит, говорит . . . Право, я не прочь иметь такой корабль, хотя бы только для того, чтобы заткнуть глотку болтуну. Надеюсь, это бы его успокоило хоть на часок.

Не успел он произнести эти слова, как принцесса Адели вскрикнула: «Посмотрите!» — и схватила его за руку. Дровосек вздрогнул и оглянулся . . . Что это? Как очутился он на этом великолепном корабле с белоснежными парусами, похожими на лебединые крылья, с шёлковым шатром над палубой и алебастровыми лампами, освещающими каждый уголок? . . . Проворные матросы ловко и бесшумно делали своё дело.

Мистигрис оживился. Вот наконец занятие для человека, привыкшего управлять! Он кинулся распоряжаться, подгонять, приказывать . . .

Но матросы не обращали на него ни малейшего внимания, будто его совсем не было на палубе. Даже самый маленький юнга и тот не нашёл нужным выслушать его и что-нибудь ответить.

Однако Мистигрис не унывал. Он опять вернулся к Зербино и, самодовольно улыбаясь, сказал:

— Надеюсь, ваша светлость довольны моим усердием и стараниями? Поверьте, всё, чего я хочу, — это заслужить вашу благосклонность!

— Замолчи, болтун! — сказал дровосек. — Я хочу спать. Запрещаю тебе говорить до завтрашнего утра.

Мистигрис хотел пожелать ему спокойной ночи и сказать на прощанье что-нибудь любезное, но, к своему великому изумлению, не мог выговорить ни слова. Не зная, как скоротать время до завтрашнего утра, он отправился в одну из зеркальных кают и улёгся спать.

ХІ

«Всё надоедает, даже счастье». — говорит пословица.

Можете себе представить, как надоело Мистигрису плыть неизвестно куда и неизвестно зачем да ещё всё время молчать! Он только и думал о том, как бы заставить Зербино высадиться на сушу.

Однако действовать надо было осторожно. А то, чего доброго, этот мужик вспомнит, кто он такой, и опять возьмётся за топор. Попробуй-ка тогда стать министром у дровосека!

Едва только Мистигрис снова обрёл дар речи, он пошёл разыскивать Зербино.

Дровосек и принцесса сидели на корме и о чём-то беседовали. Мистигрис остановился, прислушался, и волосы стали у него дыбом.

— Мой друг, — говорила Алели, — подумайте, как были бы мы счастливы, если бы поселились где-нибудь тут, на берегу, вдали от всех, в маленькой лесной хижине . . .

— Да . . . — задумчиво сказал Зербино. — Завести корову, кур . . . Это было бы неплохо.

Мистигрис почувствовал, что почва уходит у него из-под ног, и он решительно выступил вперёд.

— Ах, синьор! . . — закричал он. — Посмотрите же! Посмотрите скорее! . . Как это прекрасно!

— Что такое? — спросила принцесса. — Где? Я ничего не вижу.

— А я и того меньше, — сказал Зербино, хлопая глазами.

— Как? Вы не видите этого сверкающего на солнце мраморного дворца? — удивился Мистигрис. — Не видите эту широкую лестницу, спускающуюся к самому морю среди апельсиновых деревьев и роз?

— Дворец? — испугалась Алели. — Я не хочу во дворец! Опять скучные придворные дамы, назойливые

лакеи, опять притворство, сплетни, лесь! . . Нет, нет, я не хочу! Уедем отсюда поскорее!

— Это верно,— согласился Зербино.— Чего мы не видели во дворце!

— Такого дворца, синьор, вы не видели никогда!— закричал Мистигрис не своим голосом.— Он не похож ни на один дворец на свете. В нём нет ни придворных, ни лакеев. Там прислуживают невидимки. Там у столов и кресел есть руки, а у стен — уши!

— А языки у них есть?— спросил Зербино.

— Нет . . . то есть да,— сказал Мистигрис.— Они говорят, когда их спрашивают, и молчат, когда их не спрашивают.

— Значит, они умнее тебя,— сказал дровосек.— Что ж, пожалуй, я бы хотел иметь такой дворец. Только где же он? Я его не вижу.

— Он перед вами, ваша светлость!— сказал с торжеством Мистигрис.

И в самом деле, корабль уже подошёл к берегу, на котором высился сияющий золотом и мрамором дворец, самый светлый и весёлый, какой только можно было себе представить.

Зербино, принцесса Алели и Мистигрис сошли с корабля и стали подниматься по широкой белой лестнице, среди магнолий и роз.

Мистигрис шёл впереди, отдуваясь на каждой ступеньке.

Подойдя к решётчатым дворцовым воротам, он хотел позвонить, но звонка нигде не оказалось.

— Эй, кто там! . . — закричал Мистигрис и стал стучать и трясти решётку изо всех сил.

— Что тебе надо, чужеземец?— металлическим голосом спросила решётка.

— Я хотел бы видеть владельца этого дворца,— сказал Мистигрис с некоторой робостью. (Дело в том, что

ему ещё никогда не приходилось разговаривать с кованым железом).

— Этот дворец принадлежит синьору Зербино, — ответили ворота. — Когда он подойдёт, мы откроемся. Не стучите понапрасну и не трясите нас.

В эту минуту к воротам подошёл Зербино под руку с прекрасной Алели.

Ворота почтительно распахнулись и пропустили их обоих, а заодно и Мистигриса, который семенил сзади.

Они вышли на террасу и невольно остановились, глядя на бесконечное небо, сверкающее в лучах утреннего солнца.

— Как хорошо! — сказала Алели. — Не хочется уходить отсюда.

— Да, славно, — ответил Зербино, опускаясь на каменные плиты. — Давайте-ка посидим здесь немного.

Но Мистигрис был вовсе не охотник сидеть на каменном полу.

— Разве тут нет кресел? — спросил он.

— Мы здесь, мы здесь! — закричали дружно чьи-то бархатные голоса, и три мягких кресла вбежали на террасу со всех четырёх ног — так быстро, как только позволяли их коротенькие выгнутые ножки.

Мистигрис плотно уселся в одно из кресел.

— А не хотите ли вы теперь позавтракать, синьор Зербино? — спросил он.

— Хочу, — сказал Зербино. — Только где же у них тут стол? Вы не видите?

— Здесь, здесь! — ответил густой, низкий голос, и великолепный стол красного дерева степенно и неторопливо подошёл и стал перед ними.

— Это восхитительно! — сказала принцесса. — Но где же кушанья?

— Мы здесь, мы здесь, мы здесь! — закричали наперебой голоса — звонкие, как серебро, и чистые, как хрусталь.

И целый полк блюд, тарелок и тарелочек, ножей, вилок, графинов, стаканов, солонок и соусников в один миг выстроился на столе.

Такого завтрака не подавали даже во дворце у короля Мушамиеля.

— Ну, ваша светлость, — сказал Мистигрис, — довольны ли вы теперь вашим покорным слугой? Не могу скрывать от вас, что всё это — дело моих рук.

— Ты лжёшь! — прогремел у него над головой чей-то голос.

Мистигрис обернулся, но нигде никого не было. Это заговорила колонна, поддерживающая свод галереи.

— Надо быть каменным, как столб, чтобы не оценить чистоты моих намерений, — сказал Мистигрис, с упрёком глядя на колонну. — Никто не может заподозрить меня в неискренности. Я всегда говорил и говорю правду . . .

— Ты лжёшь! — загремело со всех сторон.

«Что за гнусное место! — подумал Мистигрис. — Если даже стены говорят тут правду, то в этих стенах никогда нельзя будет устроить королевский дворец. И, стало быть, я никогда не буду тут министром двора. Нет, всё это надо переделать! . . .»

— Синьор Зербино, — начал он опять, — вместо того, чтобы жить в полном одиночестве и беседовать только со стульями, лестницами и воротами, не лучше ли вам милостиво править каким-нибудь добрым народом, который платил бы вам небольшие подати, содержал маленькую армию и окружал вас любовью и преданностью?

— Одним словом, сделаться королём? — спросил Зербино. — Это чего же ради?

— Мой друг, не слушайте его! — сказала Алели. — Остаемся здесь вдвоём. Нам будет так хорошо!

— Втроём, — поправил Мистигрис. — Для меня такое счастье быть подле вас! Больше я ничего не желаю!

— Ты лжёшь! — опять загудело наверху.

— Да что же это? . . Синьор, никто не смеет сомневаться в моей преданности!

— Лжёшь! Лжёшь! . . — загудело во всех углах.

— Синьор Зербино, не слушайте их! — закричал Мистигрис в тревоге. — Я вас уважаю. Я вас обожаю! Клянусь вам . . .

— Лжёшь! — закричали на все голоса стены, колонны и ступеньки.

— Лжёшь! — зазвенели тарелки и стаканы.

— Лжёшь! — закричали стол и кресла и даже затопали ногами.

— Ну, если ты всё время лжёшь, — сказал Зербино, — так убирайся на луну. Недаром же люди врут, что там страна врунов.

Едва он произнёс эти неосторожные слова, как Мистигрис взлетел на воздух, поплыл, словно мыльный пузырь, и пропал за облаками.

Вернулся ли он когда-нибудь на землю? Неизвестно. Некоторые историки утверждают, что он опять появился при каком-то королевском дворе и даже занимает пост министра, но под другим именем. Достоверно только одно: он никогда не показывается там, где говорят правду.

XII

Зербино и принцесса Алели остались одни. Взявшись за руки, они пошли осматривать свои владения.

Всё кругом было прекрасно. Справа и слева дворец окружала роща с говорливыми ручейками. Зелёные дубы, тёмно-красные буки, лиственницы в тонких, нежных иглах и широколиственные платаны бросали на землю узорную тень.

Цветущие апельсиновые деревья осыпали траву лёгкими лепестками.

В листве переговаривались, звеня, какие-то весёлые птички.

Зербино смотрел по сторонам. Алели смотрела на Зербино.

— Друг мой, вы довольны? — спросила она.

— А чего мне ещё хотеть? — ответил Зербино. — Вот завтра возьмусь за работу. Тут славные деревья, можно будет нарубить больше сотни вязанок.

— Ах, — вздохнула Алели, — вы меня не любите!

— То есть как это — не люблю? — удивился Зербино. — Я вам не желаю никакого зла. Даже наоборот. Вот хотите? Этот дворец будет ваш. Напишите вашему отцу, позовите его в гости, если это доставит вам удовольствие. А мне всё равно. Вы уж не взыщите, если я вас чем-нибудь обидел . . . Я ведь дровосек . . . Дровосеком родился, дровосеком и умру! Да вы не плачьте! Чего ж тут плакать? . .

Алели залилась слезами.

— Ах, Зербино! — воскликнула она. — Чем я провинилась, что вы так жестоки со мной? Верно, я очень дурна и зла, если вы совсем, совсем не хотите меня любить!

— Ещё чего выдумаете! — Зербино развёл руками. — Я своё место знаю. Да полно вам плакать, это ни к чему не поведёт. И далась же вам эта любовь! Ну вот, опять слёзы! . . Да хорошо, хорошо, если уж вам так хочется, я тоже хочу любить вас!

И вдруг Зербино схватился за сердце, кровь отлила от его щёк, он посмотрел на Алели глазами, полными слёз, и прошептал прерывающимся голосом:

— Я вас люблю, Алели! Я люблю вас!

Не веря своим ушам, Алели взглянула на него и поняла, что и это желание Зербино исполнилось, как и все другие.

Что сказать в заключение?

Говорят, что король Мушамиль, узнав, где находится принцесса Алели, приезжал навестить дочь и зятя, но

провёл с ними всего один день, так как опасался, что радость свидания может повредить его здоровью.

А Зербино и Алели счастливо прожили до ста лет (а может быть, и дольше) в прекрасном замке, который подарила им фея вод.

И если вы тоже хотите быть счастливыми, знайте: прежде всего надо научиться желать.

То, чего вы сильно хотите, непременно сбудется.

КАК ПЕТУШОК ПОПАЛ НА КРЫШУ

Испанская сказка

Жила-была на птичьем дворе прекрасная чёрная курица. На голове она носила маленькую корону, как испанская королева. А на ногах у неё были широкие штаны, как у турецкой султанши. По пятам за ней ходила дюжина цыплят — шесть курочек и шесть петушков.

Курочки были похожи на свою мать, а петушки — на отца, самого храброго и галантного петуха во всей Кастилии.

Мальчики уже немного умели кричать «ку-ка-ре-ку»,

а девочки премило кудяхтали. Все они были очень умные и красивые цыплята.

Но был у курицы ещё один сынок — тринадцатый. Вот уж этот несколько не походил ни на отца, ни на мать. Сказать по правде, он ни на что не был похож, этот тринадцатый цыплёнок, — у него не хватало одной лапки, одного крыла и одного глаза.

Цыплёнок скакал по двору на одной ноге, размахивая одним крылом и посматривая вокруг одним глазом. Но это не мешало ему кричать громче всех и выхватывать из материнского клюва зёрна и червяков вдвое быстрее, чем это делали все его двуглазые и двуногие сёстры и братья.

Казалось бы, уж если вы уродились на свет хромым, кривым и однокрылым, самое лучшее и разумное для вас — вести себя скромно. Но, должно быть, у этого тринадцатого цыплёнка не хватало не только ноги, но и ума в голове. Во всяком случае, он вёл себя задорнее и горделивей, чем все боевые петухи от Бургоса до Мадрида.

Он никому не желал уступать дорогу, никого не удостаивал своей дружкой, ни с кем не хотел делиться ни добычей, ни подачкой.

Целыми часами простаивал он над какой-нибудь канавкой, полной воды, или над лужей, которая никогда не просыхает подле колодца, и, слегка склонив голову набок, любовался своим отражением.

А так как, по обычаю всех петухов, он от восторга закрывал глаза, — вернее было бы сказать, один-единственный глаз, — то ему и казалось, что он самая прекрасная и важная птица на свете.

Если куры начинали громче обычного кудяхтать на своём насесте, он говорил, что это они раскудахтались с досады на то, что он глядит на них только одним глазом.

Если кто-нибудь из братьев нечаянно толкал его или выхватывал у него из-под носа червяка, он кричал:

— Всё зависть! Всё ку-ку-ревность! — и сразу кидался в драку.

Всякое чужое «ку-ку-ре-ку» выводило его из себя. Но как он ни старался перекрычать всех своих братьев — родных, двоюродных и троюродных, — это ему никак не удавалось: вокруг было слишком много петухов, ещё более горластых, чем он.

И вот в конце концов он решил попросту покинуть этот жалкий птичий двор, где только и умеют, что кудахтать да дремать, сидя на насесте.

— Матушка, — сказал он. — Испания мне надоела! Я отправляюсь в Рим.

— Куда? Куда? — закричала в ужасе курица.

— В Рим! — сказал тринадцатый цыплёнок. — Мне хочется видеть римского папу. Да и ему, конечно, будет интересно поглядеть на меня.

— Что ты, мой мальчик, — сказала бедная курица, — ведь это страшно далеко! Ты заблудишься.

— Пустяки! — ответил цыплёнок. — Все дороги ведут в Рим.

— Предположим, — сказала курица. — Но будь уверен, что задний двор, на котором ты родился, стоит любого двора, даже королевского. Нигде на свете ты не найдёшь такого уютного курятника, выбеленного чистейшей извёсткой, таких тенистых шелковичных деревьев, под ветвями которых можно укрыться и от дождя и от зноя, такой огромной, такой величественной, такой душистой кучи навоза! . . . А сколько здесь червей! Ведь их и разыскивать не нужно — наклони голову и клюнь! Наклони голову и клюнь! Я уж не говорю о том, что здесь ты окружён любящей родней. Все петухи и куры вокруг — наши двоюродные и троюродные . . . И, кроме того, три великолепных сторожевых пса днём и ночью охраняют нас от лисицы. Не забывай этого, дитя моё!

— Ах, это-то мне и невыносимо!— сказал цыплёнок и махнул своим единственным крылом.— Эти ищейки не дают нам шагу ступить. Собаки! А уж что касается родни, так будем откровенны, матушка: мои братцы и сёстры только и умеют горланить да кудахтать, у всех моих двоюродных — куриные мозги, а троюродные ещё в скорлупе были настоящими болтунами. Нет, и не уговаривайте меня! Я ни за что не останусь в этой дыре. Я хочу видеть свет и хочу, чтобы свет увидел меня!

— Ты хочешь, чтобы свет увидел тебя?— спросила курица грустно.— Но разве ты никогда не гляделся в лужицу, друг мой? Разве ты не знаешь, что у тебя не хватает лапки, глаза и крыла? Ох, и тем, кто смотрит в оба, не так-то легко уберечься от всяких бед, а что будет с тобой, мой бедный одноглазый мальчик!

— Вы скоро это узнаете,— ответил тринадцатый цыплёнок и вытянул шею так гордо, как это умеют делать только кастильские петухи.— Да, я не похож на своих братьев, но и я вылупился из яйца для того, чтобы удивить свет и занять в нём высокое положение. Моё место не здесь, на этой навозной куче, среди глупой домашней птицы. Прощайте, матушка! В Рим! В Рим!

— погоди же, погоди, дитя мое!— закричала курица.— Дай мне обнять и благословить тебя!

— Вы слишком чувствительны, матушка,— ответил цыплёнок.— А впрочем, если это вам доставит удовольствие . . . — И он наклонил голову.

— Выслушай меня, сын мой,— сказала курица, приподнимая лапку.— Два-три совета — это всё, что я могу дать тебе на дорогу. Во-первых, избегай поваров и поварят — их легко узнать по белым колпакам, передникам и ножам, которые они носят сбоку, за поясом. У этих людей нет ни стыда, ни совести. Они настоящие разбойники. Им ничего не стоит зарезать нас среди бела дня и ощипать до последнего пёрышка . . . Во-вторых, будь услужлив, приветлив и учтив. Недаром говорят:

«Кто меняет в дороге коня на осла — сам осёл; кто меняет услугу на услугу — мудрец». Я сама помню один случай . . .

— Извините меня, матушка, — перебил её цыплёнок. — Всё это очень интересно, но мне, к сожалению, некогда, я должен спешить. Передайте моё нижайшее кукуреку братьям, сёстрам и прочей родне.

И с этими словами он распустил хвост по ветру, добежал до полуоткрытой калитки, перескочил через порог, и не успела курица опомниться, как он уже скрылся из виду.

Смахнув слезу, она поплелась в тень старых шелковиц, чтобы поискать червей и немного забыться.

А в это время её тринадцатый сын уже мчался в полскака, в поллёта по полям, по лугам, по дорожкам и тропинкам — прямо к оливковой роще, которую он приметил вдали.

Сначала путешествие его было очень приятным. Он скакал, летел, бежал, наслаждаясь утренней прохладой, останавливался, чтобы отдохнуть и подкрепиться несколькими зёрнышками, расклевать гусеницу или, как говорится, заморить червячка, а потом опять бежал, летел, скакал . . .

Но когда солнце поднялось повыше и стало припекать не на шутку, ему сделалось жарко и сильно захотелось пить.

Так как ему не хватало правого глаза, то он посмотрел налево, потом сделал пол-оборота, ещё раз посмотрел налево и закричал во всё горло:

— Река! Ку-ку-река! Ку-ку-река!

Но это была вовсе не река, а только маленький ручёёк, почти пересохший от зноя.

Наш путешественник сначала перемахнул через гряду гладких, словно отшлифованных камней, потом пересёк полосу мягкого, мелкого песка и только тогда увидел наконец, что по самой середине песчаного ложа изви-

лась струйка воды, но такая узенькая, тоненькая, слабенькая, что достаточно было двух листков, упавших с дерева, чтобы совсем остановить её течение.

Однако же не зря сказано: «Где быку и не напиться, там петуху — утопиться!» Для нашего странника и в этом ручейке было довольно воды. Он наклонил к ручью свой гребешок и опустил в воду клюв, потом, по обычаю предков, закинул голову назад, ещё раз наклонился, ещё раз откинулся — и так до тех пор, пока не почувствовал в горле приятную свежесть.

И вот, когда он наклонился к воде в последний раз, она вдруг пролепетала еле слышным от слабости голосом:

— О сеньор, по вкусу ли вам пришлось это питьё? Я бы рада была угостить вас получше, да нечем — это мои последние капли... Я сохну, умираю... Вы сами видите: два жалких листка стали для меня непроходимой преградой. Я не могу поднять их, чтобы унести с собой, и не могу обогнуть их... Умоляю вас, будьте милосердны, отбросьте куда-нибудь в сторону эти два листа! Одним движением клюва вы можете вернуть меня к жизни и открыть передо мной дорогу. После первого же дождя я расплачусь с вами!

— Что? — сказал тринадцатый цыплёнок и раскрыл свой единственный глаз так широко, как только мог. — Вы, кажется, изволите шутить, сеньора Вода? Уж не принимаете ли вы меня за чистильщика канав? Стоило ли покидать свои родовые поместья, чтобы прокладывать путь в свет не себе, а другим? Что же касается дождя, то я не охотник до него. Я хорошо помню, как после одного ливня кто-то назвал меня «мокрой курицей». Это меня-то! Курицей! Да ещё мокрой!.. Нет уж, справляйтесь сами, как знаете. А я вам не слуга.

Тут он взмахнул крылом, оттолкнулся от земли шпорой и перелетел на другую сторону ручья...

— Ты ещё вспомнишь обо мне . . . — пробормотала Вода, но так тихо и невнятно, что он ничего не слышал, а может быть, не захотел услышать.

К тому времени, когда солнце поднялось на самую середину неба и колокол на церковной башне отсчитал целую дюжину гулких, полновесных ударов, тринадцатый цыплёнок (для краткости мы будем называть его просто Тринадцатый) уже добрался до оливковой рощи. Он нашёл себе уютное местечко в тени, затащил глаз плёнкой и задремал. Ему снился очень приятный сон — будто он занял высокое, самое-самое высокое положение в свете. Это он вместо солнца плыл по небу, светил направо и налево, жёг и припекал кого следует, а солнышко, опустив свой золотой гребешок и свернув лучистые крылья, дремало в роще олив! Да, это был очень, очень приятный сон!

Выспавшись всласть, Тринадцатый проснулся, подскокил на одном месте, крикнул «ку-ку-ре-ку» и отправился дальше.

Скоро он оставил позади оливковую рощу и вышел на укромную полянку, всю заросшую кустами диких роз.

— И кто только насажал здесь столько ко-ко-колючек! — сказал он и от негодования закатил глаза под самый гребень. — Полюбуйтесь-ка на них! Как расфрантились, как раздушились! И смотреть противно и дышать нечем! . . . Нет, надо удирать отсюда поскорее!

И он так сильно взмахнул крылом, что ветки вокруг него закачались, а в траве зашелестело. Он остановился и прислушался.

— Добрый сеньор, — шелестело в траве, — помогите мне! Я Ветер — тот самый, который в хорошие времена вырывает с корнем оливковые деревья и сбрасывает с домов крыши . . . Видишь, что сделал со мной полуденный зной, — я почти без чувств и лежу на самой земле . . .

— Ах, так это вы, принц-невидимка? — сказал Тринадцатый, не кланяясь. — Вот уж не ожидал встретить ваше Высочество так низко!.. Что ж это с вами случилось?

— И сам не знаю, — чуть дыша, прошептал Ветер. — Должно быть, я слишком долго играл с розами и они вскружили мне голову...

— Так, — сказал Тринадцатый. — Чего же вы хотите от меня, ветренный принц?

— Ах, меньше малого! — зашелестел Ветер. — Подними меня чуть-чуть над землей и взмахни разок-другой своим крылом, чтобы я мог прийти в себя.

— Не понимаю, — сказал Тринадцатый. — Разве можно поднять то, чего не видишь? А я вас не вижу.

— И не надо, — ответил Ветер. — Вот рядом со мной лежит пушинка одуванчика. Подкинь её кверху и гони крылом. А уж я поднимусь вместе с ней. Чуть только я выберусь из этих зарослей, мои крылья сами собой развернутся, и у меня хватит сил долететь вон до тех белых облаков. Их гонят мои братья — этот славный, весёлый народ, они поддержат меня до тех пор, пока я не получу наследства от моего деда Урагана. Ну, подними же меня скорей! Подними! Ты не пожалеешь об этой услуге...

Но Тринадцатый только отступил назад на полшага и тряхнул гребешком.

— Сеньор, — сказал он, — ваше Величество! А помните вы, как однажды, всего каких-нибудь восемь дней тому назад, вы изволили залететь в наше поместье и вволю позабавились, гоняя меня по всему двору и раздувая мой хвост, как будто это не хвост, а парус! Все вокруг смеялись, даже самые желторотые цыплята, а вы — громче всех. Вам очень смешно, не правда ли? Что ж, как видно, и насмешники оказываются иногда в смешном положении. Советую вам быть ниже травы, тише воды и, лёжа здесь, под ногами у муравьёв,

поразмислить на досуге о том, как дурно смеяться над теми, кто имеет в обществе гораздо больше веса, чем вы.

Сказав эту речь, Тринадцатый выгнул грудь колесом, напыжился, крикнул три раза «ку-ку-ре-ку» и побежал дальше.

На сжатом поле горкой лежали только что вырванные жнецами сорные травы. Лёгкий, чуть видный дымок выбивался из стеблей и листьев. Тринадцатый подошёл поближе, чтобы посмотреть, что тут происходит, и увидел маленький огонёк, который червячком извивался среди зелёных, ещё сырых стеблей, но никак не мог разгореться.

— Ко мне, дружище! — зашипел Огонь. — Скорей, скорей помоги мне, а не то я сейчас угасну... И куда только запропастился мой двоюродный братец — Ветер? Я совсем пропадаю без него. Окажи мне услугу — принеси хоть несколько сухих соломинок, чтобы я мог немного подкрепиться. Уж я не останусь перед тобой в долгу!..

— Ку-ку-ре-ку, — сказал Тринадцатый. — Вы просите у меня всего несколько соломинок? Это, конечно, немного. Но не скажете ли вы мне сначала, ваша светлость, кто зажарил мою покойную бабушку Брамапутру и мою тётку Пулярду?

И с этими словами он вскочил на кучу сорной травы и так плотно придавил её к земле, что Огонь сразу перестал шипеть и последняя струйка дыма растаяла в воздухе.

А Тринадцатый взмахнул крылом и помчался дальше в поллёта, в полскока.

К вечеру он увидел перед собой городскую стену, черепичные крыши и высокую колокольню.

— Кук-ура! Ку-ку-Рим! Ку-ку-ре-ку! — закричал он и подпрыгнул так высоко, как только мог.

На самом деле это был вовсе не Рим, а просто маленький кастильский городок, куда окрестные крестья-

яне возили в базарные дни овощи, свежие яйца и молодых откормленных кур со связанными ногами.

Но Тринадцатый ни у кого ничего не спрашивал, а потому мог думать, что ему было угодно. Он считал, что уже достиг своей цели и ему остаётся совсем немного — только занять высокое положение в свете.

Как же это сделать? О, это совсем не трудно. Надо только, чтобы вас заметили.

А как сделать, чтобы вас заметили? Надо кричать как можно громче.

И вот Тринадцатый побежал на самую большую площадь в городе — это была площадь перед церковью, — взлетел на паперть и принялся кричать, что было сил: «Ку-ку-ре-ку! Ку-ку-ре-ку!»

— Ты слышишь? — сказал своей жене церковный сторож. — Чей это петух заливается у нас на паперти?

— Ума не приложу . . . — сказала сторожиха. — У нас в городе и нет таких горластых петухов.

— Да и во всей Кастилии нет петуха, который бы кричал в такое неурочное время, — прибавил сторож и вышел посмотреть, кому это вздумалось тревожить добрых людей.

Он поймал буяна за хвост, перевернул вниз головой и потащил к себе на кухню.

— Погляди-ка, жена, на это диво! — сказал он. — За всю свою жизнь не видел я такого удивительного петуха!

— Да разве это петух? — сказала сторожиха. — Это просто полпетушонка. А ведь туда же — кричит, как настоящая птица!

— Ну что его разглядывать! — сказал сторож. — Давай-ка сюда кипятку, жена, да ошпарь его хорошенько, чтобы легче было ощипать. Мы люди бедные, нам на ужин и полпетуха довольно, — особенно если эта половина достается даром.

Сторожиха сняла с очага целый чугунок кипятку.

— Здравствуйте! Здравствуйте!— заклокотала Вода в чугунке.— Надеюсь, вы узнаете меня, сеньор?

Ах, это была довольно-таки неприятная встреча!

— Помилуйте! Помилуйте, госпожа моя Вода!— закричал Тринадцатый.— Чистая, сладкая, прекрасная Вода!.. Вы лучше всех на свете — я так люблю вас, когда вы не кипятитесь! Сжальтесь надо мной, не обварите меня!

— А ты пожалел меня, когда я была слабее тебя?— ответила Вода, вся бурля от гнева.— Ты даже не захотел ради меня лишний раз нагнуться.

И она выплеснулась на него с такой яростью, что ни одной пушинки не осталось у него на теле.

Тогда сторож посадил беднягу на вертел и поднес к огню.

— Господин мой Огонь!— закричал Тринадцатый.— Отец Света! Брат Солнца! Соперник Брильянта! Сжался надо мной! Сдержи свою горячность, умерь свое пламя — не жарь меня!

— А ты пожалел меня, когда я был слабее тебя?— ответил Огонь и засверкал от злости.— Ты не захотел подать мне в беде даже соломинку!

И он до того распалился, что одним дуновением превратил Тринадцатого от головы до шпоры в уголь.

— Ах, чёртова птица!— сказал сторож, вертя перед глазами чёрного, как сажа, и твёрдого, как палка, петуха.— И когда только она успела сгореть так, словно её поджарили на адском пламени? Да пропади она пропадом! Не стану же я есть на ужин головешку!

Он схватил Тринадцатого за ногу, размахнулся и выкинул на двор — прямо на кучу навоза.

— Ветер! Милый Ветер!— прошептал Тринадцатый еле слышно.— Пожалей меня — мне так горячо... Подуй на меня! Взмахни надо мной своим крылом!..

— А ты пожалел меня, когда я был слабее тебя? — зашумел Ветер. — Пошевелил ради меня крылом? Ну, да уж ладно . . . Я, так и быть, подую на тебя, коли ты сам просишь. Да только я ведь теперь не прежний. Крылья у меня отросли. Я так на тебя стану дуть, что ты у меня завертишься!

Ветердохнул один разок, и Тринадцатый взлетел на верхушку колокольни — прямо на острую спицу. Дохнул другой раз, и петушок завертелся волчком.

Так он и вертится до сих пор. Куда ветер подует, туда и поворачивается однокрылый, одноногий петушок.

Все уже давно позабыли, что когда-то он скакал по земле и звался Тринадцатым. Теперь его просто зовут Ветряным петушком или Флюгером.

— Ничего, — скрипит Флюгер, когда сильный ветер кружит его на спице, — ничего! . . . Пусть я прошел сквозь огонь и воду, пусть ветер занёс меня под самое небо и вертит, словно на вертеле, а всё-таки я добился своего: занял высокое положение в свете!

СОДЕРЖАНИЕ

Волшебные сказки Эдуарда Лабулэ.

<i>Предисловие О. Слепкова . . . . .</i>	<i>.5</i>
Ивон и Финетта	.7
Пиф-паф или искусство управлять людьми . .	.42
Три лимона	.84
Добрая жена	.102
Пальчик	.116
Зербино-нелюдим	.142
Как петушок попал на крышу	.176

Эдуард Лабуло
ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Редактор О. Слупков
Технический редактор В. Блауа

Формат 60 × 84. 16. Офсетная бумага. Гарнитура Академическая. Усл.-печ. л. 11,16. Издательская фирма «Альбатрос». Регистрационное удостоверение № 2-0007. Заказ № 1917. Набор подготовлен госпредприятием «Подгравияе скайтлешанае ценгрос», Рига, ул. Пушкина, 12.

Отпечатано в ИПП «Янтарный сказ»,
236000, г. Калининград, ул. Карла Маркса, 18.

1

НОВАЯ ЦЕНА

500 р. =

SOBD

1061712

